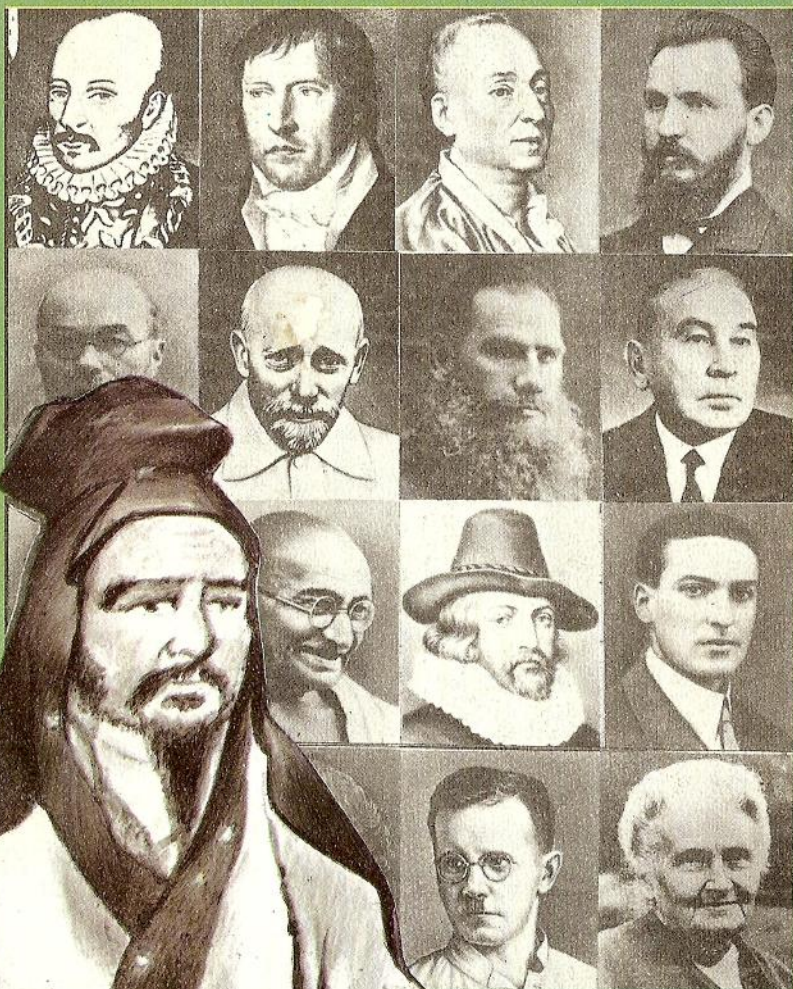

АНТОЛОГИЯ
ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

КОНФУЦИЙ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ШАЛВЫ АМОНАШВИЛИ

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Амонашвили Ш.А. — глава Издательского Дома

Асмолов А.Г.

Бордовский Г.Л.

Гиршович В.С.

Гуливатый В.М.

Давыдов В.В.

Загвязинский В.И.

Зуев Д.Д. — главный редактор

Кезина Л.П.

Матросов В.Л.

Ниорадзе В.Г.

Петровский А.В.

Сартания В.Ш.

Семашкин А.А.

Шадриков В.Д.

Щетинин М.П.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ШАЛВЫ АМОНАШВИЛИ

СОСТАВИТЕЛЬ
И АВТОР
ПРЕДИСЛОВИЯ

ПЕРВЫЙ
ЧИТАТЕЛЬ

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

**Малявин Владимир
Вячеславович**
доктор исторических
наук

**Ямбург Евгений
Александрович**
заслуженный учитель
школы Российской
Федерации

АНТОЛОГИЯ
ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

КОНФУЦИЙ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ШАЛВЫ АМОНАШВИЛИ

МОСКВА
1996 год

УДК 141
ББК 87.3
К65

Составитель и автор предисловия — доктор исторических наук
В.В.Малявин

Первый читатель — Заслуженный учитель школ Российской
Федерации *Е.А.Ямбург*

К65 Конфуций и его школа. — М.: Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 1996. — 176 с. — (Антология гуманной педагогики.)

ISBN 5-89147-003-9

В этой книге публикуются изречения знаменитого китайского мудреца Конфуция и другие важные памятники конфуцианской традиции, которые в совокупности дают живое и полное представление о принципах и методах педагогической школы Конфуция. Публикации текстов снабжены вступительной статьей, примечаниями составителя в тексте и комментариями современного педагога Е.А.Ямбурга — первого читателя этой книги.

Книга рассчитана на студентов педагогических вузов, учителей средней и высшей школы и широкий круг читателей, интересующихся историей мировой культуры и педагогики.

К $\frac{4303000000 - 2}{76C(03) - 96}$ Без объявл.

ББК 87.3

ISBN 5-89147-003-9

© Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 1996

ПРЕДИСЛОВИЕ

Череда поколений подобна одному человеку, который непрерывно учится.

Б.Паскаль

Человек, получивший от современников почетное прозвище Кунфу-цзы, что значит «почтенный учитель Кун», а в Европе известный под латинизированным именем Конфуций, жил две с половиной тысячи лет тому назад в стране, удаленной от Европы на десятки тысяч верст. Он не сделал политической карьеры, не одержал громких побед на полях сражений, не поразил мир гениальными открытиями и, будучи очень скромным, даже не оставил потомкам письменных поучений. Но ему удалось то, о чем может только мечтать каждый человек и в особенности человек учительствующий: слава о нем облетела весь мир, а на его родине, в Китае, память о нем и сегодня заявляет о себе неоспоримой наглядностью материальных предметов. В лежащем у подножия Шаньдунских гор городке Цюйфу, родном городе Конфуция, приезжему непременно покажут и старинную усадьбу рода Кунов, где живут прямые потомки — теперь уже в семьдесят восьмом поколении! — древнего мудреца, и могилу самого Конфуция. Нынче в Цюйфу каждый год проводят пышные празднества в честь первого Учителя Китая. Под грохот барабанов и зазывания труб актеры, одетые в экзотические костюмы, с топорами и секирами в руках исполняют ритуальные танцы, которые доводилось видеть самому Конфуцию. И в воздухе, напоенном терпким запахом благовоний, звучат слова хвалебных гимнов величайшему мудрецу Китая:

Велик, велик, велик Конфуций!
Ему ведом вселенский путь вещей.
Он телом стал одним и с Небом, и с Землей.
О, Учитель десяти тысяч поколений!..

Если заслуги учителя определяются тем, насколько его жизнь, его опыт и мысли продлеваются в его учениках, то Конфуция и в самом деле можно назвать величайшим Учителем всех времен: имя

его стало подлинным символом мудрости целого народа, а память о его жизни, о его неповторимой личности сохранилась до наших дней. В чем же секрет этой необыкновенной жизненности наследия Учителя Куна?

Ответ прост, но требует долгих размышлений: Конфуций первым в истории **открыл человека**; он был учителем человечности в человеке. До Конфуция на земле были только боги или потомки богов — цари, герои, божественные первопредки. Конфуций с простотой, достойной основоположника великой цивилизации, провозгласил: у человека нет лучшего призвания, чем осознать себя человеком и стать творцом культуры — единственной реальностью, которая целиком и полностью создается людьми. И в этом усилии самоосознания, высвечивающего в жизни Прекрасное, Возвышенное и Должное, человек, по Конфуцию, не уступает богам.

Что же, согласно Конфуцию, делает человека подлинно человеческим, что очеловечивает человека? Не что иное, как способность осмысливать свою жизнь, судить самого себя, совершенствоваться всегда и во всем — способность, данная человеку от природы и все же реализуемая нами через непрестанное и многотрудное усилие. В ней сходятся и приходят к равновесию, друг друга обуславливая, природное и культивированное, знание и действие.

Но усилие самосовершенствования, как всякая практика, всякое искусство, не может осуществляться на пустом месте. Оно требует своего материала, и материал этот, как хорошо видел Конфуций, составляет ему культура, еще точнее — культурная традиция, в которой запечатлен опыт совершенствования, самоочеловечивания многих поколений людей.

В деле учительства, по определению, должно цениться в первую очередь не оригинальное, даже не умное, а просто долговечное, непреходящее, вечнопреемственное в нашем опыте. Воистину же неизменно всякое мгновение жизни, озаренное светом разума. Культура, по своей сути, есть жизнь, наполненная сознанием и сознательно прожитая; жизнь неумирающая, ибо она простирается в вечность. А творчество, способность человека к самообновлению, открытию новых горизонтов своего бытия оказываются в итоге лучшим залогом человеческого постоянства.

Конфуций был первым и, может быть, самым убежденным и последовательным защитником культуры в человеческой истории. Этим определено его значение как педагога.

Если верить преданию, Конфуций родился в 551 г. до н.э. от весьма экстравагантного брака семидесятилетнего воина-ветерана и семнадцатилетней девушки. Еще в раннем детстве он лишился отца и вырос в доме матери, познав нужду и бедность. Но он причислял себя к служилому сословию и мечтал о славе государственного мужа. Однажды, лет шестнадцати от роду, Конфуций даже

явился на званный пир в дом одного знатного вельможи, но привратник прогнал его со двора, заявив, что хозяин не принимает у себя таких оборванцев. Будущий «наставник всех поколений» не смутился и не озлобился, а продолжал все с тем же упорством готовить себя к государственной карьере. И был вознагражден за свое усердие. Вскоре он получил должность смотрителя амбаров, а потом смотрителя пастбищ в своем родном царстве Лу. Со временем необыкновенная книжная эрудиция и превосходное знание старинных церемоний принесли ему известность при царском дворе, но сделать карьеру чиновника Конфуцию так и не удалось. Он был слишком прямодушен и искренен, чтобы выжить в обществе дворцовых интриганов. Несколько лет он провел в добровольном изгнании, сопровождая законного правителя царства. Позднее, уже занимая должность главного судьи царства Лу, он снова покинул родину, протестуя против неблагоприятного поведения государя. Четырнадцать лет Конфуций колесил по городам и весям, проповедуя принципы «доброго правления». Местные правители с почетом принимали знаменитого ученого, сочувственно выслушивали его и... вежливо выпроваживали. Никто из них так и не поверил словам Учителя Куна о том, что власть в этом мире дает не сила, а учение и добродетель. В конце концов Конфуций возвратился на родину и стал жить, как гласит предание, «в праздности», отдавая свое время ученым занятиям и воспитанию учеников.

Чего же добивался Конфуций? В чем черпал он силы противостоять нелегким жизненным обстоятельствам? Отметим, прежде всего, что жизнь Учителя Куна пришлась на время упадка династии Чжоу, когда страна распалась на множество самостоятельных уделов, а прежний жизненный уклад оказался поколебленным: в обществе усиливалось брожение, всюду зрели семена смуты и междоусобных войн. За пятьсот лет до Конфуция, когда чжоусцы завладели Китаем, их вожди объявили, что верховное божество, или Небо, дало им власть над миром за их несравненные доблести. Результатом этой попытки оправдать воцарение дома Чжоу стало быстрое обмирщение чжоуской религии. С легкой руки чжоуских летописцев древние мифы превратились в назидательные исторические повествования, ведь с точки зрения чжоуских идеологов люди сами предрешают свою судьбу. Возникло понятие Небесного Пути (тянь дао), которое обозначало исток мирового движения, судьбу всего сущего, стоявшую даже выше духов. Общения с божественными силами чжоусцы стали искать в самоуглубленности, нравственно оправдываемом самообладании. Так, религия в чжоуской традиции постепенно заслонилась этикой, жизнь праведная приобрела значение жизни правильной.

Впрочем, так было только в теории. В реальной жизни упадок авторитета старых богов вовсе не означал, что люди автоматически

осознали собственную моральную ответственность. Конфуций был свидетелем острейшего кризиса традиционных духовных ценностей чжоусцев и испытал его последствия на собственном опыте. Он предложил свой, в общем-то, простой и ясный рецепт восстановления былого порядка: каждый человек должен сам понять глубокий нравственный смысл древних установлений и претворить его в своей жизни. Власть, не подкреплённая добродетелью, разрушает общество. Тиран может водворить в государстве порядок, он даже может создать в стране видимость благополучия, привести к процветанию науки и искусства, но он никогда не сможет сделать людей счастливыми.

Итак, первый совет Конфуция для всех людей и на все времена: начини исправлять мир с самого себя; прежде чем поучать других, позаботься о собственном совершенствовании. Вот почему у Конфуция просто не было шансов добиться успеха в политике, которая прежде и превыше всего есть искусство манипулировать другими людьми. Но по той же причине он имел огромный успех в деле учителя и воспитания. В своем доме Конфуций открыл, кажется, первую в истории частную школу, где в разное время обучались несколько сотен учеников, из которых, по преданию, семьдесят «прославили свое имя».

Весь смысл деятельности Конфуция-политика и Конфуция-воспитателя сводился к восстановлению авторитета чжоуской традиции, в сущности, единственной культурной традиции, известной ему. Но как человек новой эпохи, как Учитель человечности Конфуций подверг серьезному пересмотру центральное для чжоуской культуры понятие «ритуала» (ли). Первоначально относившееся только к культовым поклонениям предкам и божествам, оно стало во времена Конфуция знаком мировой гармонии, средством нравственной самооценки человека, нормой красоты. По той же причине Конфуций со всей серьезностью относился к исполнению традиционных ритуалов: последние были в его глазах лучшим средством воспитания. Правда, значение их вовсе не сводилось к внешней обрядности. Ритуал для Конфуция был, повторим, только поводом к самопознанию; в своем пределе он был некоей предвечной, как бы эмбриональной, вечносушей — ибо всецело сознательной — формой всех мыслей и душевных движений, некоей бесконечной действительностью, предвещающей, предвосхищающей все события, подобно тому, как семя в известном смысле уже содержит в себе плод. Познать ритуал означает, по Конфуцию, «держат на ладони весь мир», ведь в нем хранится предвечная матрица культуры, или, что то же самое, «семена всех вещей». Познать ритуал — значит прозреть внутреннее, лишь чаемое нашим сердцем совершенство каждой вещи. Сущность же ритуала, согласно Конфуцию, лучше всего выражает музыка — самая искренняя, самая понятная нам вестница полноты и гармонии жизни.

Так, предложенное Конфуцием размышление о нравственной значимости ритуала приводило к открытию главенства безмолвия и покоя в качестве символов, другими словами, истока и условия — всех слов и действий. Истинный ритуал заявляет о себе не чем иным, как бездействием; он есть не предмет, не деяние, а Присутствие. Мудрому правителю, для того чтобы повелевать миром, требуется, согласно Конфуцию, недвижно «сидеть лицом к югу и не более того». Конфуций и сам однажды немало удивил своих учеников, заявив, что «не хочет больше говорить».

«Но если вы, Учитель, не будете говорить, что же мы передадим потомкам?» — спросили ученики. «Разве Небо говорит? — ответил Учитель Кун. — А ведь времена года исправно сменяют друг друга, и все живое растет. Разве Небо что-нибудь говорит?»

Позиция Конфуция не означает отказа от учительства. Китайский мудрец не хочет, чтобы только его индивидуальный, частный голос заглушал все многообразие голосов мира. Он хочет говорить языком полноты бытия. Не нужно говорить там, где правда жизни сама светится в каждом новом впечатлении, каждом жесте, каждом чувстве, где сообщение о некоем предмете целиком стало общительностью, приобщением к внутренней правде жизни. Здесь нужно лишь позволить кристаллу жизни светиться своим таинственным внутренним огнем.

Мудрый **прозрачен**: сияние небес просвечивает сквозь него... Оттого Конфуций не был философом, который выстраивает свою «систему мысли», закрепляя за словами какие-нибудь особые, им самим установленные значения. Оттого же позиции Конфуция, при всем ее педантизме, так свойственны ирония и даже добродушный юмор: не может не быть ироничным и шутивным тот, кто познал бессилие слова определить реальность и вместе с тем знает, что без слова человек не сделает себя человеком.

Акцент Конфуция на ценности безмолвия — это тоже часть, и очень важная, конфуциева оправдания культуры. Он напоминает о том, что все явленное — это только метафора, «превращенная реальность». Но метафора неустранима в нашем восприятии, и в этом необходимое условие существования культуры, всегда оправдывающей декоративное, орнаментальное, иносказательное в жизни.

Культура, воспринятая под знаком метафоры, предстает царством теней, следов, отблесков незримого. В этом смысле культура в самом деле бессмертна. Пусть исчезнет галактика — культура как момент «самопревращения» бытия, игры сущности с собственной тенью останется.

Выскажемся еще определеннее: апология безмолвия у Конфуция — это не только не отказ от учительства, но и самое решительное, самое радикальное его оправдание. Ибо учитель потому и учитель, что он непонятен, непрозрачен для учеников, овеян аурой тайны. Безмолвие — признак разделения на посвященных и не-

посвященных, и мудрецы в Китае превыше всего ставили «обучение без слов», т. е. такое обучение, которое побуждает возвращаться вновь и вновь к домыслимому, совершенно непосредственному и конкретному переживанию жизни. Перед смертью Конфуций говорил, что никто в мире не понял его. Вот, поистине, слова, достойные великого Учителя!

Становится понятным теперь, почему в наследии Конфуция такое огромное значение имеют именно материальные его атрибуты, декорум жизни Учителя. Быть причастным к конфуциевой традиции — значит пребывать в «тени Учителя».

Главный источник для изучения взглядов Конфуция — книга «Беседы и Суждения» («Лунь юй») — представляет собой сборник отдельных высказываний Учителя, записанных учениками уже спустя много лет после его смерти. Настоящий предмет этой книги — не доктрина, а сама личность Учителя или даже, точнее, та часть его личности, в которой воплощается воля мудрого к само-опрозрачиванию, самоустранению всего субъективно-ограниченного в нашем опыте. Но будем помнить, что, устрояясь из жизни, «Учитель всех поколений» на самом деле входит в жизнь, претворяет свое индивидуальное бытие в неумирающее родовое тело жизни. Отсюда столь странное для европейца сочетание торжественного пафоса книги и малозначительности, порой даже шокирующей тривиальности упоминаемых в ней деталей из жизни величайшего мудреца Китая. Мы узнаем, что Конфуций одевался скромно и практично: летом носил «холщовый халат, непременно надетый на легкую рубашку, чтобы соблюсти различие между верхним платьем и исподним». У себя дома он носил отороченные мехом халаты с обрезанным правым рукавом — так было удобнее и для ученых занятий, и для различных хозяйственных работ. Постясь перед жертвоприношением предкам, он обязательно надевал платье из самой грубой материи, ел самую грубую пищу и не сидел на своем обычном месте. А вот каких правил придерживался Учитель Кун за столом:

«Учитель не съедал весь поданный ему рис и все поданное на стол мясо. Он не ел прокисший рис и пищу, источавшую дурной запах. Он не ел плохо приготовленную пищу и никогда не кушал в неурочное время. Он не ел пищу, если она не была нарезана, как принято, мелкими кусочками, и не принимал пищу, лишенную добавляющей ей приправы. Даже если на столе было много мяса, он всегда ел больше риса, чем мяса...»

Конфуций умел держаться просто, но с достоинством. В часы досуга, сообщают ученики, он был «радушен и весел». Если рядом кто-то запел песню, которая ему нравилась, он охотно подхватывал. При случае, чтобы поддержать застолье, он не отказывался от чарки вина, но «никогда не бывал пьян». Он даже не протестовал против веселых гуляний в дни деревенских праздников, резонно

замечая, что у крестьян есть потребность время от времени отвести душу, ведь и «лук, если его держать всегда согнутым, потеряет свою упругость». Однако встретив человека, носившего траур, он неизменно «принимал торжественный вид» и был безупречно учтив даже с нищими слепыми музыкантами, которых люди из «хорошего общества» вовсе не замечали. Он никому не навязывал своего мнения, и в числе самых памятных качеств Учителя его ученики называют именно его деликатность. Но, когда обстановка того требовала, он проявлял необыкновенную мужественность и не терял присутствия духа даже в минуту смертельной опасности.

Надо сказать, что Конфуцию было вовсе не легко стать для своих современников всеобщим эталоном благовоспитанности. Природа наградила его грузным телосложением и весьма экстравагантной, если не сказать уродливой, внешностью: над его некрасиво выпученными глазами нависал необычайно массивный лоб, его уши были чрезмерно длинными, нос — толстым и мясистым, а из-под вздернутой верхней губы выступали наружу два неестественно больших передних зуба. На темени у него от рождения была глубокая вмятина, дававшая пищу для бесконечных пересудов. Кроме того, Конфуций отличался необычайно высоким ростом, за что его в молодости даже называли верзилой. И тем не менее благодаря многолетней работе над собой Учитель Кун в свои зрелые годы сумел снискать всеобщую симпатию современников и стать настоящим законодателем хороших манер.

И еще одна примечательная черта: жизненные правила Учителя Куна, как мы уже могли заметить, проникнуты заботой о здоровом и гармоничном образе жизни. В поведении и привычках Конфуция мы не найдем никаких причуд, никаких болезненных слабостей, которыми так часто отмечен образ гения в западной культуре. Известно, что Конфуций даже в старости был превосходным стрелком из лука и отличался недюжинной физической силой. Со временем в Китае его стали почитать, помимо прочего, и как одного из зачинателей методик оздоровления.

На фоне такого исключительного внимания учеников Конфуция к любопытным, но, скажем прямо, не слишком примечательным нюансам повседневной жизни их Учителя, становится еще заметнее отсутствие в составленной ими книге каких-либо систематических сведений об учении Конфуция и даже о его биографии. Авторам «Бесед и Суждений» дороги каждое слово и каждый жест любимого наставника, для них в его жизни нет ничего незначительного — и это счастливо избавляет их от необходимости судить о «главном» и «второстепенном» в наследии Учителя. Они создали самый ранний в истории человечества портрет человека, как он есть. Портрет настолько не приукрашенный и живой, что кажется даже не портретом, а как бы словесным слепком своего прототипа,

явленным, подобно настоящему отпечатку тела на бумаге, в хаотической россыпи пятен, штрихов, нюансов тона. И эти блики потаенного света не столько выявляют некий внешний образ личности, сколько вызывают к глубине сознающего (следовательно, нравственного) сознания. Перед нами, если говорить точнее, портрет человека, претворяющегося в опыт человечность — общий для всех и каждому внятный. Правда бесед Учителя Куна с его учениками — это встреча сердец, всегда неожиданная и все же ожидаемая, мимолетная, но оставляющая о себе бесконечно долгую память. Это сама правда ритуала — события, нескончаемо воссоздающегося в потоке времени.

Так со страниц «Бесед и Суждений» в нас входит образ человека, словно разрастающегося в людях и поколениях, извечно претворяющего себя в иную жизнь. Этого человека мало понимать. С ним нужно прожить жизнь — долгую, углубленную.

Если мы уловим присутствие в «Беседах и Суждениях» некоего затаенно-эмоционального подтекста, тех почти бессознательных чувств и порывов, которыми питается очарованная душа, если мы доверимся этому подтексту, мы поймем, почему авторы этой книги при всем их благоговейном внимании к деяниям и словам Учителя Куна остались равнодушны и к хронологии, и даже ко многим ключевым датам его жизни. Дело в том, что в жизни Конфуция их интересовали не факты, а события, имеющие силу духовного воздействия, еще точнее — сама событийность разных жизненных миров, безмолвная встреча человеческих сердец. Из фактов складывается биография, из событий получается нечто другое — может быть, житие, может, драма, а может, серия анекдотов с назидательным выводом. Исторически словесная мозаика «Бесед и Суждений» с ее краткими, часто маловразумительными сентенциями, обрывками разговоров, записями житейских случаев и проч. и в самом деле отлилась в две литературные формы: афоризм и анекдот. И то и другое указывает предел развития конфуцианской словесности, когда слово из сообщения о чем-то становится безмолвной — мечта Конфуция! — со-общительностью людских душ. Ведь афоризм и анекдот рождаются, собственно, из внезапно открывшегося понимания ненужности говорения. Они упраздняют сами себя, ибо сообщают о том, о чем говорить невозможно и ненужно.

Афоризм и анекдот — главное средство наставления у китайского Учителя, который хочет устранить себя для того, чтобы явить необозримую полноту жизни. Они равно чужды бесстрастности логического тезиса и пристрастности субъективного самовыражения. В сущности, они очерчивают пространство музыкальных созвучий мировой души, в котором пребывает символическое — всегда лишь чаемое — «тело» традиции.

При подготовке этой книги к печати соблазнительно было расположить изречения Конфуция и его учеников по отвлеченным тематическим рубрикам. Но, в конце концов, составитель решил сохранить традиционную, по виду «хаотическую» композицию книги. Такая композиция сама по себе имеет огромное воспитательное значение, ибо она-то и учит завещанной Конфуцием духовной «настройке слуха», помогающей со вниманием относиться к любой мелочи, прозревать неизменное и великое в как бы случайном и частном. Превыше всего она учит постигать сущность вещей в том, что кажется лишь побочным, орнаментальным. В усадьбе рода Кун-нов хранится старинный портрет Конфуция и двух его учеников, края и складки одежды которых выписаны крохотными иероглифами текста «Бесед и Суждений». Трудно придумать более наглядную иллюстрацию существа конфуциева слова: скромного и практичного, как предметы домашнего обихода, сказанного всегда «к случаю», предназначенного быть усвоенным не просто умом, но сердцем, даже «всем существом», и притом слова-орнамента, прикрывающего, как всякое украшение, символическое тело предания...

Учитель, достойный своего звания, должен быть загадочен, в известном смысле даже непонятен для ученика. Настоящий учитель — это всегда тайна. Есть какая-то неизъяснимая тайна в стремлении создателей книги о Конфуции выхватывать в жизни Учителя ее самые обыденные, непритязательнейшие черты, подобно тому, как объектив бинокля выхватывает неприметные невооруженному глазу детали пейзажа. Внимательный и вдумчивый читатель узреет в самом факте фиксации этих простых житейских «случаев» свидетельства особенной чувствительности духа, знаки внутренних озарений, как бы пробуждений сознания, когда мы словно в первый раз видим знакомые вещи и с изумлением открываем мир заново. В конечном счете эти тонкие узоры многоцветного полотна внешней жизни приоткрывают нам таинственную глубину жизни внутренней, где бесчисленные творческие метаморфозы свершаются в светоносном и безмолвном, как само Небо, просторе сознания, открывшегося полноте бытия, полноте символической, которая сродни невообразимому совершенству музыкальной гармонии. И недаром Учитель Кун более всего ценил в своих учениках способность «по одному углу квадрата опознать три остальных», за единичным событием увидеть вечносущий Путь.

Конфуций как раз и обозначал эту просветленную, сверхприродную жизнь сознающего сердца понятием тянь, что означает «небо». Небо для Конфуция — внутренняя реальность и притом вмещающая в себя всю бессмертную «мудрость предков». Именно Небо, по утверждению самого Конфуция, даровало ему знание просвещенной жизни — вэнь (этот термин обычно передается в европейских языках словом «культура»). Небо, в понимании Учителя

Куна, — это среда и сила жизненного творчества, беспредельное поле человеческой общительности.

О «небесной» тайне в своей судьбе Конфуций говорил неохотно, все больше намеками. Но он любил повторять, что «жизнь во имя Неба» требует особой и, надо сказать, малознакомой европейцу аскезы, которую можно назвать аскезой культуры. В формах культурной традиции он искал свидетельства самозабвенно-вольного парения духа. Ученики Конфуция сохранили известие о том, что их Учитель, услышав однажды звуки древней музыки, «три месяца кряду не чувствовал вкуса мяса». Сам Конфуций называл себя человеком, который «спит, подложив под голову локоть вместо подушки, и так поглощен учением, что не замечает надвигающейся старости». Наконец, Учитель, достойный этого звания, не просто знает заветы древних, но умеет «хранить тепло» древности, иначе говоря — внутренне, интимно соприкасается с «небесным» апофеозом жизни.

Сияние «небесной» мудрости опознается только по отблескам его в земной жизни. Истинный мудрец говорит лишь через своих преемников. Мы не можем «читать Конфуция» (который ни слова не написал от своего имени); мы можем только читать о Конфуции и благодаря Конфуцию. Но и сам Учитель лишь сообщает об истине, высказываясь по тому или иному поводу. «Излагаю, а не сочиняю. Верю в древнее и люблю его» — гласит одно из самых знаменитых изречений первого мудреца Китая. Правда традиции не принадлежит даже ее творцу. Эта правда предвечна, всегда уже задана мысли и опыту. Всякое слово — лишь тень и отблеск ее незримого тела. Самое имя «Конфуций» есть обозначение того, кто первым вступил в безначальный и бесконечный поток «небесного» бытия; кто первым открыл нравственную природу сознания и постиг свое бессмертие в самом акте общительности людских сердец. И поэтому правда традиции — не идея, не вещь, не кумир, а лишь выверенное, правильно ориентированное движение. Она есть подлинно Путь (дао) всего сущего. Жизнь же в правде есть вечное учение: поиск направленности своего пути, органически — цельное произрастание души.

Да, «учение» Конфуция есть только его жизнь и ничего более. Но это жизнь, не вмещающаяся в биографию, в «описание жизни». Словно музыкальный аккорд, она навеивает память о незапамятном и наполняет сознание ликующей радостью неисповедимых перемен...

Конфуций сам поведал о своем пути очеловечивания в следующих словах:

«В пятнадцать лет я обратил свои помыслы к учению.

В тридцать лет я имел прочную опору.

В сорок лет у меня не осталось сомнений.

В пятьдесят лет я знал веленье Небес.

В шестьдесят лет я настроил свой слух.

А теперь в свои семьдесят лет я следую зову сердца, не нарушая правил».

Загадочные и все же простые слова. Слова, вместившие в себя весомость человеческой судьбы и потому не нуждающиеся в риторических красотах. Исповедь, высказанная чуть ли не с протокольной аккуратностью, но обозначающая вехи сокровенного пути человеческого сердца. Пожалуй, более всего в ней удивляет то, что духовный рост Конфуция сливается с ритмом биологических часов его жизни, что моменты внутренних прозрений отмерены общепризнанными рубежами общественного мужания человека: пятнадцать лет, тридцать, сорок... По Конфуцию, человек умнеет, как идет в рост семья — неостановимо, произвольно и нескончаемо: нет предела совершенству. Это органическое мужание духа не знает ни драматических поворотов судьбы, ни каких-либо «переломных моментов». Но оно, конечно, не приходит само по себе, а требует большого мужества, ибо предполагает способность постичь свою границу, превозмочь себя, прозреть неизбывное в «прахе мира сего». Мудрость Конфуция — это смыкание духа и тела в бытии культуры как жизни вечнопреемственной. Она есть свобода, но свобода вневременная, безупречная, ибо целиком нравственная.

Но что же связывает эти на первый взгляд совсем разные состояния души Конфуция: «прочная опора», «отсутствие сомнений», «чуткий слух»?.. Мы знаем лишь исход конфуциева совершенствования: безукоризненная и, кажется, именно поэтому всегда незаконченная, открытая в будущее гармония чувств и рассудка, естества и искусства. Гармония, выработанная многолетним усилием воли, но ставшая уже «второй природой». А вот содержание этого усилия и есть «небесное» бытие — вечноживой момент духовного пробуждения. Конфуций никогда не говорил о таких вещах прямо. Но однажды он заметил, что стал знаменитым Учителем не потому, что много знает, а потому, что все его наставления «пронизывает одна нить». Таков главный завет первого мудреца Китая: стянуть человеческую жизнь в одну нить судьбы.

Сегодня мы можем сказать, что Учитель Кун впервые в Китае, а может быть, и во всем мире показал значение символического языка культуры для образования и воспитания человека. Это значение раскрывается в двух основных измерениях.

Во-первых, в формах культуры воспроизводится матрица человеческой практики — как материальной, так и духовной. Усвоение этих форм, представляющих собой плоды типизации человеческой деятельности, позволяет ученику реально претворить в своей жизни символическое «тело» традиции и обрести бессмертие в бытовании культуры. Именно такой характер, заметим, носило традиционное обучение в Китае, заключавшееся в усвоении учеником ре-

пертуара типовых форм того или иного искусства: художнику надлежало усвоить типовые элементы картины, музыканту — закрепленные традицией аккорды, и в любой жизненной ситуации ученому человеку полагалось соблюдать соответствующие нормы поведения. Ученость, таким образом, была неотделима от воспитанности, обладания хорошим вкусом. Требование усвоить матрицу всех действий обеспечивало фундаментальный характер самого обучения, а фундаментом всего воспитания и обучения оказывалось возвращение моральной воли в ученике. Человеческая личность, или, точнее, жизнь, вечнободрствующее (и, следовательно, моральное) сердце в конфуциевой традиции первичнее и важнее отвлеченного знания. Отсюда известное китайское изречение, гласящее: «В руках хорошего человека плохой метод становится хорошим, а в руках плохого человека и хороший метод плох».

Во-вторых, обучение, согласно конфуциеву «проекту», предполагает познание ценности культуры как **декорума** бытия. Педагогический гений Конфуция сказался, быть может, более всего в его понимании несостоятельности и бесплодности всякой заданности и декларативности в обучении. Претензия учителя на обладание истиной, мнимая многозначительность суждений, плоское доктринерство неизбежно приводят к догматизму и способны вызвать в ученике лишь протест против истин, которым его обучают. Человека нельзя «выковать» по какому-то заданному плану: реальные результаты такой «ковки» окажутся противоположны задуманному. Конфуций (и свидетельством тому является уже сам текст «Бесед и Суждений») учил открывать главное через частное, важное — через незначительное, вечное — через случайное. Он умел избежать насилия над учеником. Но в широком смысле успешно обучать способен лишь тот, кто умеет, говоря об одном, открывать другое — не изреченное в словах. Конфуций и сам говорил, что он берет в обучение лишь тех, кто способен «понять три, когда им указывают на одно». Только так обучение не закрепощает ученика, а, наоборот, делает его свободным.

В широком смысле обучение, по Конфуцию, преследует цель развить духовную чуткость, чувствительность ученика: последний, усваивая формы культуры, научается не только видеть в них плоды духовного подвижничества человека, но и ценить уникальность каждого нюанса опыта. Конфуций открыл одну великую истину: только подлинно образованный человек может сделать мир свободным, ибо ему доступно понимание неповторимости, уникальности каждого мгновения осознанной жизни, каждой человеческой личности, каждого места, о котором можно сказать: «Здесь был человек».

Как ни скупы, ни отрывочны записи «Бесед и Суждений», они позволяют составить общее представление о педагогическом методе Конфуция. Надо сказать, что этот человек, так радевший о

возрождению древних порядков, внес в дело обучения немало нового. Пожалуй, более всего поражает его радушие: знаменитый Учитель не без вызова заявлял, что готов принять в ученики всякого, кто принесет ему в качестве платы за обучение «связку сушеного мяса». Прежде в Китае учительствовали исключительно высокопоставленные чиновники, которые брали в учение только детей из знатных семейств. Конфуций первым стал обучать простолюдинов, почти не имевших надежды поступить на царскую службу. Он любил повторять:

«В обучении не должно быть различия между людьми».

Таким образом, Конфуций впервые в истории стал ратовать за равенство всех людей в обучении, за предоставление всем равных возможностей учиться. Это поистине революционное новшество стало возможным потому, что Конфуция интересовало не происхождение его учеников, не их жизненные планы, даже не их способности, а прежде и превыше всего — сами эти ученики как личности. Его интересовало просто человеческое в человеке. Он никогда не судил о людях, если не встречался с ними лично и не мог сам составить о них суждение. Поднявшись выше сословных предрассудков и всех предубеждений о человеке, он пришел к одной простой истине — истине настолько здравомысленной и всеобщей, что в наши дни она стала одним из девизов ЮНЕСКО:

«По своей природе люди друг другу близки, а по своим привычкам друг от друга далеки».

Итак, в человеке Конфуция интересовал сам человек. Этим обуславливаются особенности его учительского метода. По традиции в школах чжоуского Китая изучались так называемые «шесть искусств», потребные молодым аристократам: чтение, счет, музицирование, правила хорошего тона и воинские искусства — стрельба из лука и езда на боевой колеснице. Конфуций, конечно, нисколько не подвергал сомнению традиционную программу образования, ведь в ней воплощались неумирающие ценности столь любимой им «древности». Он и сам был одним из самых начитанных людей своего времени, прекрасно владел счетом и был отличным стрелком из лука. Но он же был и заклятым врагом всякой формалистики и всякого технанизма в обучении. Учитель Кун совсем не был похож на хорошо знакомый всем нам образ преподавателя-профессионала, который является в класс по часам, чтобы преподавать учащимся «знание предмета», а в остальное время живет своей личной жизнью, порой очень далекой от того, что он проповедует в классе. Главный завет Конфуция: будь мастером не ремесел, а собственно-го сердца, постигни смысл жизни в самоуглубленной работе сознания, для которой не требуются ни технические орудия, ни власть, ни даже признание общества.

Для Конфуция учение настолько сливалось с жизнью, что зачастую трудно понять, где в его школе кончается одно и начинается другое. Юноши, по обычаю поклонившиеся ему, как отцу-наставнику и поднесшие в знак преданности подарки, приходили в дом Учителя на целый день, а часто постоянно жили в нем, помогая по хозяйству. Не существовало ни установленных часов для занятий, ни программы обучения, ни чего-либо похожего на экзамены. Обычно с раннего утра, сразу после завтрака, ученики собирались в главном зале учительского дома, где хозяину полагалось встречать гостей. Поклонившись Учителю, ученики рассаживались друг против друга вдоль западной и восточной стен комнаты, а Учитель садился между ними перед северной стеной, где находился алтарь предков — самое почетное место в доме. В погожие дни он выходил во двор и усаживался в тени любимого абрикосового дерева (отчего его школа получила в истории название «Абрикосовый алтарь»).

Конфуций не читал лекций, не проверял знаний учеников, даже не толковал древние книги. Он обучал и воспитывал посредством свободной беседы, более непринужденной, чем философские диалоги Сократа, но отнюдь не бездумно-поверхностной, а рождаемой опытом постижения человечности в человеке, осмысленной и нравственной в каждом ее слове. Говорил лаконично, весомо, с какой-то ненавязчивой, но неоспоримой убедительностью. Иногда он отвечал на вопросы, изредка спрашивал сам, а чаще молча слушал разговоры учеников. Никаких споров ради познания истины, никаких умствований с целью вывести «общие правила» мудрой жизни; участники этих занятий только сопоставляли и размышляли, стараясь извлечь для себя урок — для каждого свой. Постоянной спутницей занятий была музыка — этот прообраз «небесного» ритма бытия, — которая связывала собеседников незримыми узами гармонических созвучий, очищала от мирской пошлости, дарила отдохновение от споров и размышлений. Конфуций не оставлял учительской деятельности и во время своих странствий, в которых его всюду сопровождали самые верные ученики. Конфуций не считал своей задачей преподавание каких-либо специальных и технических знаний. Однажды он даже рассердился на ученика, спросившего его о чем-то по части земледелия, и посоветовал обратиться к старому крестьянину — уж тот-то наверняка знает лучше! Учитель Кун занимался не тем господствующим ныне видом обучения, который принято называть «функциональным», а духовным ростом личности; задача его учительства — выправление всех движений человеческой души, самопроизрастание человека. Для него обучение находит себе пищу во всякой жизненной ситуации, всяком нечаянном чувстве, каждой мысли — во всех тех многозначительных случайностях, из которых складывается осмысленно прожитая жизнь. Он, конечно, не отказывался от усилий познания, но ему был чужд

интерес к отвлеченным, логически выводимым истинам. Он учил не столько правильно мыслить, сколько правильно действовать и даже, если угодно, правильно чувствовать. Он выводил знание из жизненного опыта и не видел в нем никакой ценности, если его нельзя было к этому опыту приложить.

«Наверное, есть люди, которые берутся за дело, не обладая знанием, но я такой ошибки не делаю, — говорил он. — Я внимаю всему, что слышу, и следую всему доброму из того, что услышал. Я всматриваюсь во все, что происходит вокруг, и следую всему доброму из того, что увидел».

Еще более известное изречение Конфуция гласит:

«Даже в обществе двух человек я непременно найду, чему поучиться. Достоинствам их я буду подражать, а на их недостатках сам буду учиться».

Конфуций не уставал повторять, что простейшие жизненные добродетели — самообладание, здравый смысл, скромность, усердие — способны мало-помалу привести любого человека к вершинам мудрости, сделать его хозяином собственной судьбы. Путь Конфуция до предела разумен и естествен: на пути нравственного совершенствования нужно исходить из того, что нам задано семьей, обществом, всей культурной традицией, что, по слову самого Конфуция, «лежит поблизости». Воспринимая то, что задано нам самой жизнью, нужно искать смысл явлений, постепенно расширяя свое понимание на весь мир. Понимание же природы вещей развивает в нас способность критически оценивать себя и тем самым — преображаться самим. Великие свершения начинаются с малых дел.

Учение по Конфуцию — занятие в высшей степени естественное. По собственному, слегка ироничному замечанию Конфуция, он учил людей «входить в комнату через дверь». Разве нужно объяснять людям пользу дверей? Тем более были непонятны Учителю Куну те, кто отворачиваются от очевидных истин. «Того, кто отвергает правила, а сам живет неправедно, — говорил он, — кто не имеет знаний, а в себе уверен, кто ничего не умеет, но не ищет надежных друзей, я совершенно не могу понять».

Загадка Конфуция, загадка неиссякаемой жизненности его на- следия как раз и состоит в том, что Учитель Кун не учил «ничему особенному». Чтобы понять учительское кредо Конфуция, нужно пойти дальше школьных регламентов и научиться жить сокровенным единением людских сердец — материи настолько деликатной и интимной, что она не укладывается ни в какие определения и прячется под покровом иносказаний, недоговоренности, иронии. Никакие доказательства и опровержения, никакие похвалы и запреты не могут ничего изменить в этой внутренней правде человеческой жизни. Всякий, кто искренне желает стать учеником и ис-

каться причастности к опыту человеческой общительности, заслуживает внимательного и радужного обращения. Учитель не может унижать его подозрительностью, мелочной опекой, разговорами о пустяках, суетливым репетиторством. Равным образом учитель не обязан выделяться необыкновенной эрудицией и благочестием — ему следует делать лишь то, чему и другие смогут подражать. Ибо человека делают учителем не обширные познания и не мастерство само по себе, а умение точно выбирать слово, жест и поступок, действовать всегда «ко времени». Речь идет, в сущности, о тонком чувствовании человеческой общительности. Мудрый умеет быть заодно с другими, не уподобляясь никому. Он живет творчески — в духе изречения Конфуция:

«Хороший человек не будет идти там, где уже прошел другой». Постаревший и предавшийся возвышенной «праздности» Учитель стал время от времени предлагать ученикам новое занятие, которое получило название «отпускать на волю свои думы». Он просил учеников рассказать об их заветных мечтаниях: что бы они сделали, если бы... если бы могли делать то, что хотели. Вроде бы праздный разговор о том, чего нет и даже, пожалуй, быть не может, а все-таки есть немалая польза и в фантазиях, если они помогают людям лучше понять самих себя и поверить в свои силы. Более того, нельзя обойтись без воображения там, где, как в школе Конфуция, много говорится намеком, и мысль всегда должна идти «дальше слов». Мудрый Учитель Кун знал: чтобы воспитать человека, нужно только помочь ему развиваться свободно.

К сожалению, даже в «Беседах и Суждениях», составленных учениками Конфуция уже спустя десятки лет после смерти Учителя, крайне скупо и бледно отображена эта атмосфера почти не требующего слов искреннего и доверительного общения, единения родственных сердец, совместного поиска истины. Эта хрупкая, тихая музыка просвещенной жизни и составляла главный секрет конфуциевой школы. Во всяком случае, внимательное чтение этой книги позволяет увидеть в Конфуции отнюдь не догматика и педанта, а человека, наделенного тем недюжинным чувством юмора и неистощимым вкусом к иронии, которые всегда сопутствуют живому творчеству и подлинно дружеским отношениям. В позднейшей традиции этот безмолвный подтекст конфуциева обучения был и вовсе утрачен. Живое обаяние Конфуция-наставника угасло. Его заслонили хрестоматийно-холодные образы доктринера, моралиста, мудреца-сверхчеловека, даже мистического «тайного царя» мира...

Все же текст «Бесед и Суждений» со всей ясностью свидетельствует о неизменно дружелюбном и уважительном отношении Конфуция к ученикам, его способности прощать ученикам их слабости, даже их проступки, если за ними нельзя было усмотреть злого умысла. «Нельзя относиться свысока к юным, — говорил Конфу-

ций. — Как знать, может, став взрослыми, они прославят свое имя на весь мир!» Только тот, кто к сорока годам ничего не добился в жизни, достоин, по мнению Конфуция, осуждения. Любовь к молодому поколению не мешала Конфуцию предъявлять ему высокие, неслыханные в то время требования к тем, кто приходил к нему за наукой. Не раз он повторял, что считает годным к обучению только тех, кто «из всех сил» стремится познать праведный Путь и притом умеет думать сам. Он отказывался тратить время на бездарей и лентяев. Он не любил тех, кто учился ради собственной выгоды — чинов, богатства или славы, — хотя и признавал со свойственным ему здравомыслием, что в мире «трудно найти человека, который мог бы отдать три года жизни учению, не позволяя мечтам о наградах завладеть собой». И еще он считал ниже своего достоинства говорить с тем, кто, вступив на стезю учения, стыдился своей бедности: для благородного человека позорно зависеть от так называемого «мнения света». Он всегда отдавал предпочтение тем ученикам, которые умели жить внутренним усилием воли и не рвались демонстрировать миру свои знания и таланты. Его любимцем был Янь Юань — очень бедный, очень скромный и очень усердный в учебе юноша. К великому огорчению учителя Янь Юань умер молодым, не сумев стать продолжателем его дела.

Как бы там ни было, Конфуций с самого начала уповал на добрую волю самих учеников, справедливо полагая, что заставить учиться силой невозможно. Его бережное обращение с учеником особенно выделяется на фоне чрезвычайно ритуализированного быта людей его круга, да и его собственных, весьма педантичных манер. Он умел быть деликатным: без обиняков выговаривая ученикам за их промахи и недостатки в беседах с глазу на глаз, он всегда брал их под защиту перед посторонними. Но он знал и самое могучее средство завоевать преданность учеников: самоотверженно служить своим идеалам. Разве не показал он собственной жизнью, как можно добиться почта и славы не наследственными правами и лестью, а единственно усердием, честностью, талантом, жадной жаждой знания? Выходец из низов, к тому же, как мы уже знаем, наделенный далеко не привлекательной внешностью, он сумел завоевать репутацию образованнейшего человека и лучшего знатока хороших манер.

Признавая с готовностью свое несовершенство, Учитель Кун не отказывал себе только в одной добродетели: любви к учению. «В любом селении с десятков домов найдутся люди, не уступающие мне в добродетели, но никто не сравнится со мной в любви к учению!» — говаривал он. Конфуций первым стал учить других самым трудным, но и самым возвышенным способом — собственной жизнью. И еще он умел быть справедливым: он мерил всех учеников единой мерой — успехами в учении. Исключения он не делал даже

для собственного сына и с горечью признавал, что тот не оправдал его надежд.

Конфуций учил... учиться. И не более того. Да большему и нет нужды учить: взрослый человек, даже не обладая выдающимися талантами, за короткий срок освоит любую науку. Впоследствии ученики Конфуция сошлись в том, что их Учитель обучал четырем вещам: «словесности, благонравному поведению, преданности и доверию». Образованность и учтивые манеры — верная примета возвышенности духа, которой требовал от своих учеников Учитель Кун. А взаимная преданность учителя и ученика, их безмолвно-доверительное общение, их совместное вслушивание в музыкальный поток жизни как раз и составляли подлинный смысл и цель учения по Конфуцию.

Какие же качества потребны учащемуся, чтобы осуществить педагогический «проект» Конфуция? Прежде всего, воля к учению, к совершенствованию себя. Этой волей держится всякое искусство и сам ритуал, который являет собой не что иное, как безупречный жест, четко выверенное действие. Вспомним, что Конфуций, по его словам, к тридцати годам «имел прочную опору». Именно в воле к совершенствованию человек обретает полную внутреннюю самостоятельность, становится неприступным и неуязвимым для всех внешних сил. «Даже могущественнейшего полководца можно лишить войска, но даже последнего простолюдина нельзя лишить его воли», — не без иронии говорил Конфуций. Даже смерть не властна над человеком, обладающим волей к «превозмоганию себя», изживанию в себе всего субъективного и преходящего. Конфуций и сам являл образцы редкого мужества и самообладания в минуты смертельной опасности. Предание гласит, что однажды он вместе с учениками был окружен враждебным войском и несколько дней ничего не ел. В конце концов, ученики стали сетовать на то, что их «довели до крайности», но Учитель, продолжавший как ни в чем ни бывало читать книги и играть на лютне, оборвал малодушных, сказав: «Благородного мужа можно довести до крайности, но из него нельзя сделать ничтожество!»

Если бы мы могли спросить Учителя Куна, откуда берется в человеке воля к совершенствованию себя и почему в учении нужно следовать непременно чжоуским обрядам, он, скорее всего, просто не понял бы нашего вопроса. Может быть, добродушно улыбнувшись, он ответил бы, что с таким же успехом можно спрашивать у рыбы, почему она живет в воде. Для Конфуция чжоуская культурная традиция была не только единственной на Земле, но и единственно возможной. А что касается происхождения воли, то тут Конфуций мог бы заметить, что сознание не может не стремиться все осознать и что призвание человека — очеловечить себя...

Свой человеческий идеал — человека, очеловечившего себя, — Конфуций обозначал словом «цзюнь цзы», которое в русской литературе обычно переводится как «благородный муж». Главная черта благородного мужа, по Конфуцию, — способность быть полновластным господином самого себя. Это человек высоких моральных качеств, образованный и воспитанный, умеющий совместить культивированность и естественность — аристократ не столько по крови, сколько по духу. Он не ведает страха и спокойно принимает удары судьбы, ибо знает, что всегда служил добру и его совесть чиста. Он «ничего заведомо не отвергает и не одобряет в мире, но в каждом деле берет мерой должное». Им нельзя распоряжаться как вещью или орудием. Ему легко повиноваться, потому что он требует от других только то, что им доступно, но ему трудно угодить, ибо он ценит людей не за услуги, ему оказанные, и даже не за их профессиональные качества, а единственно за бескорыстное служение правде. Он не стремится быть, как все, презирает стадность и ни с кем не вступает в сговор, но умеет ладить со всеми и без усилий держит людей в поле своего притяжения. Привлекает же он людей тем, что живет не для себя и не для своей славы. Вообще же конфуциев мудрец идет в жизни «срединным путем»: он держится неприменно, но ничего не утаивает; его жизнь скромна, но свободна от обыденщины, безмятежна, но исполнена духовной углубленности, непритязательна, но лишена суетности. У благородного мужа есть антипод — так называемый низкий человек (сяо жэнь). Таков тот, кто в своих поступках руководствуется лишь соображениями личной выгоды, кто повсюду ищет сообщников, но не уважает ни окружающих, ни себя, кто домогается милостей, а получив желаемое, забывает о благодарности. Заискивающих перед «общественностью» Конфуций откровенно презирал. «Любимчик деревни — вор добродетели» — гласит одно из самых язвительных его изречений.

Взрачивание в себе воли выводит человека за пределы его индивидуальной жизни, укореняет его в вечности. В усилия самоосознания человек становится причастным к нескончаемому потоку одухотворенной жизни. Оттого же, согласно Конфуцию, человек может быть учителем не потому, что он все знает или даже знает что-то особенное, а потому, что он «знает, где остановиться», знает пределы своего знания, так сказать, знает незнание. И сам Конфуций учительствовал, не претендуя на высшую мудрость, а лишь обладая «волей знать». Тот, кто стремится познать границы своего знания, неизбежно испытывает, по Конфуцию, чувство стыда, но этот стыд — принадлежность внутреннего созерцания мудреца, и он не имеет отношения к этикетной стыдливости. «Ученый, стыдящийся своей одежды! Я не знаю, о чем тут можно говорить», — заметил как-то Учитель Кун.

Знать пределы известного, быть общительным с неизвестным — истинным своим бытием означало, согласно Конфуцию, знать свою Судьбу и научиться «радоваться Небу», ведь таким образом человек прозревал бездонную, всеобъемлющую и возвышенную, как само Небо, полноту своей природы, и это прозрение давалось как радостное открытие бесконечности человека в самой конечности его существования. Сам Конфуций не уставал повторять, что учение дарит человеку самую чистую, самую мудрую радость.

Главное качество благородного мужа, воспитываемое правильным образованием, Конфуций называл «человечностью» (жэнь). Иероглиф «жэнь» состоит из знаков «человек» и «два», т. е. он обозначает отношение между людьми, так сказать, «межчеловеческую» реальность. Впрочем, Конфуций каждый раз определял человечность по-новому. Одному ученику он ответил, что быть человечным — значит просто «любить людей». В другом случае он разъяснил смысл человечности словами своей знаменитой максимы: «Не делай другому того, чего себе не желаешь». Человечность у Конфуция — не столько сумма, сколько мера всех добродетелей, мера социальности человека, которая дает смысл нравственным ценностям, но не позволяет абсолютизировать их. По Конфуцию, человек сановник, сберегший себя в водовороте дворцовых интриг. Но человечны и древние отшельники, которые уморили себя голодом, протестуя против несправедливой власти. Человечный человек доверчив и радушен, поэтому его легко ввести в заблуждение. Однако именно он «первым распознает обман», ибо не ослеплен теми иллюзиями, которыми пользуются для своей выгоды разные ловкачи.

В сущности, человечность — это путь каждого человека к себе. Она делает человека мостом между тем, что он есть, и тем, чем он должен быть. Человечность, гласит одно из самых поразительных суждений Конфуция, обретается человеком лишь после того, как он «свершит самое трудное в своей жизни». И все же она доступна каждому в каждое мгновение жизни. «Разве человечность далеко от нас? — риторически вопрошал Учитель. — Стоит мне возжелать ее, и она тут же оказывается рядом».

В другом примечательном высказывании Конфуция уточняется отношение морального идеала Учителя Куна к знанию. Это высказывание гласит:

«Знающие радуются водам. Человечные радуются горам. Знающие деятельны, человечные покойны. Знающие наслаждаются жизнью, человечные живут долго».

Как видим, даже говоря о человеческом совершенстве, Конфуций не мог отказаться от идеи иерархии и необходимости совершенствования. По его словам, как ни завидна участь «знающих», все же «человечные» стоят выше них, ибо они не просто «знают свое знание», но еще и претворяют его. Знание непостоянно и побуж-

дает нас к действиям, переменам, возможно, поэтому Конфуций уподобляет его водному потоку. Что же касается человечности, то она дарит бесконечно действенный покой и в этом смысле подобна горе. Покой бытийствующего и подвижность познающего, гора и река — две стороны совершенного человека у Конфуция. В единении человечности и знания обретается полнота человеческого бытия.

Конфуций твердо верил в неотразимое воздействие нравственного примера именно потому, что в подлинной добродетели, согласно его учению, собирается вся полнота жизни; собственно, добродетель и есть сила творческого преобразования мира. Добродетельный правитель, по словам Конфуция, будет без усилий повелевать народом, как «ветер пригибает траву». Благородный муж способен исправить нравы даже злобных дикарей. Но сам опыт стяжания добродетели — этого внутреннего совершенства своего бытия — сокровенен и неизъясним, и Конфуций не любил рассуждать о нем, дабы не смущать слишком поспешными обещаниями незрелые умы. «От учителя редко можно было услышать речи о «небесной» судьбе и природе человека» — гласит запись в «Беседах и Суждениях». Примечательно, что любимый ученик Конфуция — Янь Юань — имел репутацию молчуна и был к тому же человеком низкого происхождения, даже не помышлявшим о карьере. Впрочем, Конфуций не столько не хотел, сколько именно не мог говорить о «небесной» правде жизни, которая и делает подлинным человеческое существование.

Конфуций говорил, что «его знает только Небо». Он явно давал понять, что каким-то образом открыл в себе опыт или духовные качества тех, кто дал жизнь — для Конфуция вечную жизнь — чжоуской традиции. Несколько отрывочных высказываний Учителя Куна свидетельствуют о том, что он регулярно имел видения (сегодня мы назвали бы их мистическими), в которых общался с творцами Чжоу. Особенно показателен вошедший в предание рассказ о том, как молодой Конфуций учился игре на лютне у придворного музыканта Ши Сяна. При первой их встрече музыкант наиграл Конфуцию некую мелодию, и, когда тот через десять дней исполнил ее, остался доволен учеником и хотел преподать ему что-нибудь новое.

— Не торопитесь, учитель, — сказал Конфуций. — Я выучил мелодию, но пока не освоил ритм.

Конфуций поупражнялся еще несколько дней и попросил учителя послушать его.

— Теперь ты играешь совсем хорошо, — сказал учитель. — Можно смело браться за другую мелодию.

— Нет, учитель, — снова возразил Конфуций. — Я еще не могу передать настроение песни.

Спустя несколько дней, уловив настроение мелодии, Конфуций заявил учителю, что хочет еще понять, кто сочинил ее. В конце концов он пришел к Ши Сяну и сказал: «Теперь я знаю, кто был человек, сочинивший этот напев. То был муж смуглолицый и высокий, прямо-таки величественный! Его взор воспарял в недостижимые дали, его дух обнимал все пределы небес. Таким мог быть только достопочтенный царь Вэнь-ван, основоположник дома Чжоу!»

Изумленный учитель поднялся со своего сиденья и отвесил поклон ученику. «Ты угадал! — воскликнул он. — Старейшие из знатоков музыки и вправду говорят, что эту музыку сочинил сам Вэнь-ван!»

Этот рассказ записан в позднейших источниках и едва ли обладает фактической достоверностью. Но как факт традиции он в высшей степени примечателен, ибо с предельной откровенностью указывает на то, что в центре конфуцианского мировоззрения лежал именно опыт «полноты человеческого присутствия в мире», который есть, по сути, опыт творческого самообновления человека, делающий культуру памятником внутреннего, духовного подвижничества. Необязательно наделять этот человеческий идеал чертами физической внешности — недаром рассказ о музыкальной учебе Конфуция пришел из позднейшего, апокрифического предания. Но все же Конфуций предельно выпукло обозначил в своей проповеди тот первый, и важнейший, стимул образования, который немецкий философ М. Шелер назвал «ценностным образцом личности», способным «разъяснить каждому человеку его предназначение, служить для нас мерилom и учить нас познать наши настоящие силы...»* Подлинный герой конфуцианской традиции и есть этот «внутренний», «целостный» человек, который прорастает во «всецеловека» бесконечной чередой поколений. Его жизнь — это не сущность, не бытие, а со-бытийность человеческих сердец, со-общительность каждого сообщения. Знание этого личностного образца неуловимо в понятиях, нефункционально и все же неизменно конкретно, вполне определено. Нельзя быть «человеком вообще»; каждый человек должен быть самим собой. И Конфуций стал первым в истории человечества педагогом, который не только ценил своих учеников за их неповторимые индивидуальные качества, но и провозгласил целью обучения развитие природных задатков учащихся.

Можно представить, сколь наивной и даже смешной в ту эпоху всеобщего разочарования, цинизма и жестокости казалась современникам Конфуция его вера во всепокоряющую силу нравственного примера. Конфуций оказался неудачником в политике. Но помимо внешних успехов, практических знаний и даже «объективных истин» есть еще сам человек, его внутренняя, в долгом пути

* Шелер М. Формы знания и образование // Человек. — 1992. — № 5. — С.65.

самопознания вызреваемая правда. Конфуций учил этой абсолютной правде человечности в человеке. Человек выше любого мировоззрения, любого принципа. «Не доктрина делает человека великим, а человек делает доктрину великой» — гласит кредо Учителя Куна. Конфуций первым в Китае, да и в целом мире возвестил об этой сокровенной, лишь символически выраженной в культуре правде человеческого сердца. Его неудача в практической деятельности, как ни странно, сделала возможным его выдающийся успех как педагога.

Да, Конфуций не смог, как он мечтал, водворить согласие в мире, по крайней мере, за пределами своей школы. Но, может быть, не менее важно и то, что он заставил людей осознать тщету всякого внешнего делания. В конце жизни, вернувшись после долгих лет странствий на родину, он стал жить «в праздности». Он говорил, что никто из людей его не понял и только Небо «знает его». Он полюбил молчание...

В возрасте семидесяти двух лет Учитель Кун тяжело заболел и понял, что ему пора готовиться к смерти. В его предсмертный час ученики пришли почтить Учителя, облаченные в свои парадные одежды чиновников. Прощание с умиравшим Учителем оказалось похожим на дворцовую аудиенцию. Конфуций не выказал никакой радости — напротив, не на шутку рассердился. «Кого вы хотите обмануть? — вскричал он, обращаясь к ученикам. — Неужто вы думаете, что сможете обмануть Небо?» Слова эти лишний раз напоминают нам о том, что в своей школе Учитель Кун видел интимный и доверительный круг хранителей сокровенной правды традиции, а не место, где учатся будущие министры. Может быть, в последний раз пытался он объяснить тем, кто пришел учиться у него, что всякое дело свершается благодаря не-деланию, и глас Учителя мы постигаем в себе, когда для нас замирают все звуки мира. Тогда то, что было своим, становится вселенским, и жизнь, вместившаяся в один миг духовного просветления, свободно изливается в вечность...

Неустанное и нескончаемое совершенствование, самоочищение, самовысветление духа, претворение человеческого в человеческое — это «самое трудное свершение» души — таков последний завет Конфуция будущим поколениям.

Правда сердца всегда «под рукой»; она открывается внезапно и вся целиком — с каждым усилием человеческого самоосознания, в каждый миг духовного пробуждения. Но чтобы дойти до нее, нужно много учиться. А чтобы учение было успешным, нужно иметь в учебе «прочную опору». Под конец жизни Конфуций занялся созданием этой опоры для грядущих поколений учащихся. Ему принадлежит традиционная редакция текстов основных китайских канонов: древнейшего свода китайской поэзии — «Книги стихов»

(«Шицзин»), древнейшего собрания исторических записей — «Книги преданий» («Шуцзин»), текста хроники царства Лу «Весны и осени» («Чуньцю») и др. Конфуций был духовным отцом не только китайских учителей, но и китайских ученых.

Конфуцию удалось создать многочисленную и влиятельную педагогическую школу, положение которой в древнекитайском обществе почти не зависело от перипетий политической борьбы именно потому, что сердцевиной конфуцианской традиции было учение о нравственном совершенствовании и ценности символического языка культуры. Каковы бы ни были личные пристрастия правителей Китая, никто из них не мог поставить идеологию и политику выше культуры и нравственного воспитания. Попытки отвергнуть наследие Конфуция, как случилось, например, в царствование первого китайского императора Цинь Шихуанди, приводили лишь к быстрому вырождению и краху династии.

Разумеется, характер конфуцианской учености не оставался неизменным на протяжении веков, тем более что сам Конфуций, как уже говорилось, ничего не писал от своего имени, высказываясь лишь по необходимости, в связи с тем или иным случаем и не забывая напоминать о ценности молчания: правда внутреннего пробуждения — вне слов, но следует за словами, как тень за летящей птицей. Его памятные изречения, как уже говорилось, спустя некоторое время были записаны его учениками и составили главный конфуцианский канон — книгу «Беседы и Суждения». Текст «Бесед и Суждений» с некоторыми сокращениями публикуется здесь в переводе русского китаевода П.С.Попова*.

Со временем у его учеников и последователей, естественно, возникла потребность прояснить для себя основные послылки конфуциева жизнепонимания. И в результате в конфуцианской традиции появился жанр трактата.

Вслед за фрагментами «Бесед и Суждений» в настоящем издании опубликованы тексты некоторых характерных памятников конфуцианской педагогической мысли, дополняющих и развивающих наследие Учителя Куна.

Первым помещен текст небольшого, но очень важного в теоретическом отношении трактата «Середина и Постоянство» (Чжун-юн). Его авторство традиция приписывает внуку Конфуция Цзы-Сы. В этой книге содержится первое систематическое изложение основ конфуциева учения. Основная ее тема — значение праведного Пути (дао) в деятельности людей. Праведный Путь жизни, утверждает автор трактата, вкоренен человеческому опыту, но он не может быть сведен к некоему «предмету» и потому непроницаем

* *Попов П.С.* Изречения Конфуция, учеников его и других лиц. — СПб, 1910 (перевод П.С.Попова сверен с оригиналом и заново отредактирован В.В.Малыгиным).

для внешнего, отвлеченного познания. Правдой человеческого сердца можно обладать, ею можно жить, но из нее нельзя сделать «доктрину». Праведный Путь, в сущности, есть правда человеческой совместности в жизни — тот нравственный закон в нас, который помимо и даже прежде нашего индивидуального желания делает нас членами некоего социума. Человечное в человеке, согласно конфуцианству, — это сама человеческая социальность. «Середина и Постоянство» есть название для этого незримого средоточия человеческого бытия. Его главное свойство — «искренность» (чэн), которая проистекает из верности «небесному» истоку жизни в нас и взращивается в выверенности всех душевных движений. Благодаря своей внутренней искренности мудрый обретает способность одновременно «приводить к завершению себя и других».

Для настоящего издания выбран первый русский перевод трактата, принадлежащий проф. Конисси и опубликованный в 1896 г. Этот текст публикуется в современной орфографии и в новой редакции В.В.Малявина.

Вслед за «Срединой и Постоянством» помещен текст трактата «Записки об учении» в заново отредактированном переводе И.С.Лисевича. Это древнейшее в Китае сочинение, специально посвященное методике преподавания. Составленное, вероятно, в III в. до н.э., оно свидетельствует о большом практическом опыте, накопленном к тому времени китайцами в области преподавания. Немало полезного для своей работы извлечет из этого небольшого сочинения и современный учитель.

Значительное место в публикуемом ниже собрании текстов занимают фрагменты из книги крупнейшего последователя Конфуция в эпоху древности философа Мэн-цзы (ок. 372—289 гг. до н.э.). Взглядам Мэн-цзы особенно свойствен акцент на присутствие «небесной» правды, «доброго знания» в человеке, т.е. на способность человека к спонтанному раскрытию нравственного закона в себе. Следовательно, согласно Мэн-цзы, природа человека в основе своей добра, и человек может в собственном сердце постичь сущность всех вещей, если он разовьет в себе «неукротимый дух», объемлющий весь мир. Моральный оптимизм Мэн-цзы заложил прочную основу для конфуцианской проповеди духовного совершенствования. Этим объясняется и большая популярность идей Мэн-цзы среди образованных верхов китайского общества. Соответственно задачей учителя, согласно Мэн-цзы, являлось развитие врожденного доброго начала в человеке. Мэн-цзы различал пять видов наставлений: личный пример, упражнение в добродетели, развитие умственных способностей и полезных навыков учеников и, наконец, беседа с учеником, дающая правильную ориентацию его обучению. Что же касается добрых начал в человеке, то они, согласно Мэн-цзы, имеют четыре основных проявления: человечность (жэнь), чув-

ство справедливости или долга (и), благонравное поведение (ли) и интуиция добра (чжи). Тексты Мэн-цзы, также отредактированные заново, публикуются в переводе П.С.Попова*.

Представленные в этой книге публикации завершают избранные афоризмы об учении и добродетельном поведении, взятые из книги литератора Хун Цзычэна «Вкус корней». Написанные в начале XVII в., они тем не менее и по форме своей, и в особенности по самой своей тональности — сдержанной, деловито-трезвой, но чуждой узколобого практицизма — следуют литературной и духовной традиции, заложенной Конфуцием. Правда, это уже не столько слова Учителя, сказанные «по случаю» и обращенные к конкретным ученикам, сколько слова мыслителя, подводящего итог долгим размышлениям о человеке и роли учения в жизни. Среди максимум Хун Цзычэна мы найдем немало мудрых жизненных наблюдений, но все же самой примечательной их особенностью остается акцент на внутреннем, сокровенном подвижничестве благородного мужа, который находит душевный покой и даже повод для радости в сознании своей безупречной приверженности праведному Пути. Возвышенный человек у Хун Цзычэна не имеет какого-то отвлеченного, гарантированного законами разума или божественным откровением знания истины; скорее, он открывает присутствие Пути в своей жизни благодаря усилию творческого само-осознания. А потому он действительно «всегда в Пути», не имеет ничего готового и законченного в своей жизни, но это путник радостный, ибо он удостоверяет присутствие истины в каждом мгновенном впечатлении. Он находит свой дом в дороге. Обретение себя в Пути — главная «экзистенциальная» тема китайской традиции, и она была за-вещана Конфуцием. Здесь, в этой «тайной радости» мудрого, умеющего, говоря словами Хун Цзычэна, открыть «себя за пределами самого себя», пресуществить человеческое в себе во вселенскую человечность, и надо искать разгадку секрета необыкновенного обаяния и столь же поразительной жизнестойкости наследия Учителя Куна**.

* * *

Этот краткий обзор педагогических принципов Конфуция будет, вероятно, неполон, если мы не упомянем и об их критиках в самом Китае. На идеи Конфуция нападали, надо сказать, с разных сторон и по разным поводам. Одним из самых яростных критиков был философ Мо-цзы (V в. до н.э.), ставивший превыше всего соображения пользы. Особенно резко Мо-цзы нападал на конфуцианскую апологию культуры, которая на практике означала сохранение пышных и дорогостоящих обрядов. Конфуцианской идее пре-

* См.: *Попов П.С.* Китайский философ Мэн-цзы. — СПб., 1904.

** Русский перевод афоризмов Хун Цзычэна выполнен В.В.Маялиным.

восходства любви к ближнему над заботой о дальних Мо-цзы противопоставлял принцип «всеобщей любви», полагая, что люди смогут полюбить друг друга только потому, что это будет выгодно каждому. По сути, Мо-цзы был первым в Китае философом-рационалистом, отвергнувшим культурную традицию, но вместе с тем невольно раскрывшим и внутреннее противоречие чисто утилитаристской мысли: могут ли люди действительно любить друг друга, руководствуясь расчетом? Как бы там ни было, школа Мо-цзы оказалась нежизнеспособной и исчезла после III в. до н.э. Потеряла свою актуальность и моистская критика Конфуция.

Но особенно часто в древнем Китае на Конфуция нападали апологеты чувственного наслаждения и личной свободы человека, которые видели в конфуцианском морализме насилие над человеческой природой. Элементы этой критики вошли составной частью в учение главных соперников конфуцианства — древних даосских философов. В древних даосских книгах Учитель Кун часто выведен педантом, опасным демагогом и близоруким честолюбцем. Однако в отличие от Мо-цзы даосы не были доктринерами и не отвергали главной посылки конфуциевых наставлений: обретение в себе «небесного» источника жизни. Более того, они до предела развили присущий Конфуцию акцент на важности внутреннего просветления человека, в котором постигается опыт «подлинности жизни». Однако конфуциевой проповеди морального усилия даосы противопоставляли вольное «следование естеству», спонтанную реализацию жизненных свойств вне соображений морали или пользы. Надо сказать, что с течением времени конфуцианские и даосские идеи тесно переплелись в традиционном жизненном идеале китайцев. Образованный человек в Китае часто мог быть конфуцианцем в делах публичных или семейных и даосом в частной жизни.

Наследие Конфуция доказало свою жизненность для цивилизации Дальнего Востока — одной из самых древних и утонченных в целом мире. Но это все-таки дело прошлое. А вот живо ли оно, пригодно ли оно для человечества сейчас, когда на наших глазах складывается общечеловеческая или, как теперь говорят, «планетарная» цивилизация? Вопрос, казалось бы, неуместный, почти нелепый. Как может быть несвоевременным учение, которое выше всего ценит вечноживое в человеческой культуре? Но не будем закрывать глаза и на очевидные слабости и недостатки философской позиции Конфуция. Некоторые из них были подмечены уже древними критиками Учителя Куна. Возьмем, к примеру, даосскую сатиру на конфуцианство, изображающую непреклонного моралиста Конфуция невольным пособником тиранов и разбойников. Эта парадоксальная оценка — не просто злоеший домысел недругов великого Учителя. Как показала история, моральное учение Конфуция действительно не смогло стать опорой публичной,

гражданской нравственности в китайском обществе: конфуцианские мужи Китая обычно считали нужным выполнять свой долг лишь в отношении близких и «своих» людей — родственников, друзей, сослуживцев — и проявляли полное равнодушие к судьбам «чужих» и «посторонних». Непотизм и ориентация исключительно на личные связи, двойной стандарт морали по отношению к «своим» и «чужим», китайцам и иностранцам, в полной мере присущие и современному китайскому обществу, восходят к тому разделению между «внешним миром» и внутренним, интимным пространством школы-семьи, которое ввел сам Конфуций. Но это разделение (кстати сказать, признаваемое всеми школами китайской мысли) имеет в Китае глубокие философские корни. Напомним, что конфуцианская мысль не интересуется поиском объективных истин и ищет себе основание в единичных образцах, поучительных примерах из прошлого; она оперирует не принципами и гипотезами, а чисто ценностными оценками. Кажется, что она неотделима от китайской культуры во всем ее многообразии, ведь она привязана, с одной стороны, к историческим прецедентам, а с другой — к обычаю, ритуальным действиям, в которых воплощается моральная воля. Одним словом, конфуцианство невозможно представить вне Китая и, следовательно, его гуманизм пригоден только для китайцев. Так ли это?

На этот вопрос есть один простой ответ: наследие Конфуция далеко не то, чем оно видится в истории. Исторический образ конфуцианства — результат его идеологизации, превращения совершенно недогматических, чисто ориентировочных наставлений, напутствий первого Учителя в набор «объективных истин» и постулатов, диктуемых пресловутым «здравым смыслом», а пуще всего — произволом деспотической власти или мнением толпы. Догматически мыслившие последователи Конфуция в Китае страдали тем самым недостатком, против которого так страстно боролся Учитель Кун: недостатком воображения. Они потеряли из виду символическую глубину опыта и свели «небесную» полноту бытия к одномерности рассудочной мысли. Переход от внутреннего созерцания к внешнему наблюдению порождает чудовищную аберрацию в самом восприятии культуры. Последняя теряет связь с духовной жизнью человечества и растворяется в цивилизации — овеществленной проекции данных интеллекта. Рано или поздно конфуцианство должно было пережить кризис, который знаком всем духовным традициям, ориентированным на «внутреннее постижение», будь то йога, суфизм в исламе или мистическая практика в христианстве: оно не смогло выработать жизнеспособного единства внутренней и внешней сторон человеческой деятельности в модернизированной, т.е. полностью технической, цивилизации.

Но самое интересное — это то, что современность, преодолевшая кризис самоотчуждения человека в технике вместе с классической западной теорией знания, выдвигает на передний план именно проблему человеческой со-общительности, вновь делает актуальным и наследие древнего Учителя Куна. Всем памятли впечатляющие успехи, достигнутые в последние десятилетия странами, которые принадлежат к конфуцианской цивилизации: Японией, Кореей, Тайванем, Сингапуром, отчасти и самим Китаем. А ведь успехи эти достигнуты в условиях и даже на базе современной информатики и электронной инженерии, стирающей грань между иллюзией и реальностью, искусственным и естественным. Теперь выясняется, что конфуцианство, воспитывающее в человеке, прежде всего, точность мыслей и поступков, готовность к сотрудничеству и согласию, творческую открытость миру, способно существенно повысить творческий потенциал общества и даже новейших технологических систем. Ибо главной проблемой современности является уже не техническое овладение миром, а сам человек, осознающий свою ответственность перед миром. И мы уже не удивляемся, когда встречаем в журнале статью о японском экономическом чуде, озаглавленную «Капитализм по Конфуцию...».

Очевидно, что возрождение или, лучше сказать, открытие заново конфуцианской традиции на Востоке — не просто случайная дань моде. Оно происходит в условиях глубокого кризиса европейского рационализма нового времени и сопутствующих ему гуманистических ценностей. Современная техника парадоксальным образом заставляет человека обратиться вновь к истине вечноживой всеобщности и, следовательно, подлинной человечности в человеке. Вот здесь на помощь современным людям и может прийти конфуцианство, не ставящее во главу угла идею замкнутого суверенного субъекта, на которой строится западный гуманизм. Напомним: исходный материал и конечная цель воспитательного проекта у Конфуция — это не самостоятельные индивиды, а самое пространство человеческой общительности, поле музыкальных созвучий «просвещенной жизни», которое принадлежит всем и никому в отдельности. Участие в этом творческом диалоге бытия, этой всегда заданной нам «небесной» музыке жизни поверяется образцовыми прецедентами, но требует творческого сотрудничества в мире, непрестанного усилия самовысветления духа.

Сегодня мы начинаем понимать, что эффективны не технические приспособления сами по себе, но воля и разум самого человека, или, как говорили в Китае, «техника сердца», методы человеческого взаимодействия, обеспечивающие доверие, искренность и радушие в отношениях между людьми. «Техника сердца», помноженная на технику ума и технику рук, — вот завтрашний день человечества. Технизация же жизни наделяет человека новой ответс-

венностью за судьбу Земли и, как никогда ранее, требует от него веры в силы и возможности человеческого разума. Техника парадоксальным на первый взгляд, но глубоко закономерным образом заставляет человека обратиться вновь к природе духовного опыта. А значит, древние заповеди Конфуция о первичности **воспитания** духа, о важности **очеловечивания** человека, как никогда, нужны нашим современникам. Совсем необязательно, более того, невозможно и не нужно принимать их такими, какими выковала их история цивилизации Дальнего Востока. Лучшей данью Конфуцию было бы не подражание ему, а поиски каждым своего пути в нескончаемом потоке жизни.

ОТ ПЕРВОГО ЧИТАТЕЛЯ И ВСЕ-ТАКИ КОНФУЦИЙ

Сложная задача — комментировать тексты древних, не являясь тонким специалистом породившей их эпохи.

Притча, афоризм, анекдот — их чеканные, излюбленные формы быстро «поставят на место» любого, кто дерзнет объяснять неизъяснимое, не имея исторического слуха, такта и, наконец, благоговения. Без последнего, между прочим, невозможно постижение истории. Покрытые паутиной времени древние речения мерцают в веках нездешним светом. И если кому-то кажется, что, очистив от наслоений тысячелетние тексты, он приблизится к яркому огню истины, то, как правило, такой горе-реставратор будет разочарован, ибо произведенное в результате подобных манипуляций разрушение неизбежно. Это то же самое, что заменить свечи в церкви яркими телевизионными софитами, стремясь лучше разглядеть фрески и мозаики. Разглядеть-то можно, но увидеть внутренним зрением едва ли... Между тем педагогическим кредо Учителя Куна как раз и было развитие у учеников внутреннего слуха и зрения, что невозможно без благоговейного, почтительного отношения к культурной традиции. Приближение к нам, через семьдесят восемь поколений, две с половиной тысячи лет, Конфуция — задача во всех отношениях сложная, но необходимая, особенно сегодня, когда мы, подобно Учителю Куну, в который раз в истории, переживаем «смутное время» «воюющих царств» и «пяти деспотов». Не случайно о. А.Мень писал: «...духовные поиски нашего времени удивительно перекликаются с тем страстным исканием правды, которое характеризует период Упанишад, Будды, Конфуция, Сократа и библейских пророков» (Мень А. У врат молчания. С. 7).

Самый простой и естественный путь к Учителю — опереться на знания и опыт людей искушенных и подготовленных, понимающих этнопсихологию, чувствующих историко-культурный контекст. Вот почему я с жадностью набросился на предисловие В.В.Малявина, и не был разочарован. Более того, испытал радостное облегчение: глубокий специалист тонко и убедительно поведал о первом Учителе человечности, разъяснил «темные» места, восстанавливая тем самым прерванную связь времен. Тут не убавить — не прибавить, остается

лишь честно отказаться от неподъемной задачи комментирования. Так и следовало, вероятно, поступить, когда бы ни одно существенное обстоятельство. Прочитав текст В.В.Малявина, мне вдруг захотелось сверить его точку зрения с оценкой Конфуция покойным о. А.Менем. Привычно, по-учительски, разделив страницу пополам, я приступил к работе, и вот, что оказалось.

о. А.Мень	В.В.Малявин
<u>Конфуций</u> — не обещал ученикам дать какое-то высшее сокровенное знание. Наставляет их в простой земной науке, которой предан сам; — типичный утопист, мечтал о таком обществе, в котором все будет предусмотрено до мелочей; — по своему душевному укладу тяготел к ритуалам и строгому порядку. Детская любовь к нерушимым канонам определила всю его дальнейшую судьбу; — чем сильнее вызывала в нем протест окружающая жизнь, тем большим ореолом окружал он седую древность, времена легендарных царей, считал, что для избавления от хаоса необходимо возвратиться к дедовским обычаям и порядку; — свою главную цель видел в «умиротворении народа» — только ради этого нужно знание заветов святых царей; — верил, что просвещение, пропаганда жизненных канонов сами сделают свое дело; — гуманность и этикет для Конфуция универсальные законы бытия; — не выходил за границы литературы, истории, этики; — совершает первую в истории попытку построения автономной морали, которая не связана с религией и откровением. <u>Тем самым оставляет этические принципы без опоры;</u>	<u>Конфуций</u> — пересматривает понятие «ритуал». Для него ритуал — знак мировой гармонии, средство нравственной самооценки человека. В нем хранится предвечная матрица культуры; — правда бесед Учителя Куна — это встреча сердец, для которой необходима особая настройка слуха; — больше всего ценит способность увидеть за единичным событием <u>вечносущий путь</u>; — Конфуций впервые в Китае, а может быть и во всем мире показал символическое значение языка культуры для образования и воспитания человека; — утверждал главенство безмолвия и покоя в качестве символа, ибо не хотел, чтобы его индивидуальный голос заглушал все многообразие голосов мира; — занимался не функциональным обучением, но духовным ростом личности; — избегал насилия над учениками, считая, что выковыливать ученика нельзя, но можно взращивать в нем моральную волю; — утверждал, что только образованный человек может сделать мир свободным; — признавал равенство всех людей в обучении; — превыше всего ставил умение точно выбрать слово, жест и поступок, действовать всегда «ко времени»; — твердо верил в неотразимое воздействие нравственного примера;

— чужд всему мистическому;
— обращает все свое внимание на социальную и политическую реформу жизни, реформу, в основе которой не было никакой метафизики;

— настаивает, в отличие от даосистов, на необходимости активного вмешательства в ход событий;

народ нельзя оставлять на произвол судьбы;

каждый должен знать свои обязанности и работать над собой;

— государство Конфуция сходно с государством Платона, где во главе достойнейшие, имеющие моральный авторитет.

Итак, Конфуций — утопист, архаик, верящий в прошедший золотой век, ритуалист, боготворящий церемонии (традиции), моральный оптимист, не видящий ущербности безрелигиозной этики, чуждый мистическим прозрениям и откровениям, чужд ли не предтеча западного позитивистского гуманизма и секулярной этики. Что ж, и такой взгляд на Конфуция возможен, ибо для о. А. Менья — православного священника — полнота бытия возможна лишь в Боге, а конфуцианство для него — лишь ступень в восхождении человечества к высотам христианства.

— под человечностью понимал путь каждого человека к себе;

— считал, что в единении человечности и знания обретается полнота человеческого бытия;

— силой творческого преобразования мира считал добродетель;

— был первым в истории педагогом, который не только ценил своих учеников за их неповторимые индивидуальные качества, но и провозглашал целью обучения развитие природных задатков учащихся;

— имел мистические видения, но не любил об этом говорить, дабы не смущать учеников;

— считал человека выше любого мировоззрения (не доктрина делает человека великим, а человек делает доктрину великой);

— верил в возможность спонтанного развития нравственного закона в себе;

— обучение себя в пути — главная «экзистенциальная» тема китайской традиции, завещанная Конфуцием.

Таким образом, В.В. Малявин противопоставляет кризису европейского рационализма и сопутствующих гуманистических ценностей конфуцианские идеи вечной жизни всеобщности, «технику сердца», методы человеческого взаимодействия, обеспечивающие доверие, искренность и радушие в отношениях между людьми.

Два взгляда — ученого и богослова — на одного и того же человека создают объем, озадачивают, но и вдохновляют к поиску своего пути к Учителю каждого, кому попадают в руки его тексты. Быть может, это и послужит оправданием любой, даже более чем смелой попытке постижения сути конфуцианской педагогики?

Сформулируем задачу: она предельно скромна — не комментировать тексты Конфуция, это оставим специалистам, но попытаться скорее почувствовать, чем понять, что может почерпнуть из них педагог рубежа XXI столетия в России.

Едва ли стоит пытаться раскрывать каждый афоризм Учителя, соотнося его со злободневностью. (Обратим внимание, как одновременно точно и зловеще звучит сегодня привычное сочетание «злора

дня») Если позволить себе встать на этот соблазнительный путь, то вокруг любого высказывания Конфуция можно развернуть минимум — статью, максимум — книгу. Преодолеть подобное искушение помогают дидактические подходы самого Учителя, не стремившегося к окончательной ясности, но приоткрывающего один угол, с тем чтобы ученики находили три остальных. Сегодня мы бы назвали его манеру преподавания эвристической или проблемно-поисковой. Вот почему, исповедуя вполне конфуцианский принцип разумного педагогического самоограничения, попытаемся лишь задать вектор осмысления древних речений в контексте дня сегодняшнего, остановившись только на четырех ключевых позициях Учителя: сосредоточение своих сил на основах; отношение к церемониям; моральный оптимизм и гражданская позиция интеллигента в «смутные времена». Во всем остальном не будем лишать читателя радости поиска своего собственного Пути к Конфуцию.

*Заслуженный учитель
школ Российской Федерации
Е.А.Ямбург*

«БЕСЕДЫ И СУЖДЕНИЯ»

ГЛАВА I

Учитель сказал: «Не приятно ли учиться и постоянно упражняться? Не приятно ли встретиться с другом, возвратившимся из далеких стран? Не благородный ли муж тот, кто не гневается, что он неизвестен другим?»

Ю-цзы сказал: «Редко бывает, чтобы человек, отличающийся сыновней почтительностью и братскою любовью, любил бы восставать против старших, и никогда не бывает, чтобы тот, кто не любит восставать против высших, захотел произвести возмущение. Совершенный муж сосредоточивает свои силы на основах: коль скоро положены основы, то являются и законы для деятельности. Сыновняя почтительность и братская любовь — это корень человечности».

ЛВ *Сосредоточить свои силы на основах — к этой, казалось бы, незамысловатой истине российские педагоги пришли совсем непросто. В бурлящем котле перестроек последнего десятилетия, как это ни печально осознавать, в педагогике возобладал пафос деструктивный. Еще недавно казалось, что стоит разрушить бастионы авторитарной педагогики, избавиться от навязанной мифологии, усвоить передовые, преимущественно западные, идеи и технологии, как воссияет свет знаний, в лучах которого, взявшись за руки, начнут восхождение к высотам нравственности дети, педагоги и родители. Сегодня оптимизма поубавилось. Свобода «от» не обернулась свободой «для».*

Учитель сказал: «В хитрых речах и в поддельном выражении лица редко встречается человечность».

Цзэн-цзы сказал: «Я ежедневно исследую себя в трех отношениях: обдумывая что-нибудь для других, был ли я предан им, был

ли искренен в отношениях с друзьями и усвоил ли я то, что было преподано мне Учителем».

Учитель сказал: «При управлении княжеством, имеющим 1000 колесниц, необходимы постоянное внимание к делам и искренность, умеренность в расходах и любовь к народу со своевременным употреблением его на работы».

Учитель сказал: «Молодежь дома должна быть почтительна к родителям, вне дома уважительна к старшим, отличаться осторожностью и искренностью, обильною любовью ко всем и сближаться с людьми человечными. Если, по исполнении сего, останется свободное время, то посвящать его учению».

Цзы-ся сказал: «Если кто из уважения к людям достойным отказывается от похотей, служит родителям до истощения сил, государю до самопожертвования и в сношениях с друзьями честен в своих словах, то я, конечно, назову такого ученым, хотя бы другие признали его невежей».

IV *Критическое отношение к жизни не может быть единственным основанием построения педагогического здания, иначе подобно Пизанской башне оно начнет, уже начало, наклоняться. А когда это произошло, заговорили об общечеловеческих ценностях, основах, куда, помимо всего прочего, входит и сыновья почтительность, о которой говорил Конфуций. Чувство неоплатного долга перед «отцами» за переданную тебе культуру, положенное на собственную ответственность перед «детьми», потомками; стремление передать им культурное наследие в сохранности и в обогащенном виде Кант назвал основой нравственного поведения, повелением к добру, категорическим императивом.*

В этой формуле видится не только смысл предназначения учителя и человека, определяющий главное направление его деятельности, но и своеобразная программа нравственного воспитания, так необходимая в наше переходное время. Итак, обеспечить то, что русский философ В. Соловьев назвал нерасторжимой связью поколений, поддерживающих друг друга в прогрессивном исполнении общего дела, — ведущая задача учителя школы. Но как быть, когда по общему признанию порвалась связь времен, прервана та самая культурная эстафета? Тем паче положить все силы на ее восстановление, отдавая себе отчет в трагической невозможности на протяжении жизни одного поколения в полном объеме восстановить то, что разрушалось тремя предыдущими.

Если совершенный муж не солиден, то он не будет вызывать уважения к себе в других и знание его не будет прочно. Поэтому поставь себе за главное преданность и искренность; не дружи с людьми, которые хуже тебя; ошибся, не бойся исправиться.

Цзэн-цзы сказал: «Если мы будем рачительны в отдалении последнего долга родителям и будем вспоминать об отошедших, то народная нравственность улучшится».

ВВ Но тогда каким должно быть отношение детей к отцам-разрушителям? Вопрос сегодня отнюдь не ответленный, но взрывающий изнутри семьи, классы, целые школы. Следует признать, что он принципиально несводим к привычной исторической коллизии отцов и детей, ибо всегда прежде в роли разрушителей старой культуры выступали «дети», «отцы» же, как правило, занимали охранительную позицию. В нашей ситуации они поменялись местами. В деликатном вопросе отношения к «блудным отцам» как нигде обнаруживается несостоятельность и даже безнравственность исключительно историко-политических оценок вне универсальных этических категорий. Думаю, иначе придется согласиться с мыслью, что для ребенка будет правильнее любить отца-демократа, нежели папу-консерватора. Известную мысль о том, что историю можно переписывать, но невозможно переделать, еще раз с убедительной художественной силой продемонстрировал нам фильм «Зеркало для героя». Для меня в нем важны этический и педагогический планы. Герой, как его весьма иронически определяют в названии авторы притчи, чудесным образом оказывается в своем послевоенном детстве (время действия примерно год 1946-й). Вполне современный и в меру интеллигентный человек, он каждый раз властной рукой отбрасывается к исходу одного и того же дня, как только пытается «переделать историю», т. е. вмешаться в события, придав им иное, нормальное с современной точки зрения течение. Пытаясь предотвратить ограбление, отвести гнусный навет, герой каждый раз порождает зло, но в иной его ипостаси. «Они как замороженные», — кричит он в отчаянии. Итог фильма только на первый взгляд кажется парадоксальным. Погружение в ту жизнь во всей ее трагической полноте разбивает мнимые преимущества «заднего ума», снимает высокомерие, обнажая в главном персонаже истинно человеческую, глубинную универсальную нравственную ценность: благодарность к предкам. Отсюда и тональность финала: любовь к этим недалеким, одновременно счастливым и несчастным людям.

Цзы-цинъ спросил у Цзы-гуна: «Учитель, прибыв в известное государство, непременно собирал сведения об его управлении. Домогался ли он этого или же ему сообщали их?» Цзы-гун отвечал: «Учитель приобретал их благодаря своей любезности, прямоте, почтительности, скромности и уступчивости. Не отличался ли его способ собирания их от способа других людей?»

Учитель сказал: «Кто при жизни отца всматривался в его намерения, а по смерти смотрит на его деяния и в течение трех лет не изменяет порядков, введенных отцом, того можно назвать почтительным».

В Деликатное отношение к своему прошлому отнюдь не равнозначно оправданию его мерзостей, оно требует, как уже писалось выше, не только оценок историко-политических, но и осознания своей органической связи с ним. В этом мне видится залог наиболее полного постижения своей истории и обеспечения той нерасторжимой связи поколений, без которой исчезает общечеловеческая мораль. Вновь мы наблюдаем нерасторжимый сплав культуры и этики, где нарушение равновесия опасно для юношества, где познание будет ложным, как только станет подминать под себя нравственные постулаты. С этих позиций я совершенно не могу оправдать поведение подростка, этакого неагрессивного деда, изводя его разоблачительными антисталинскими разговорами, обвиняя в сопричастности к созданию бесчеловечной системы, доводя пожилого человека до инфаркта обвинениями в напрасно прожитой жизни. Дело не только в том, что данный конкретный человек прожил весьма почтенную жизнь: прошел фронт, проектировал здание МГУ на Ленинских горах, что, к слову сказать, тоже было поставлено ему в упрек эстетически развитым внуком. Вопрос глубже — в утверждении безусловности вечных моральных ценностей, в данном случае — благоговения перед тем, кто дал тебе жизнь. Ну а если речь идет, говоря словами поэта, об отцах, действительно, «стучавших, сажавших или подленько молчавших»? Не разрушит ли тогда одна этическая максима — необходимость и самоценность истины, правды во всей ее полноте — другую: благоговения перед предками. Такой взгляд на вещи был бы не более чем софистикой. Проблема эта с точки зрения своих нравственных педагогических последствий достаточно исследована в пьесах В.П.Розова, где всегда присутствует трагедия подростка, глубоко переживающего аморализм взрослых. Окончательная точка поставлена фильмом Т.Абуладзе «Покаяние». Вывод очевиден: столкновение двух этических максим, действующих одновременно в со-

знании юноши со здоровой, неиспорченной совестью, приводит его к гибели. Не здесь ли следует искать причины участвовавших в последнее время случаев покушения на собственную жизнь наших подростков? Однако едва ли сможет педагог, хотя бы раз в жизни столкнувшись с подобной ситуацией, успокоить свою совесть ложно понятой библейской мудростью о грехах отцов, что неизбежно падут на головы детей, ибо нравственно неотвратимое в бытийном, историческом планах (нам ли не чувствовать на себе последствия деяний прошлых поколений) оборачивается ложью, как только мы сталкиваемся с гибелью молодого человека в результате того, что не может быть вменено ему в личную вину. Тем более что в Библии эта мифологема не сводится к злорадной мстительности, но звучит призывом к нравственной ответственности ныне действующих поколений перед будущим.

Осознание этой ответственности не менее значимо для формирования нравственности человека, чем благородное отношение к прошлому. Входя в мир не по своей воле, человек берет на себя безусловное обязательство продолжения жизни в ее физическом и духовном аспектах.

Вот почему мировые религии осуждают самоубийство как самоуправное уклонение от одной из вечных нравственных заповедей. Так или примерно так приходилось мне не раз начинать разговор с юным человеком, попавшим в беду. Что же до жизненных тягот и нравственных кризисов, то они выпадают в удел каждому совестливому и интеллектуально развитому человеку. Мужественно испить эту чашу до конца дано было только истинно великим. Добровольный уход из жизни и Сократа, и Христа (оба они по преданию могли спастись) не был вызван малодушием и испугом, но диктовался стремлением сохранить жизнь в ее достойных формах, отсюда обретенное ими бессмертие, продолжение жизни в памяти человечества: «смертию смерть поправ».

Ю-цзы сказал: «В приложении церемоний (житейских правил) дорога естественная непринужденность, которая в правилах древних царей признавалась превосходной вещью и которой следовали и в малых и в больших делах. Но бывают случаи, что и она не действует. Ибо знать только, что она дорога, и ограничиваться ею одной, не регулируя ее церемониями, также невозможно».

Ю-цзы сказал: «Если завет согласен со справедливостью, то сказанное можно исполнить. Почтение, если оно согласуется с нормой, избавляет нас от срама. Если тот, на кого опираются, заслуживает сближения с ним, то его можно взять в наставники».

Учитель сказал: «О том благородном муже, который в пище не заботится о насыщении, в жилище не ищет комфорта, быстр в деятельности, осторожен в речах и обращается для исправления себя к людям нравственным, можно сказать, что любит учиться».

Цзы-гун сказал: «Что Вы скажете о человеке, который в бедности не пресмыкается, в богатстве не заносится?» Учитель ответил: «Годится, но он ниже того, который в бедности весел, а в богатстве благопристоен». Цзы-гун сказал: «В «Шицзине» сказано: «Как будто отесана и обточена (слоновая кость), как будто огранена и отшлифована (яшма)». Так вот, что это значит?» Учитель сказал: «Цы, теперь с тобой можно толковать о «Шицзине», потому что скажешь тебе о прошедшем, а ты знаешь и будущее».

Учитель сказал: «Не беспокойся о том, что тебя люди не знают, а беспокойся о том, что ты не знаешь людей».

ГЛАВА II

Учитель сказал: «Кто управляет при помощи добродетели, того можно уподобить северной Полярной звезде, которая пребывает на своем месте, а остальные звезды с почтением окружают ее».

Учитель сказал: «Шицзин» хотя и состоит из 300 песен, но они могут быть объаты одним выражением: не имей превратных мыслей».

Учитель сказал: «Если руководить народом посредством законов и поддерживать порядок посредством наказаний, то хотя он и будет стараться избегать их, но у него не будет чувства стыда; если же руководить им посредством добродетели и поддерживать в нем порядок при помощи церемоний, то у него будет чувство стыда и он будет исправляться».

NB *Церемонии, правила, обряды, этикет — за все это еще при жизни Конфуций расплатился сполна. Его оппоненты не упускали случая иронизировать над чудаковатым Учителем, святоотносящимся к, казалось бы, внешним, чисто ритуальным формам, уповавшим на их универсальные, непроходящие смыслообразующие значения. И это в церемониальном Китае! Что говорить о европоцентристском сознании, где «китайские церемонии» давно стали*

словосочетанием нарицательным, обозначающим окостенение формы, препятствующее динамизму жизни. Однако не будем списывать на историко-культурный контекст и специфический китайский менталитет; попытаемся также не модернизировать Конфуция, смягчая углы, трактуя термин «церемонии» расширительно, как культурные традиции. Нет! Церемонии есть церемонии — не больше и не меньше! Гораздо ценнее понять, почему Учитель так держится за них. Но разве он один? Опрокинем эту проекцию на себя. Церемония возложения цветов на могилу — кто посмеет возвысить голос, отрицая ее сокровенный смысл? Принятие присяги высшим должностным лицом государства или военнотружущим, обязательство говорить правду в суде или клятва врача — все эти церемонии, разумеется, не гарантируют добросовестного выполнения возложенных обязанностей, но, безусловно, придают значимость событию и повышают ответственность человека за взятые на себя обязательства. Уже немало, а клятвенно-преступники были, есть и будут во все времена. Вот почему Конфуций совершенно справедливо видел в церемониях, ритуале, этикете часть всеобщего нравственно-политического порядка, которого так не хватает сегодня нашему истерзанному в смутах отечеству. Едва ли наши, стремительно вознесенные на политический Олимп, лидеры внимательно читали Конфуция, но, быть может, инстинкт самосохранения, государственная интуиция диктуют им соответствующую линию поведения. Вот почему я бы не спешил иронизировать над явлением государственных мужей ко всенощной со свечами в руках. Здесь не только дань моде, уступка обрядоверию без должной сокровенной нравственно-религиозной основы. Будем надеяться, что через привычку и устоявшиеся традиции со временем придет и это. Во всяком случае, Конфуций исповедовал именно такой взгляд на вещи. Но не будем уповать только на политиков и вновь обратимся к себе. Взглядываясь в лица соотечественников, выходящих на улицы с красными флагами в дни отмененных советских праздников, постепенно начинаешь понимать, что, быть может, больше всего они тоскуют не по малопонятным обывателю и тогда и сейчас «измам», но именно по церемониям, без которых жизнь любого государства становится пресной, унылой. Военный парад, демонстрация трудящихся, праздничный стол — все это делало жизнь, даже при самых скромных формах существования, праздничной, ритуально-красивой. Между тем праздника-то больше всего и не хватает россиянам на рубеже нового столетия.

Попытка заменить ритуалы, церемонии шумным шоу и развлеченными малоперспективна, ибо ощущение праздника неотъемлемо от чувства причастности к чему-то большему, чем ты сам (историческая традиция, конфессия, госу-

дарство, учреждение и т. п.). Пусть даже в основу общности и положены ложные постулаты. В противном случае, когда все это отсутствует, из праздника вынимается его сердцевина, и рождается ощущение пира во время чумы, когда радость не в радость. Нравится это кому-то или нет, но такое неумолимый закон социальной психологии. Все мистерии от самых древних до христианских строились на этом принципе приобщения. Похоже, придавая такое, казалось бы, преувеличенное значение, ритуалам и церемониям, Конфуций это понимал. Наша драма заключается в том, что, заснув в одном государстве, а проснувшись в другом, мы судорожно пытаемся заполнить образовавшийся вакуум, воссоздать, подновить давно утерянные церемониальные конструкции или на голое место (часто битом) спешно возвести нечто новое. При таком нетерпеливом, торопливом подходе неизбежными последствиями являются окарикатуривание, воссоздание фарса вместо мистерии.

Что же делать сегодня российскому педагогу, солидаризирующемуся с отнюдь, как мы убедились, не мертвым ритуализмом Конфуция? То, что и делал всегда. Постепенно, поэтапно, стабильно, органично создавать или поддерживать имеющиеся в школе церемонии и ритуалы. Праздники первого и последнего звонка, традиция прощания с первой учительницей при переходе из начальной школы в среднюю, ритуал посвящения в лицеисты, собственный школьный гимн, особая форма и эмблема — без подобных «мелочей» не складывается никакая целостная воспитательная система. И, наконец, самое главное. Известный западный специалист по управлению Вильям Оучи утверждает, что культура состоит из церемоний (разрядка моя. — Е.Я.), собрания символов и мифов, через которые члены организации получают информацию о ценностях и убеждениях, присущих данной организации. Представления о ценностях помогают понять, что является важным для организации, а убеждения — ответить на вопрос, как она должна функционировать. Организации управляются страхами, табу и часто с помощью иррациональных механизмов, некоторые едва ли осознаются сотрудниками (никому в голову не придет делать это не так, как он это делает) (см.: Ушаков К.М. Управление школьной организацией: организационные и человеческие ресурсы. М., 1995, с. 22). Может быть, секрет успешности восточного капитализма, прежде всего, связан с конфуцианским — суперсовременным — пониманием этих скрытых механизмов управления?

Надеюсь, что после всего сказанного мы с должным вниманием отнесемся к высказыванию Учителя: «Если при обширной учености сдерживать себя церемониями, то благодаря этому также можно не уклониться от истины» (с. 75).

Учитель сказал: «В 15 лет у меня явилась охота к учению; в 30 лет я уже установился, в 40 лет у меня не было сомнений, в 50 лет я знал волю Неба, в 60 лет мой слух был открыт для немедленного восприятия истины, а в 70 лет я следовал влечениям своего сердца, не переходя должной меры».

На вопрос Мэн-цзы, в чем состоит сыновняя почтительность, Учитель ответил: «В непротивлении». Когда Фань Чи вез Учителя, то он сказал ему: «Мэн-сунь спросил меня, в чем состоит почтительность?» Я отвечал ему: «В непротивлении». Фань Чи сказал: «Что это значит?» Учитель сказал: «Когда родители живы, служить им по правилам, когда они умрут, похоронить их по правилам и по правилам приносить им жертвы».

Мэн-у-бо спросил Конфуция о сыновней почтительности. Учитель сказал: «Отец и мать беспокоятся только о том — не болен ли их сын».

На вопрос Цзы-ю о почтительности Учитель сказал: «Современная почтительность к родителям обозначает быть в состоянии кормить их: но ведь собаки и лошади также получают пропитание? При отсутствии почтительности, чем же будет отличаться питание родителей от питания собак и лошадей?»

На вопрос Цзы-ся о почтительности Учитель сказал: «В этом случае трудность заключается в выражении лица (т.е. в том, чтобы постоянно иметь веселый, довольный вид). А что младшие братья и дети будут только брать на себя заботы о делах, будут угощать родителей и старших братьев вином и кушаньем, то разве это можно считать за сыновнюю почтительность?»

Учитель сказал: «Я разговариваю с Хойем целый день, и он не возражает, как будто глуп; но когда, после его ухода, я вникаю в его частную жизнь, нахожу, что он в состоянии уяснять (мое учение). Хой неглуп».

Примечание. Речь идет об ученике Конфуция по имени Янь Хой.

Учитель сказал: «Где может укрыться человек, если мы будем обращать внимание на его деятельность, всматриваться в его побуждения и вникать в то, что ему доставляет удовольствие».

Учитель сказал: «Кто повторяет старое и узнает новое, тот может быть наставником для других».

Учитель сказал: «Благородный муж — не орудие».

В Учитель сказал: «Благородный муж — не орудие». Здесь, видимо, впервые в истории человечества прозвучала мысль, которая спустя тысячелетия будет развернута и обоснована выдающимся русским религиозным философом В. Соловьевым, признававшим безусловное внутреннее достоинство за человеком как таковым без всяких ограничений. Человек, считал он, ни при каких условиях, ни по какой причине не может рассматриваться как только средство для посторонних целей. Он не может быть орудием для блага другого человека, нации, класса, ни даже для так называемого общего блага. «Такое общество, где личность не признается в этом своем значении, где ей присваивается лишь относительная ценность орудия для политических и культурных целей, хотя бы самых возвышенных, не может быть идеалом человеческой общественности и представляет лишь преходящую стадию исторического развития» (Соловьев В. *Оправдание добра* // Собр. соч.: В 2 т. М., 1988. Т. I. С. 307).

Сколько столетий должно еще пройти, чтобы человечество, наконец, осознало эту очевидную истину?

Цзы-гун спросил: «Кто есть благородный муж?» Учитель сказал: «Тот, который сначала действует, а потом говорит».

Учитель сказал: «Благородный муж заботится об общих, а не о частных интересах, а низкий человек, наоборот, заботится о частных, а не об общих интересах».

Учитель сказал: «Учение без размышления бесполезно, но и размышление без учения опасно».

В Старинный и вечный спор педагогов о соотношении обучения и развития.

Учитель сказал: «Занятие чуждыми учениями может только приносить вред».

В Здесь стоило бы добавить: для человека неокрепшего, не подготовленного. Понять это мне было дано, когда к нам в школу привели девушку из интеллигентной семьи после попытки суицида. Родители не нашли ничего лучшего, как с целью расширения культурного кругозора нанять ей учителя по индийской философии (в VII классе!).

Разумеется, в психических аномалиях девушки-подростка виновата не индийская философия, а несвоевременное за-

нятия чуждыми учениями. В наше смутное время духовных метаний, процветания лжеучений, в диапазоне от дианетики до аун сенреке, будем помнить и этот завет Учителя Куна.

Учитель сказал: «Ю, научить ли тебя знанию? Что знаешь, то и считай, что знаешь, чего не знаешь, то и считай, что не знаешь — вот это и будет знание».

Цзы-чжан учился с целью добиться жалования. Учитель сказал: «Много слушать и оставлять в стороне сомнительное, а о прочем говорить осторожно, тогда будет мало обвинений; много наблюдать и оставлять в стороне опасное, а в остальном действовать осторожно, тогда будет мало поводов к раскаянию; а если из-за речей будет мало обвинений, а в действиях — мало поводов к раскаянию, то здесь будет и жалование».

Ай-гун спросил: «Что нужно делать, чтобы народ был покорен?» Учитель отвечал: «Если возвышать прямых людей и устранять бесчестных, то народ будет покорен; если же возвышать бесчестных и устранять прямых людей, то он не будет покорен».

В Будем считать это методической рекомендацией Учителя для власть придержащих. Увы! От века мы видим то, что видим!

На вопрос Цзи Кан-цзы, как заставить народ быть почтительным и преданным, чтобы побудить его к добру, Учитель отвечал: «Управляй им с достоинством, и он будет почтителен; почитай своих родителей и будь милостив, и он будет предан; возвышай добрых и наставляй неспособных, и он устремится к добру».

Некто, обратясь к Конфуцию, сказал: «Почему Вы не служите?» Учитель ответил: «Что сказано в «Шицзине» о сыновней почтительности? Государь Чэнь был только почтителен к родителям, дружен с братьями и распространял это на управляемых — это также будет служба. Почему же только занятие известного поста считать службой?»

Учитель сказал: «Я не знаю, чтобы неискренний человек был годен к чему-либо. Каким образом может двигаться большая телега без перекадины для постромок или малая телега без ярма?»

Цзы-чжан спросил: «Можно ли наперед знать, что будет в следующие десять поколений?» Учитель сказал: «Династия Инь руководствовалась Сяскими правилами и что было в них убавлено или прибавлено, то можно знать; династия Чжоу пользовалась Иньскими правилами, прибавки и убавки в которых можно знать. Если бы случилось, что Чжоускую династию сменила другая, то даже можно знать за сотню столетий вперед».

Учитель сказал: «Приносить жертвы чужим пенатам — это значит выслуживаться. Сознать долг и не исполнять его — это трусость».

ГЛАВА III

Учитель сказал: «Если человек нечеловечен, то что толку в церемониях? Если человек нечеловечен, то что толку в музыке?»

Линь-фан спросил о сущности церемоний. Учитель сказал: «Как важен этот вопрос! В соблюдении церемоний лучше быть скромным, чем расточительным, а в исполнении траурных церемоний лучше проявлять скорбь, чем благолепие».

Учитель сказал: «У восточных и северных варваров есть правители — не так, как в Китае, где их нет».

Учитель сказал: «Благородный муж ни в чем не состязается, и если уж необходимо, то разве в стрельбе; (но и в этом случае) он поднимается в зал, приветствуя своих соперников и уступая им, а спустившись, пьет чару. И в этом состязании он остается благородным мужем».

Цзы-ся спросил: «Что значит стих «Шицзина»: «Прелестна ее лукавая улыбка, выразительны ее прекрасные очи, словно разрисованные по грунту». Учитель сказал: «Разрисовка производится после грунтовки». «В таком случае и церемонии отходят на задний план?» — сказал Цзы-ся. Учитель ответил: «Понимающий меня — это Шань, только с ним и можно говорить о «Шицзине».

Учитель сказал: «О Сяских церемониях я мог бы говорить, но дело в том, что удел Ци не дает для этого достаточных данных; мог бы я говорить и об Иньских церемониях, но Сунский удел не дает для этого достаточных данных».

Учитель сказал: «При великих жертвоприношениях царственному предку и праотцам его, после того как совершено возлияние, у меня нет охоты смотреть их».

Примечание. По совершении возлияния, которое совершалось в начале жертвоприношения для вызывания духов и с достаточным благоговением, остальная часть обряда совершалась небрежно, и потому Конфуций как строгий ритуалист не хотел присутствовать при этом.

Некто спросил о значении великого жертвоприношения предку и праотцам его. Учитель ответил: «Я не знаю, но кто знал бы его значение, для того управление вселенной было бы так же легко, как показать это» — и он указал на ладонь.

Приноси жертву предкам так (с таким благоговением), как бы они сами присутствовали здесь. Приноси жертву духам, как бы духи присутствовали при этом. Учитель сказал: «Если я не участвую лично в жертвах, то это, как будто, я не приносил их».

Примечание. Чэн Цзы говорит: «Я полагаю, что эти слова записаны были учениками Конфуция, как выражение того, с каким почтением (искренностью) он относился к жертвам». А между прочим мы прибавим, что, когда у него спрашивали о духах или загробном мире, то он отзывался невведением.

Учитель сказал: «Династия Чжоу почерпала для себя образцы из двух династий, и поэтому как прекрасны ее правила! Я буду следовать им».

Учитель, войдя в храм предков, спрашивал о каждой вещи. Тогда некто сказал: «Кто говорит, что сын Цзоуского человека (т.е. Шулян-хэ — отца Конфуция) знает церемонии? Вступив в храм, расспрашивает о каждой вещи». Услышав это, Конфуций сказал: «Это и есть правило вежливости».

Учитель сказал: «При стрельбе из лука суть дела не в том, чтобы попасть в центр мишени, потому что силы не у всех одинаковы. Это древнее правило состязания».

Цзы-гун хотел отменить принесение в жертву живого барана, при объявлении в храме предков о наступлении первых чисел каждого месяца. На это Учитель заметил: «Цы жаль барана, а мне жаль церемоний».

Учитель сказал: «Служение государю с соблюдением всех правил люди признают за лесть».

Князь Дин-гун спросил: «Как государь должен обходиться с чиновниками и как последние должны служить государю?» Учитель ответил: «Государь должен обходиться с чиновниками вежливо, а чиновники должны служить ему с преданностью».

Учитель сказал: «Песнь «Гуань-цзюй» выражает веселье без излишества и печаль, не переходящую в сокрушение».

Ай-гун спросил Цзай-во относительно жертвенника духу — покровителю земли. Цзай-во отвечал: «Сяские государи обсаживали жертвенники соснами, Иньские — кипарисом, а Чжоусцы — каштаном, чтобы заставить народ трепетать». Услышав об этом, Учитель сказал: «Когда дело сделано, нечего говорить о нем, когда делу дан ход, нечего соваться с увещеваниями, а за прошлое нечего винить».

Конфуций сказал: «Гуань-чжун — малоспособный человек!» Нечто сказал: «Но правда ли, Гуань-чжун экономен?» На это последовал ответ: «У него был бельведер с тремя входами, и разные должности не соединялись в одном лице; как же его можно назвать экономным?» «В таком случае, он может быть знает церемонии?» На это Конфуций ответил: «У владетельного князя поставлен перед воротами щит, и г. Гуань также поставил у себя перед воротами щит; у владетельного князя есть подставка для опрокидывания чарок при дружеском свидании двух государей, г. Гуань также устроил себе такую же подставку. Если он знает церемонии, то кто же их не знает?»

Учитель, объясняя музыку главному лускому капельмейстеру, сказал: «Музыку можно знать: сначала настраиваются инструменты, затем звуки должны быть гармоничны, отчетливы и литься непрерывно до окончания пьесы».

Учитель сказал: «Когда правитель не великодушен, в исполнении церемоний не внимателен и во время траура не выражает скорби, то где же у меня критерий для суждения о его делах?»

ГЛАВА IV

Учитель сказал: «Прекрасна та деревня, в которой господствует человечность. Если при выборе места мы не будем сидеть там, где царит человечность, то откуда можем набраться ума?»

AB *Древний спор о соотношении нравственности и интеллекта, который все просветленные умы человечества решали однозначно: «Гений и злодейство — две вещи несовместные...»*

Учитель сказал: «Человек, не имеющий человечности, не может долго выносить бедность и не может постоянно пребывать в радости. Человеколюбивый находит спокойствие в человечности, а мудрый находит в ней пользу».

Учитель сказал: «Только человеческий может и любить людей, и ненавидеть их».

Учитель сказал: «Если у кого есть искреннее стремление к человечности, тот не сделает зла».

Конфуций сказал: «Богатство и знатность составляют предмет человеческих желаний, но благородный муж ими не пользуется, если они достались незаконным путем. Бедность и низкое состояние служат для человека предметом отвращения, но благородный муж не гнушается ими (не отвергает их), если они незаслужены. Как может благородный муж пользоваться этим именем без человечности? Благородный муж ни на час не расстанется с человечностью; в суматохе и в разорении она непременно с ним».

Учитель сказал: «Я не видел, чтобы у человека нехватало сил быть человеческим, если бы он смог приложить к этому старание. Может быть, такие люди есть, но я их не видел».

AB *Самый сильный упрек, который предпосылают Конфуцию его критики, лежит именно в плоскости этого и подобных высказываний. Моральный оптимизм Учителя, казалось бы, опровергнут неоднократно всей последующей историей. Действительно, все, что нам довелось узнать за последние две с половиной тысячи лет, мало убеждает в изначальной природной доброте человека. Агрессия, злоба, изверство сопутствуют любому времени. Как истинно сказал поэт: «Что ни век — то век железный». Удивительно другое, что, начиная с Конфуция, кончая Альбертом Швей-*

цером, всегда находились люди, не только утверждавшие обратное, но и своей жизнью опровергавшие пессимистический взгляд на природу человека. Для религиозных мыслителей (в отечественной традиции от В.Соловьева до о. А.Меня) законы этики оказываются лишь ветхой системой заслонов, которые рушатся один за другим, если в основе морали не лежат откровение и вера. Сокрушительной критике секулярной этики особенно трудно что-либо возразить сегодня, в условиях определенного религиозного ренессанса, стремительно сменившего полицейский атеизм (как бы нам по законам маятника также скоропостижно не прийти к полицейскому атеизму! Некоторые симптомы уже просматриваются).

Но справедливости ради стоит послушать и другую сторону. Вот что пишет на сей счет известный западный философ и психолог Э.Фромм: «Поражение рационализма XVIII и XIX столетий было обусловлено не его верой в разум, а узостью его понятий. Ошибки одностороннего рационализма может исправить не ослабление, а усиление разума и неотступный поиск истины — но не псевдорелигиозный обскурантизм...

...Растущее сомнение в человеческой автономии и разуме породило моральное смятение, и человек остался без руководства и откровения и разума (сказано почти о нас. — Е.Я.).

... Должны ли мы согласиться на то, что альтернатива религии — релятивизм? Должны ли мы допустить отказ от разума в вопросах этики?.. Нет, есть другая альтернатива. Правильные этические нормы может сформулировать только разум человека, и только он один (подчерк. мной. — Е.Я.).

...Наше знание человеческой природы ведет не к этическому релятивизму, а напротив — к убеждению, что источники норм этического поведения следует искать в самой человеческой природе; что моральные нормы основаны на присущих человеку свойствах, грубое их поправление ведет к душевному и эмоциональному разладу.

...Чтобы доверять ценностям, человеку нужно знать себя, свою естественную способность к добру и плодотворности» (цит. по: Фромм Э. Человек не для себя. — Минск, 1992).

Похоже, что Учитель Кун верил в естественную способность человека к добру и плодотворности, хотя драматические коллизии его собственной жизни едва ли создавали для этого избыточный оптимистический фон. Кто прав в этом извечном споре: сторонники религиозной или автономной морали — судить не нам. Но Учительство, понимаемое как миссия, добровольно взятое на себя предназначение, заставляет, помимо всего прочего, занять конфуцианско-фроммовскую позицию упрямого педагогического оптимизма, веры в возможность исправления хотя бы детской части человечества доступными разуму средствами.

***В противном случае остается лишь молиться во спасение.
Но это уже другой способ существования.***

Учитель сказал: «Погрешности людей соответствуют их категориям и, наблюдая погрешности человека, можно знать, человек он или нет».

Учитель сказал: «Если человек поутру узнает истинный Путь, то вечером он может умереть без сожаления».

Учитель сказал: «С ученым, который, стремясь к истине, стыдится плохого платья, и дурной пищи, и бедного народа, не стоит рассуждать».

Учитель сказал: «Благородный человек в мире ничего не предпринимает, а действует, сообразуясь со справедливостью».

Учитель сказал: «Благородный муж думает о добродетели, а низкий — о спокойствии; благородный муж боится закона, а низкий жаждет корысти».

Учитель сказал: «Кто поступает корыстно, тот вызывает против себя много ропота».

Учитель сказал: «Если кто сможет управлять государством с уступчивостью, требуемой церемониями, то какие затруднения он встретит в этом? Если кто не будет в состоянии управлять им с уступчивостью, к которой обязывают церемонии, то для чего ему эти церемонии?»

Учитель сказал: «Не беспокойся, что у тебя нет должности, а беспокойся, каким образом устоять на ней; не беспокойся, что люди не знают тебя, а старайся поступать так, чтобы тебя могли знать».

Учитель сказал: «Шэнь! Мое учение проникнуто одним началом?» «Да», — отвечал Цзэн-цзы не задумываясь. Когда Учитель вышел, то ученики спросили его: «Что это значит?» Цзэн-цзы отвечал: «Это значит, что учение нашего Учителя заключается в искренности и снисходительности».

Учитель сказал: «Благородный муж знает долг, а низкий человек знает выгоду».

Учитель сказал: «При виде достойного человека думай о том, чтобы сравняться с ним, а при виде недостойного — исследуй самого себя».

Учитель сказал: «Служа родителям, следует осторожно увещевать их, если замечаешь, что они не слушают, увеличь почтительность, но не оставляй увещеваний; будут удручать тебя, не ропщи».

Учитель сказал: «Кто в течение трех лет не изменит отцовских порядков, того можно назвать почтительным сыном».

Учитель сказал: «Нельзя не помнить возраста своих родителей, чтобы, с одной стороны, радоваться, а с другой — опасаться».

Учитель сказал: «В древности не давали легкомысленно слова, (из опасения) посрамиться неисполнением его».

Учитель сказал: «Редко подвергаются ошибкам те, которые ведут себя сдержанно».

Учитель сказал: «Благородный муж желает быть медленным на слова и быстрым на дела».

Учитель сказал: «Добродетель не бывает одинокой, у нее непременно есть последователи (соседи)».

Цзы-ю сказал: «Служа государю, если будешь надоедать ему своими увещеваниями, то навлечешь срам, а будешь надоедать ими другу, то он охладет к тебе».

ГЛАВА V

Учитель, разговаривая с Цзы-гуном, спросил: «А из вас с Хойем, кто лучше?» Цзы-гун ответил: «Как я смею равняться с Хойем: если он услышит о чем-либо одно, то, основываясь на этом одном, узнает о нем все. А я, услышав о чем-либо одно, узнаю только вдвое». Учитель сказал: «Ты не равен ему. Я согласен, что ты не равен ему».

Цзай-во заснул днем. Учитель сказал: «Гнилое дерево не годится для резьбы, а стена, сложенная из навоза, не годится для штукатурки. Стоит ли упрекать Во?» Учитель сказал: «В сношениях с людь-

ми сначала я слушал их речи и верил их действиям, а теперь я слушаю их речи и наблюдаю их поступки. Такая перемена произошла во мне от Во».

Учитель сказал: «Я не видел человека твердого». «А Шэн-чэн?» — отвечал кто-то. — «Чэн — человек похотливый, где же ему быть твердым?»

Цзы-гун сказал: «Чего я не желаю, чтобы другие делали мне, того я желаю не делать другим». На это Учитель сказал: «Цзы! Это для меня недостижимо».

Цзы-гун сказал: «Наружные совершенства Учителя могут быть известны, но его рассуждения о природе вещей и о небесных законах нам не могут быть известны».

Цзы-лу боялся услышать что-нибудь новое прежде, чем услышанное им могло быть приведено в исполнение.

Цзы-гун спросил: «Почему Кун Вэнь-цзы называли образованным?» На это Учитель сказал: «Несмотря на быстрый ум, он любит учиться и не стыдится обращаться с вопросами к низшим, поэтому его и называли образованным».

Конфуций отзывался о Цзы-чжане, что он обладал четырьмя качествами благородного мужа: скромнен по своему поведению, почителен к старшим, щедр в пропитании народа и справедлив в пользовании его трудом.

Учитель сказал: «Ян Пиньчжун был искусен в общении с людьми, сохраняя к ним почтительность и после продолжительного знакомства».

Цзы-чжан спросил Конфуция, какого он мнения о министре Цзы-вэне, который, трижды занимая эту должность, не выражал радости и, трижды покидая ее, не высказывал неудовольствия и при этом непременно объяснял новому министру правительственные распоряжения старого. Учитель сказал: «Преданный человек». «А не человеческий ли он?» — продолжал Цзы-чжан. «Не знаю, каким же образом он мог быть человеческим?»

Цзи Вэнь-цзы трижды подумает, а потом уже исполнит. Услышав об этом, Учитель сказал: «Довольно и два раза».

Учитель сказал: «Когда в государстве царил закон, то Нин Уцзы был умен, а когда в нем пошли беспорядки, он оказался глупым. С умом его можно поравняться, но с глупостью нельзя».

Учитель, находясь в уделе Чэнь, сказал: «Надо возвратиться, надо возвратиться! Мои дети стали высокоумны и небрежны в делах; хотя внешнее образование их закончено, но они не знают, как сдерживать себя».

Учитель сказал: «Кто говорит, что Вэй-Шэн-гао прямой человек? Кто-то попросил у него уксусу (у него не было), он выпросил у соседа и дал».

Учитель сказал: «Цзо Цюмин стыдился лукавых речей, вкрадчивой наружности и чрезмерной почтительности, и я также стыжусь их. Цзо Цюмин стыдился дружить с человеком, против которого таил в душе неудовольствие, и я стыжусь этого».

Учитель, обратившись к присутствующим Янь Юаню и Цзы-лу, сказал: «Почему каждый из вас не выскажет своих желаний?» Тогда Цзы-лу сказал: «Я желал бы иметь экипаж, лошадей и легкую шубу, которыми я делился бы с друзьями и не роптал бы, когда бы они пришли в ветхость». Янь Юань сказал: «Я желал бы не хвастаться своими совершенствами и не разглашать о своих подвигах». Цзы-лу сказал: «Мы хотели бы слышать о Ваших желаниях». Учитель сказал: «Я желал бы старых успокоить, с друзьями быть искренним, а малых лелеять».

Учитель сказал: «Да! Я не видал человека, который мог бы замечать свои погрешности и внутренне осуждать за них себя».

Учитель сказал: «В маленьком селении непременно найдутся люди, преданностью и искренностью, подобные мне, но не найдется таких, которые любили бы учиться, как я».

ГЛАВА VI

Ай-гун спросил Конфуция: «Кто из Ваших учеников любит учиться?» Тот ответил: «Был Янь Хой, который любил учиться, не переносил гнева на других и не повторял ошибок. К несчастью, его жизнь была коротка, он умер. Теперь таких нет. Не слышно, чтобы были любящие учиться».

Учитель сказал: «О Хое я могу сказать, что сердце его в течение трех месяцев не разлучается с человечностью, тогда как у других ее хватает на день и самое большое на месяц».

Цзи Кан-цзы спросил Учителя: «Можно же допустить Чжуню (Цзы-лу) до участия в правлении?» Тот ответил: «Ю — человек решительный, что для него значит участвовать в управлении?» — «Ну а Цю (Цзы-ю) можно допустить?» Учитель сказал: «Цю, он талантливый человек. Какая трудность для него участвовать в управлении?»

Учитель сказал: «Какой достойный человек Янь Хой! Он довольствовался одной чашкой риса и одним ковшом воды и жил в отвратительном переулке. Другой бы не мог вынести этих лишений, а он не изменял своей веселости. Какой достойный человек Хой!»

Жань-цю сказал: «Не то, чтобы я не находил удовольствия в моем учении, а сил у меня не хватает». Учитель сказал: «Те, у которых недостает сил, останавливаются на полпути; теперь ты сам себя ограничиваешь».

Учитель, обратившись к Цзы-ся, сказал: «Ты будь благородным ученим, а не низким».

Учитель сказал: «Кто выходит не через дверь? Но почему же не идут по этому пути?»

Учитель сказал: «Когда природа берет перевес над искусственностью, то мы имеем грубость, а когда искусственность преобладает над природой, то мы имеем лицемерие, и только пропорциональное соединение природы и искусственности дает благородного человека».

Учитель сказал: «Человек от рождения прям и если потом, искривившись, остается цел, то это по счастливой случайности».

Учитель сказал: «Тот, кто знает учение, уступает тому, кто находит в нем удовольствие».

Учитель сказал: «С человеком, способности которого выше посредственных, можно говорить о высоких предметах, а с тем, у которого они ниже посредственных, нельзя».

Фань Чи спросил: «Кого можно назвать умным?» Учитель ответил: «Умным можно назвать того, кто прилагает исключительное старание к тому, что свойственно человеку, почитает духов, но удаляется от них». — «А человеческим?» — «А человеческим можно назвать того, кто на первом плане ставит преодоление трудного, а выгоды — на втором».

Учитель сказал: «Умный находит удовольствие в воде; человеческий любит горы; умный подвижен, а человеческий спокоен; умный весел, а человеческий долговечен».

Цзай-во спросил: «Человечный человек, если бы ему сказали, что в колодезе есть человек, спустился бы он за ним?» Конфуций сказал: «Зачем так? Благородного мужа можно заставить отправиться к колодезю, чтобы спасти упавшего в него, но его нельзя заставить спуститься в колодезь; его можно обмануть, но не одурачить».

Учитель сказал: «Благородный муж, обладающий обширными познаниями в литературе, может также не уклониться от истины, если будет сдерживать себя церемониями».

Учитель увиделся с Нань-цзы. Цзы-лу был недоволен этим. Тогда Учитель с клятвой сказал: «Пусть Небо отринет меня, если я сделал что-нибудь худое».

Примечание. Нань-цзы — известная развратница, жена Вэйского князя.

Цзы-гун сказал: «Если бы нашелся человек, который, щедро раздавая народу, мог бы помочь всем; что Вы скажете о нем? Можно ли его назвать человеческим?» «Не человеческим только, — сказал Учитель. — Но непременно мудрым. Ведь об этом скорбели даже Яо и Шунь. Человечный муж сам, желая иметь устои, создает их и для других, сам, желая развиваться, развивает и других. Быть в состоянии смотреть на других, как на самого себя, — вот что можно назвать искусством человечности».

ГЛАВА VII

Учитель сказал: «Я передаю старину, а не сочиняю; верю в старину и люблю ее и позволяю себе сравнивать себя с Лао-пыном».

Примечание. Говорят, что Лао-пын был достойный вельможа Шанской династии.

Учитель сказал: «В молчании обогащать себя познаниями, учиться с ненасытной жаждой и просвещать людей, не зная усталости — какое из этих трех качеств есть во мне?»

Учитель сказал: «То, что мы не преуспеваем в добродетели, не уясняем себе изучаемого, не может устремляться на зов долга и не в состоянии исправить свои недостатки — вот о чем я скорблю».

В свободное время Учитель имел спокойный и довольный вид.

Учитель сказал: «Ужасно я опустилсЯ и давно не вижу во сне Чжоу-гуна».

Примечание. Этим Конфуций хочет сказать, что благодаря упадку сил у него остыло стремление к осуществлению принципов Чжоу-гуна, что составляло его заветную мечту.

Учитель сказал: «Стремись к истине, держись добродетели, опирайся на гуманность и забавляйся свободными искусствами».

Учитель сказал: «Я никому не отказывал в наставлении, начиная с тех, которые приносили гонорар из связки сушеного мяса».

Учитель сказал: «Неретивых я не просвещаю, не сгорающим нетерпением получить разъяснения не объясняю и своих уроков не повторяю тем, которые по одному приподнятому углу не отгадывают трех остальных».

Когда Учителю приходилось кушать подле лиц, одетых в траур, он никогда не наедался досыта. Он не ел в тот день, когда плакал.

Учитель, обратясь к Ян Юаню, сказал: «Употребляют нас в дело, мы действуем, устраняют нас от него, мы скрываемся. На это способны только мы с тобой». Цзы-лу сказал: «Если бы Вы предводительствовали армией, то кого бы Вы взяли с собой?» Учитель сказал: «Я не взял бы с собою того, кто бросается на тигра с голыми руками, или пускается вплавь по реке и умирает без сожаления. Я взял бы непременно того, кто в момент действия чрезвычайно осторожен и, любя действовать обдуманно, достигает успеха».

Учитель сказал: «Если бы богатства можно было домогаться, то, хотя бы для этого пришлось быть кучером, я сделался бы им, а так как его нельзя домогаться, то я займусь тем, что мне нравится».

Учитель с вниманием относился к приведению в порядок своих помыслов перед жертвоприношением, к войне и к болезни.

Примечание. Приводить в порядок свои помыслы перед жертвоприношением для того, чтобы достойно вступить в сношение с духами.

Учитель во время пребывания в Ци, услышав музыку Шао, в течение трех месяцев не находил вкуса в мясе, говоря, что он не ожидал, чтобы эта музыка была в такой степени очаровательна.

Примечание. По объяснению толкователей, музыка Шао была самой прекраснейшей и нравственнейшей.

Учитель сказал: «Есть грубую пищу, пить воду и спать на согнутом локте — в этом также заключается удовольствие. Неправое богатство, и притом соединенное со знатностью, для меня подобно мимолетному облаку».

Учитель сказал: «Если бы мне прибавили несколько лет жизни для окончания изучения И-цзина, тогда у меня не было бы больших погрешностей».

Шэ-гун спрашивал у Цзы-лу о Конфуции. Тот не дал ему ответа. Тогда Учитель сказал Цзы-лу: «Почему ты не сказал ему, что этот человек в своем энтузиазме забывает о пище, весел до забвения печали и не замечает приближения старости. Вот как следовало бы тебе отвечать ему».

Учитель сказал: «Я не тот, который обладает знанием от рождения, а тот, который, любя древность, усердно ищет ее».

Учитель не говорил о чудесном, о физической силе, о смутах и о духах.

Учитель сказал: «Если идут вместе три человека, то между ними непременно есть мой учитель; я избираю из них хорошего и слеую за ним, а дурной побуждает меня к исправлению».

Учитель сказал: «Думаете ли вы, дети, что я скрываю от вас что-нибудь? Нет, я от вас ничего не скрываю; все мои деяния вам известны. Таков я».

Учитель учил четырем предметам: письменам, нравственности, преданности и искренности.

Учитель сказал: «Мудреца мне не удалось видеть: но если бы мне удалось видеть одаренных выдающимися талантами и нравственными достоинствами, и то ладно».

Учитель удил рыбу, но не ловил ее сетью, не метал стрелы в сидящую птицу.

Учитель сказал: «Вероятно, есть люди, которые делают что-либо, не зная почему. Я не таков. Я преуспеваю в достижении знаний, потому что знаю, как приобретать их. Много слушать, избирать из этого хорошее и следовать ему; много наблюдать и запоминать — это второстепенное знание».

С Хусянцами трудно было говорить (о добре) и потому, когда пришел представиться Хусянский мальчик, то ученики отнеслись к нему подозрительно. Тогда Конфуций сказал: «Человек пришел ко мне, очистив себя, и я допускаю, что он мог очиститься; но, конечно, не могу ручаться за его прошлое; я только допускаю его к себе, но не ручаюсь, что он не сделает чего-либо нехорошего по выходе от меня. Это уж было бы чересчур!»

Учитель сказал: «Далеко ли от нас человечность? Когда мы хотим ее, то она у нас под руками».

Когда Конфуций бывал в компании с человеком, который пел, то, если он пел хорошо, он заставлял его повторить, а потом уже сам подпевал ему.

Учитель сказал: «В письменности я, может быть, и подобен другим. Что же касается личного исполнения мною того, что требуется от благородного мужа, то в этом я совершенно не успел».

Учитель сказал: «На святость и гуманность я не смею претендовать; но что я ненасытно стремлюсь к этому и просвещаю людей, не зная усталости, то это можно сказать обо мне». «Верно, — сказал Гун-си-хуа, — только мы не в состоянии подражать тебе в этом».

Когда Учитель заболел, то Цзы-лу попросил у него дозволения помолиться духам о его выздоровлении. Учитель сказал: «А существует ли это?» «Существует, — отвечал Цзы-лу, — в одной эпитафии сказано: «Молимся за тебя духам неба и земли». Тогда Учитель сказал: «Я давно уже молюсь».

Учитель сказал: «Расточительность ведет к непослушанию, а бережливость к скаредности, но лучше быть скаредным, чем непочтительным».

Учитель сказал: «Благородный муж безмятежен и свободен, а низкий человек разочарован и скорбен».

Учитель был ласков, но строг, внушитель, но не свиреп, почти-телен, но спокоен.

ГЛАВА VIII

Учитель сказал: «Почтительность, не сдерживаемая церемониями, ведет к трусости, храбрость — к смутам, прямота — к запальчивости. Когда человек, занимающий высокое положение, крепко привязан к родным, то народ проникается чувствами гуманности, когда он не оставляет старых друзей, то народ не бывает скаредным».

Цзэн-цзы, заболевши, призвал своих учеников, сказав им: «Откройте мои ноги, откройте мои руки. В «Шицзине» сказано: «(блюди себя) со страхом и трепетом, как будто бы ты стоял на краю бездны или ступал по тонкому льду». Теперь я знаю, что я сохранил мое тело в целости. Да, мои дети!»

Когда Цзэн-цзы заболел, его навещил Мэн-цзин-цзы и осведомился о его здоровье. Цзэн-цзы сказал: «Когда птица при смерти, то пение ее жалобно; когда человек при смерти, то слова его добры».

Для человека, занимающего высокое положение, в правилах поведения важны три вещи: телодвижения, свободные от грубости и небрежности, выражение лица, близкое к искренности, и тон речи, свободный от вульгарности и несообразности. А что касается жертвенных сосудов, то для этого есть специальные чины.

Цзэн-цзы сказал: «Будучи способным, обращаться с вопросами к неспособным; обладая многим, обращаться с вопросами к мало знающим; иметь и как бы не иметь, быть полным и как бы пустым, и не считаться за оскорбления — так поступал один мой друг».

Примечание. Под именем друга разумеют Янь Хоя, который один из учеников Конфуция как человек, почти достигший свойственного святому

мужу, или мудрецу, полного отрицания своей личности, мог поступать таким образом.

Цзэн-цзы сказал: «Ученый не может не быть широкой натурой, твердым и выносливым, потому что обязанность его тяжела и путь его далек. Человечность он считает своей обязанностью. Разве это не тяжелое бремя? Только со смертью оканчивается его обязанность — разве это не далекий путь?»

Конфуций сказал: «Начинай образование с поэзии, упрочивай его церемониями и завершай музыкой».

Конфуций сказал: «Народ можно заставлять следовать должным путем, но нельзя объяснять ему, почему».

Конфуций сказал: «Отважный человек, тяготящийся бедностью, произведет смуту, точно так же, как и человек, лишенный человечности, если его через меру ненавидят».

Конфуций сказал: «Пусть человек обладает превосходными талантами Чжоу-гуна, но если он тщеславен и скареден, то остальные качества его не заслуживают внимания».

Нелегко отыскать человека, который бы, проучившись три года, не стремился к жалованью.

Конфуций сказал: «Искренно веруй и люби учиться, храни до смерти твои убеждения и усовершенствуй свой путь».

В государство, находящееся в опасности, не входи; в государстве, объятom мятежом, не живи; появляйся, когда во вселенной царит закон, и скрывайся в эпоху беззакония. Стыдно быть бедным и занимать низкое положение, когда в государстве царит закон; равно стыдно быть богатым и знатным, когда в государстве царит беззаконие.

В Читатель уже, вероятно, обратил внимание на то, что одним из ключей к пониманию Конфуция является конструирование диалогов между ним и людьми, удаленными во времени и в географии. На такую вольность подвигнул нас сам Учитель, веривший в общечеловеческие духовные корни, которые, в свою очередь, являются залогом сближения всех народов.

Вот почему, в буквальном смысле слова, опешив от призыва скрываться в эпоху беззакония, не входить в государ-

ство, находящееся в опасности, я припомнил прямо противоположную точку зрения на роль мудреца (интеллекта) в «смутные времена». Когда-то выдающегося культуролога и историка Юрия Лотмана спросили: почему он не уезжает из России? И получили молниеносный ответ: «Место врача — в чумном бараке!» Едва ли Конфуция с его общественным темпераментом и административным опытом (работал надзирателем за продовольственными поставками, борясь со злоупотреблениями) можно заподозрить в отсутствии активной гражданской позиции. В определенном смысле о. А.Мень прав, когда называет его служивым человеком в душе, честным чиновником. Но тогда, быть может, вторая часть высказывания несколько проясняет первую, и речь идет лишь о нравственной невозможности для достойного человека занимать высокое положение в незаконном государстве. Не будем спешить с выводами, ибо одним ключом эту дверь не открыть — необходима целая связка. Вчитаемся внимательно в другое высказывание (с. 81), где Учитель разворачивает своеобразную типологию ухода. Итак, уход нравственных и умных людей от мира, из страны, от небрежного обращения, из-за слов.

Оставим в стороне эмиграцию из страны, объятая смутной, отметив, что мы лишь недавно научились, по крайней мере, не осуждать людей, принявших и принимающих подобные решения, и обратимся к трем иным уходам: от мира, от небрежного обращения, из-за слов. Такая реакция на несовершенство бытия, разумеется, была знакома Конфуцию по даосизму, а нам даже при самом поверхностном знакомстве с религиозными учениями легко проследить ее вплоть до дней нынешних. В отечественной истории самый яркий пример последовательного ухода от мира в отшельничество, а затем от небрежного обращения, из-за слов — из обители являет преподобный Сергей Радонежский. Перечитайте его житие. Аскезу, постриг — путь индивидуального личного спасения, который проходили многие, но святыми становились лишь единицы — лишь те, чей духовный подвиг в буквальном смысле преобразил жизнь. Вот почему, на мой взгляд, конфуцианское понимание ухода от мира предполагает обязательное возвращение: «Если в стране слабеет Путь, то слова святого возобновляют Его; если в стране нет Пути, то святой докажет всем, что Путь существует, и они примут Его без сопротивления» (с. 116).

Конфуций сказал: «Заносчив и непряма, невежествен и некропоток, неспособен и неискренен — таких я не признаю».

Конфуций сказал: «Учись так, как будто боишься не достигнуть предмета, да еще опасаться потерять его».

Конфуций сказал: «Возвышенны Яо и Шунь, которые, обладая вселенной, относились к этому безучастно».

Конфуций сказал: «Как велик был Яо, как государь! Как возвышен он! Только одно Небо велико и только один Яо соответствовал ему. Необъятен он (по своим доблестям) так, что народ не может изъяснить его. Высок он по своим наружным совершенствам».

ГЛАВА IX

Конфуций редко говорил о выгодах, судьбе и человеколюбии.

Человек из деревни Да-сян сказал: «Как велик Конфуций! Обладая обширной ученостью, он, однако, ничем не составил себе имени». Услыхав об этом, Конфуций, обратясь к своим ученикам, сказал: «Чем бы мне заняться: стрельбой или кучерством?»

Конфуций сказал: «Церемонии требуют пеньковой шапки; но так как в настоящее время шелк сходней, то я последую общему примеру. Кланяться внизу (перед залом) — этого требуют церемонии; но ныне кланяются наверху — это дерзко, и потому, хотя это будет вопреки всем, я буду кланяться внизу».

Учитель был свободен от следующих четырех предметов: предвзятого взгляда, самоуверенности, упрямства и эгоизма.

Глава палаты чинов спросил у Цзы-гуна: «Ведь Ваш Учитель мудрец? Как много у него талантов!» Цзы-гун сказал: «Верно, Небо щедро одарило его, приблизив его к святости, и еще даровало ему много талантов». Конфуций, услышав об этом, сказал: «Глава палаты чинов знает ли меня? В молодости я находился в низком положении и потому знал много низких профессий. Благородному мужу много ли нужно знать? Немного». Лао сказал: «Конфуций говорил о себе: «Меня не испытывали (для государственной деятельности), потому я занимался свободными художествами».

Конфуций сказал: «Есть ли у меня знание? Нет, я не имею его. Но если простой человек спрашивает меня о чем-нибудь, то, как бы ни был пуст вопрос, я беру его с двух противоположных сторон и объясняю ему во всей его полноте».

Конфуций при виде одетого в траурное или парадное платье, а также слепого, если сидел, непременно поднимался, а когда проходил мимо них, то ускорял шаг.

Ян Хой с глубоким вздохом сказал: «Чем более взираешь на учение (Конфуция), тем более оно кажется еще выше; чем более стараешься проникнуть в него, тем оно становится еще непроницаемее; смотришь — оно впереди, то вдруг позади. Но Учитель — человек систематичный, он умеет завлечь человека, обогащает меня всевозможными познаниями и сдерживает меня правилами церемоний. Хотел оставить (учение Конфуция) и не мог; и, когда истощил все свои способности, оно как будто бы стояло (предо мною), выдаваясь; хотя бы я хотел последовать за ним, у меня нет для этого средства».

Конфуций тяжело заболел; тогда Цзы-лу прислал к нему своего ученика, чтобы он состоял при нем в качестве домашнего чиновника (на что имели право высшие чины, удалившиеся со службы). Но Конфуцию стало лучше, и он сказал: «Цзы-лу, давно уже твое поведение фальшиво. Не имея права на чиновника и имея такового, кого я обману? Разве Небо? Кроме того, не лучше ли мне умереть на руках моих учеников, чем на руках чиновников. Вдобавок, допустим, что я не удостоюсь пышных похорон, но не бросят же меня на дороге, когда я умру».

Цзы-гун сказал: «Есть вот тут прекрасная яшма, — спрятать ли нам ее в ящик или же постараться продать ее за хорошую цену?» «Продать, продать, — сказал Конфуций, — я ожидаю покупателя».

Конфуций хотел удалиться к восточным варварам. На это кто-то заметил: «Ведь они грубы. Как же можно?» Конфуций отвечал: «Там, где живет благородный муж, нет места грубости».

Конфуций сказал: «Во внешней жизни служить князьям и вельможам, во внутренней — отцу и братьям, не смей не усердствовать в делах похоронных и не пьянеть от вина, — что есть во мне из всего этого?»

Конфуций, находясь на реке, сказал: «Все проходящее подобно этому течению, не останавливающемуся ни днем ни ночью».

Конфуций сказал: «Я не видел, чтобы люди любили добро так же, как красоту».

Конфуций сказал: «Например, я делаю горку и для окончания ее недостает одной плетушки земли, — останавливаюсь, — эта остановка моя; возьмем опять для примера уравнивание земли; хотя бы вывалена была одна плетушка, и я подвинулся в работе на эту плетушку — ведь это я сам подвинулся».

Конфуций сказал: «Бывают колосья, которые не цветут, а бывают и такие, которые цветут, но не наливаются».

Конфуций сказал: «На молодежь следует смотреть с уважением. Почем знать, что будущее поколение не будет равняться с настоящим. Но тот, кто в сорок — пятьдесят лет не приобрел известности, уже не заслуживает уважения».

Конфуций сказал: «Можно ли не следовать резонным советам? Но (в этом случае) важно исправление. Можно ли не быть довольным ласковыми внушениями? Но важно, чтобы они понимались. Но если человек доволен внушениями, но не вникает в смысл их, принимает советы, но не исправляется, с таким я не могу ничего поделать».

Конфуций сказал: «Почитай за главное преданность и искренность, не дружи с неподобными себе; ошибся — не бойся исправиться».

Конфуций сказал: «У многочисленной армии можно отнять главнокомандующего, но даже у обыкновенного человека нельзя отнять его воли».

Конфуций сказал: «Только с наступлением холодного времени года мы узнаем, что сосна и кипарис опадают последними».

Конфуций сказал: «Умный не заблуждается, человеческий не печалится, мужественный не боится».

Конфуций сказал: «Человек, с которым можно вместе учиться, еще не есть человек, с которым можно вместе идти по пути (добродетели); человек, с которым можно идти вместе по пути добродетели, еще не есть человек, с которым можно утвердиться в добродетели; человек, с которым можно утвердиться в добродетели, еще не есть человек, с которым можно взвешивать должное».

ГЛАВА X

Конфуций в своей родной деревне имел простодушный вид, как будто бы не мог сказать слова. А в храме предков и при дворе он говорил обстоятельно, но только с осторожностью.

В ожидании аудиенции, в разговоре с низшими вельможами он был тверд и прям, а в разговоре с высшими был любезен. В присутствии государя он выступал с благоговением, но с должным достоинством.

Когда государь подзывал его и приказывал принять иностранных посланников, то он менялся в лице и ноги у него подкашивались. Когда он делал приветствие руками направо и налево стоящим сослуживцам, то его платье спереди и сзади сидело гладко, а спешил в царские покои, словно птица с растопыренными крыльями. Когда гости удалялись, то он непременно докладывал государю, говоря: «Гости не оглядываются».

В ворота княжеского дворца входил наклонившись, как бы не помещаясь в них (в знак уважения). Посередине ворот он не останавливался и, проходя, не ступал на порог. Проходя мимо престола, он менялся в лице, ноги его подгибались, и он говорил как будто бы у него не доставало духу. Подобрав подол платья, он вступал в залу, согнувшись и затаив дыхание, как будто не дышал. По выходе, когда спускался на одну ступеньку, лицо его распухало и делалось спокойным. Спустившись с крыльца, он быстро бежал, растопырив руки, и благоговейно возвращался на свое место.

Учитель не гнушался кашею из обрушенного рису и мясом, изрубленным на мелкие куски. Он не ел ни каши, испортившейся от жары или влажности, ни испортившейся рыбы и тухлого мяса; не ел также предметов с изменившимся цветом и запахом, не ел кушанья, приготовленного не в пору, а также всего несозревшего, порезанного неправильно или приготовленного с несоответствующим соусом.

Покупного вина и базарного мяса Учитель не ел. Он никогда не обходился без имбиря. Участвуя в государственных жертвоприношениях, он не допускал, чтобы мясо оставалось более трех дней, в противном случае он его не ел. Во время еды не отвечал; во время сна не разговаривал.

Хотя пища его состояла из кашицы или овощного супа, он непременно отделял из них в жертву и непременно давал это с благоговением.

На рогожку, посланную неровно, Учитель не садился.

На деревенском пиру он не выходил (из-за стола, рогожки) ранее стариков. Когда жители его родной деревни прогоняли поветрие, то он в парадном платье стоял на восточной стороне крыльца.

Когда у него сгорела конюшня, то Конфуций, возвратившись из дворца, сказал: «Ранен ли кто-нибудь», — а о лошадях даже не спросил.

Когда владетельный князь жаловал его кушаньем, то он непременно, поправив рогожку, предварительно отведывал его. Если князь жаловал его сырым мясом, то он непременно варил его и приносил жертву предкам; а если князь жаловал живую скотину, то он кормил ее.

В случае приказанья государя явиться он отправлялся пешком, не ожидая, пока для него запрыгут телегу.

Когда умирал друг, которого некому было похоронить, он говорил: «Я похороню его». За подарки друзей, хотя бы они состояли из телеги и лошади, но не из жертвенного мяса, он не кланялся.

Спал он не наподобие трупа навзничь, и в обыденной жизни не принимал на себя важного вида. Увидав одетого в траур, хотя бы короткого знакомого, он менялся в лице; увидев кого-либо в парадной шапке или слепца, хотя часто встречался с ними, он непременно выказывал к ним вежливость. Когда, сидя в телеге, он встречал одетого в траур, то, опираясь на перекладину, наклонялся (в знак соболезнования); такую же вежливость он оказывал и лицам, несшим списки населения (из уважения к народу). При виде роскошного угощения, он непременно менялся в лице и вставал. Во время грозы и бури он непременно менялся в лице.

Сидя в телеге, Учитель не оглядывался назад, не говорил быстро и не указывал пальцем.

ГЛАВА XI

Конфуций сказал: «Хотя прежние люди в церемониях и музыке были дикарями, а последующие люди образованными; но если бы дело коснулось употребления их, то я последовал бы за первыми».

Конфуций сказал: «Хой (Янь Юань) не помощник мне; во всех моих речах он находил удовольствие».

Когда Янь Юань умер, то Конфуций горько плакал. Сопутствовавшие ему сказали: «Учитель, ты предаешься чрезмерной скорби». Он отвечал: «Чрезмерной скорби? О ком же мне глубоко скорбеть, как не об этом человеке?»

Цзы-лу спросил о служении духам (умерших). Учитель отвечал: «Мы не умеем служить людям, как же можем служить духам?» — «Осмелюсь спросить о смерти». Конфуций ответил: «Мы не знаем жизни, как же знать смерть?»

Конфуций сказал: «Ю (Цзы-лу) не в моей школе научился игре на гуслях».

Примечание. Его игра отличалась грубостью и воинственностью.

Ученики Конфуция не уважали Цзы-лу. Учитель сказал: «Ю вошел в зал, но не вступил во внутренние покои (т.е. не постиг всей сути мудрости)».

Цзы-гун спросил: «Кто достойнее — Цзы-чжан или Цзы-ся?» Конфуций ответил: «Цзы-чжан переходит за середину, а Цзы-ся не доходит до нее». «В таком случае, — продолжал Цзы-гун, — Ши лучше Шана». Конфуций сказал: «Переходить должную границу то же, что не доходить до нее».

Фамилия Цзи была богаче Чжоу-гуна; и Жань-ю собирал для нее доходы и увеличивал ее богатства. «Он не мой ученик, — сказал Конфуций. — Дети, бейте в барабаны и нападайте на него, он заслуживает этого!»

Конфуций сказал: «Хой (Янь Юань) почти близок к истине и по своему бескорыстию часто терпит нужду. Цы (Цзы-лу) не мирится с судьбою, приумножает свое имущество, и расчеты его часто бывают верны».

Цзы-лу хотел послать Цзы-гао начальником города Ми. На это Конфуций сказал: «Это значит погубить чужого сына». Цзы-лу сказал: «Там есть народ (которым надо управлять), есть и духи земли и хлебов (которым надо приносить жертвы). Какая необходимость в чтении книг, чтобы научиться этому?» Конфуций сказал на это: «Вот почему я ненавижу краснобаев».

Цзы-лу, Цзэн-Си, Жань Ю и Гунси Хуа сидели подле Конфуция, который сказал им: «Не стесняйтесь говорить потому, что я несколько старше вас. Вы постоянно говорите, что вас не знают, а что бы вы сделали, если бы вас знали?» На это Цзы-лу легкомысленно отвечал: «Если бы я управлял владением в тысячу колесниц, окруженным большим государством, испытывавшим нашествие неприятеля, а вследствие этого удручаемым голодом, то к концу трех лет мог бы внушить ему мужество и направить к сознанию долга».

Конфуций усмехнулся: «Ну а ты как, Цю?»

Цю отвечал: «Если бы я управлял маленьким владением в 60—70 ли, а то и в 50—70 ли, то в течение трех лет я мог бы довести народ до довольства. Что же касается церемоний и музыки, то для этого пришлось бы подождать достойного человека».

«Ну а ты, Чи, что?»

Последний отвечал: «Я не скажу, чтобы я мог это, но я желал бы поучиться и при жертвоприношениях в храме предков, при представлениях удельных князей и их сановников желал бы в черном парадном платье и парадной шапке исполнять обязанности младшего церемониймейстера».

«Ну а ты, Дянь (Цзэн-Си), что скажешь?»

Когда замерли звуки гуслей, на которых он играл, он отложил их и, поднявшись, отвечал: «Мой выбор отличается от выбора трех господ». Конфуций сказал: «Что за беда? Ведь каждый высказывает свои желания».

Тогда Дянь сказал: «Под конец весны, когда весеннее платье сшито, я желал бы с пятью-шестью молодыми людьми искупаться в реке. И наслаждаться прохладой на холме У-юй и с песнями возвращаться домой».

Конфуций с глубоким вздохом сказал: «Я одобряю Дяня».

ГЛАВА XII

На вопрос Янь Юаня о человечности Конфуций сказал: «Победить себя и возвратиться к церемониям — значит стать человеческим. И в тот день, когда (человек) победит себя и возвратится к церемониям, вселенная возвратится к человечности. Быть человеческим зависит ли от себя или от людей?»

На вопрос Чжоу-гуна о человечности Конфуций отвечал: «Вне дома води себя, как будто бы ты принимал знатного гостя; распоряжайся народом, как будто бы ты участвовал при великом жертвоприношении; чего не желаешь себе, не делай и другим. Тогда как в государстве, так и дома не будет против тебя ропота».

В Нет этической максимы, более очевидной и в то же время бесконечно опровергаемой во все времена так называемыми соображениями высшего порядка, которые на поверку оказываются всего лишь низменными, корыстными, минутными резонами.

Было, есть и будет!

Не знаю ни одного нормального учителя, кто не стремился бы внушить своим питомцам эту истину, но лжеучителей человечество также имело и имеет предостаточно. Глубинная экзистенциальная драма каждый раз предстает на сцене жизни в новых декорациях. Хотя новизна их относительная, и если уж ставить перед собой глобальные педагогические задачи, то, быть может, одной из них стоит признать демонтаж ветхих сценических конструкций, прикрывающих все то же неизменное мировое зло, идолопоклонство в любых его формах и проявлениях. Каждый раз, когда в нашем скорбном отечестве затевается очередное кровавое шоу, мы видим одну и ту же удручающую картину: небольшую кучку чудаков-интеллигентов, протестующих на площади. Видимо, их учителя оказались более убедительными в передаче конфуцианской идеи не делать другим, чего не желаешь себе. В остальной своей части «народ безмолвствует». Правда, до тех пор, пока молчаливая поддержка абстрактных идеологов и схем не оборачивается глубокой личной трагедией. Грустно осознавать столь низкий КПД суммарных педагогических усилий. Но это еще не повод опускать руки. «Медленно роет крот истории», и к концу XX столетия мы постепенно уходим от романтизации насилия («дело прочно, когда под ним струится кровь»). Не случайно объектом культурной канонизации становятся «чудаки», исповедовавшие этические максимы и, что самое главное, сумевшие их реализовать в жизни: Мохатма Ганди, доктор Гааз, Альберт Швейцер, А.Сахаров, А.Мень.

На вопрос Сыма Нью о человечности Конфуций отвечал: «Человечность — это осторожность в речах». На это Сыма Нью сказал: «Осторожность в речах — это ли называется человечностью?» Конфуций отвечал: «Что трудно сделать, разве о том можно говорить без осторожности?»

На вопрос Сыма Нью о благородном муже Конфуций отвечал: «Благородный муж тот, который не скорбит и не боится». На это Сыма Нью сказал: «Кто не боится и не скорбит, этот и есть благородный муж?» Конфуций сказал: «Кто, исследуя свой внутренний мир, не находит в себе недостатков, чего же ему скорбеть или бояться?»

На вопрос Цзы-чжана об умном Конфуций отвечал: «Умным и даже дальновидным можно назвать того, на кого не действуют ни медленно всасывающаяся клевета, ни жалобы на кровные обиды».

На вопрос Цзы-гуна, в чем состоит управление, Конфуций отвечал: «В довольстве пищи, в достаточности военных сил и в верности народа».

Цзы-гун сказал: «Но если бы предстояла необходимость исключить одну из этих трех статей, то какую исключить прежде?» «Военную часть», — отвечал Конфуций. Цзы-гун сказал: «А если бы правительство вынуждено было пожертвовать одною из этих двух, то какую прежде?» «Пищей», — сказал Конфуций, — потому что смерть всегда была общим уделом, а без доверия народа правительство не может стоять».

Цзи-цзы Чэн сказал: «Благородному мужу нужна только безыскусственность, к чему еще ему шлифовка?»

Примечание. Цзи-цзы Чэн, Вэйский вельможа, скорбя о преобладании в своих современниках внешнего лоска над природой, сказал это изречение.

Цзы-гун сказал: «Увы! Ваши слова — слова благородного мужа; но даже четверка лошадей не в состоянии догнать слово, сорвавшееся с языка. Внешнее украшение подходит к природе, а природа — к украшению. Шкура барса и тигра без волос походит на шкуру собаки и барана».

В ответ на вопрос Циньского князя Цина о правлении, предложенный им Конфуцию, последний отвечал: «Правление есть там,

где государь есть государь, министр — министр, отец — отец и сын — сын».

На это князь сказал: «Прекрасно! Действительно, если государь не будет государем, министр министром, отец отцом и сын сыном, то хотя бы у меня был хлеб, буду ли я в состоянии пользоваться им?»

Учитель сказал: «Слушать тяжбы я могу подобно другим; но что необходимо — это, чтобы не было тяжб».

В ответ на вопрос Цзы-чжана насчет управления Учитель отвечал: «Управление заключается в том, чтобы неустанно сосредоточиваться на нем и нелицемерно осуществлять его».

Учитель сказал: «Если при обширной учености сдерживать себя церемониями, то благодаря этому также можно не уклониться от истины».

Учитель сказал: «Благородный муж содействует людям в осуществлении их добрых дел, но не злых, а низкий человек поступает противно этому».

На вопрос Цзи Кан-цзы о правлении Учитель отвечал: «Правление есть исправление. Если вы будете подавать другим пример прямоты, то кто же осмелится быть непрямым?»

Цзи Кан-цзы, спрашивая Конфуция о правлении, сказал: «Что Вы скажете, если мы будем казнить незаконных людей для образования нравственных людей?» — «Вы управляете, зачем же прибегать к убийству? Если Вы пожелаете быть добрым, то и народ будет добр. Добродетели благородного мужа — это ветер, а качества низкого человека — это трава, и ветер, гуляющий по траве, непременно пригибает ее».

На вопрос Фань Чи о человечности Учитель отвечал: «Человечность — это любовь к людям». На вопрос: «Что такое знание?» — Учитель отвечал: «Знание — это знание людей». Фань Чи не понял. Учитель сказал: «Возвышая людей честных и преграждая путь бесчестным, мы можем сделать бесчестных честными».

Цзы-гун спросил: «В чем состоит дружба?» Учитель ответил: «В искреннем увещании и в добром руководстве; нельзя — прекрати, не срами себя».

ГЛАВА XIII

Цзы-лу спросил: «В чем состоит правление?» Учитель ответил: «В том, чтобы предупреждать народ своим примером и трудиться для него». На просьбу о дальнейших объяснениях Учитель сказал: «Не ленись».

Цзы-лу сказал: «Вэйский государь ожидает Вас, чтобы с Вами управлять государством. С чего Вы намерены начать?» Учитель ответил: «Необходимо исправить имена». — «Вот как! Вы далеко заходите. К чему это исправление?» — «Дикарь ты, Ю, — отвечал Учитель. — Благородный муж осторожен по отношению к тому, чего не знает. Если имя неправильно, то слово будет противоречить делу, а когда слово противоречит делу, то дело не будет исполнено, а если дело не будет исполнено, то церемонии и музыка не будут процветать; а если церемонии и музыка не будут процветать, то наказания не будут правильны; а когда наказания будут извращены, то народ не будет знать, как ему вести себя. Поэтому для благородного мужа необходимо, чтобы имя он непременно мог сказать и слово исполнить и чтобы в словах его не было ничего бесчестного».

Фань Чи просил научить его земледелию. Учитель ответил: «Я хуже опытного земледельца». — «Тогда прошу научить огородничеству». Учитель ответил: «Я хуже опытного огородника». Когда Фань Чи вышел, Учитель сказал: «Мелкий человек — этот Фань Сюй. Если наверху любят церемонии, то народ не осмелится быть непочтительным; если наверху любят правду, то народ не осмелится не покоряться, если наверху любят искренность, то народ не осмелится не выражать привязанности. А при таких условиях народ, неся в пеленках за плечами своих малых детей, устремится к вам. Зачем же заниматься земледелием?»

Конфуций сказал: «Человек прочитал весь «Шицзин», а дадут ему какое-нибудь правительственное дело, он не понимает его; пошлют его в чужое государство, он не в состоянии справиться с поручением. Хотя он и много знает, но какая от этого польза?»

Конфуций сказал: «Если правитель праведен, то народ без приказаний будет все исполнять; если же он сам неправеден, то, хотя бы он приказывал, его не послушают».

Учитель отправился в Вэй с Жань Сю в качестве кучера и (обратившись к нему) сказал: «Как много народу?» Жань сказал: «Коль

скоро много, то что еще можно прибавить?» «Обогатить его», — отвечал Учитель. «А когда он разбогатеет, то что еще можно бы сделать для него?» — «Обучить его», — отвечал Учитель.

Учитель сказал: «Если бы кто воспользовался мною для службы, то через год правление было бы уже порядочное, а через три года оно было бы совершенно устроено».

Учитель сказал: «Если бы добрые люди управляли государством сто лет, то тогда возможно победить жестоких и уничтожить казни». Верны эти слова.

Учитель сказал: «Если бы появился государь, проникнутый чувством законности, то по истечении века воцарилась бы человечность».

Учитель сказал: «Если кто исправит себя, то какая трудность для него участвовать в управлении? Если же кто не в состоянии исправить самого себя, то каким образом он будет исправлять других?»

Дин-гун спросил: «Возможно ли одним словом возвысить государство?» Конфуций отвечал: «От одного слова нельзя ожидать таких результатов. Людская пословица говорит: «Быть государем трудно, но нелегко быть и министром». Если будем понимать, что трудно быть государем, то разве нельзя надеяться одним этим словом поднять государство?» — «А бывало ли, чтобы одно слово губило государство?» Конфуций ответил: «От одного слова нельзя ожидать этого. Народная пословица говорит: «Я не радуюсь быть правителем, потому что словам его только поддакивают и никто не противоречит ему». Если слова его хороши и им не противоречат, разве это не хорошо? Если же они нехороши и им не противоречат, не близко ли это к тому, что одно слово губит государство?»

Цзы-ся, сделавшись государем города Цзюйфу, спросил о том, как управлять. Учитель ответил: «Не торопись и не гонись за малыми выгодами. Будешь торопиться, не разумеешь дела, будешь гоняться за малыми выгодами, большого дела не сделаешь».

На вопрос Фань Чи о человечности Учитель ответил: «Будь скромн в частной жизни, управляй делами с благоговейным вниманием, будь искренен к людям; хотя бы ты ушел к дикарям, и там нельзя бросить этого».

Цзы-гун спросил: «Каков должен быть тот, кого можно бы назвать ученым?» Учитель сказал: «Ученым можно назвать того, кто не зазорен в своем поведении и, будучи послан в чужие края, не посрамит повеления государя». — «Смею спросить: кто будет следующим за этим?» «Тот, — сказал Учитель, — кто в своем роду известен сыновнею почтительностью, а между односельчанами — братской любовью». — «А следующий за этим, смею спросить?» — «Тот, кто непременно остается верен своему слову и непременно приводит в исполнение то, что делает».

Примечание. Толкователи говорят: «У пылких — перевес ума над поведением, а у сдержанных — перевес поведения над умом». Для того чтобы образовать из них людей, подходящих к конфуцианскому масштабу, т.е. могущих идти путем неуклонной середины, первых необходимо сдерживать, а вторых возбуждать, подстрекать.

Конфуций сказал: «У южан есть поговорка: «Человек, не обладающий постоянством, не может быть ни знахарем, ни доктором». Прекрасно! Непостоянный в своем призвании подвергнется посрамлению». Учитель сказал: «Это известно и без гадания».

Учитель сказал: «Благородный муж миролюбив, но не льстив, а низкий льстив, но не миролюбив».

Цзы-гун сказал: «Что Вы скажете о человеке, которого все земляки любят?» «Не годится», — сказал Учитель. «А что Вы скажете о человеке, которого все земляки ненавидят?» «Тоже не годится, — сказал Учитель. — Лучше тот, которого любят хорошие земляки и ненавидят нехорошие».

Учитель сказал: «Благородному человеку легко служить, но трудно угодить; угождаешь ему не по закону, он не будет доволен. Что касается употребления им людей на службу, то он дает им дело, смотря по их способностям. Подлому человеку трудно служить, но легко угодить; потому что, хотя угождаешь ему и не по закону, но он будет доволен. Что же касается употребления им людей на службу, то он ищет таких, которые были бы способны на все».

Учитель сказал: «Благородный муж отличается спокойным достоинством, но не тщеславен; а подлый человек, наоборот, тщеславен, но не имеет спокойного достоинства».

Учитель сказал: «Человек твердый, решительный, безыскусный и простоватый недалеко от человечности».

Цзы-лу спросил: «Каков должен быть человек, чтобы можно было назвать его ученым?» — «Ученым можно назвать того, кто настойчив и убедителен, (неотвязчив) и ласков. По отношению к другим настойчив и убедителен, по отношению к братьям любезен».

Учитель сказал: «Когда хороший человек будет учить народ в течение семи лет, то с таким народом можно идти на войну».

Учитель сказал: «Посылать на войну людей необученных — значит предавать».

ГЛАВА XIV

Сянь спросил: «Что постыдно?» Учитель ответил: «Думать только о жалованье, когда в государстве царит порядок, и думать только о том же, когда в нем нет порядка, — это постыдно».

Учитель сказал: «Ученый, думающий о спокойствии и удобствах, не заслуживает этого имени».

Учитель сказал: «Когда в государстве царит порядок, то как речи, так и действия могут быть возвышенны и смелы; но когда в государстве царит беззаконие, то действия могут быть и возвышенны, но слова покорны».

Учитель сказал: «Человек, одаренный добродетелями, без сомнения, обладает даром слова, но обладающий даром слова, не всегда бывает одарен добродетелями; человек человеческий, конечно, обладает храбростью, но храбрость не всегда соединяется с человечностью».

Учитель сказал: «Что благородный муж бывает иногда нечеловечен — это случается; но чтобы низкий человек был человеческим — этого не бывает».

Учитель сказал: «Любящий человек разве может не поощрять к труду (того, кого он любит)? Преданный разве может не вразумлять (своего государя)?»

Учитель сказал: «Быть бедным и не роптать — трудно; быть богатым и не гордиться — легко».

Цзы-гун сказал: «Мне кажется, Гуань-чжун не был человечен. Когда Хуань-гун умертвил княжича Цзю, то он не только не мог умереть вместе с ним, но еще сделался министром у убийцы его». На это Учитель заметил: «Гуань-чжун в качестве министра Хуань-гуна поставил его во главе удельных князей, объединил и упорядочил всю вселенную, и народ до сего времени пользуется его благодеяниями. Если бы не Гуань-чжун, мы ходили бы с распущенными волосами и запахивали левую полу (т.е. были бы дикарями). Разве можно требовать от них шепетильности простых мужиков и баб, умерщвляющих себя в канавах и рвах в полной неизвестности?»

Цзы-лу спросил: «Как нужно служить государю?» Учитель ответил: «Не обманывай и укоряй его в лицо».

Учитель сказал: «Благородный муж постепенно поднимается вверх, а подлый человек постепенно опускается вниз».

Учитель сказал: «В древности люди учились для себя, а ныне учатся для других».

Цзэн-цзы сказал: «Мысли благородного мужа не выходят из пределов его положения».

Цзэн-цзы сказал: «Благородный муж скромнен в своих словах, но неумерен в своих действиях».

Конфуций сказал: «У благородного мужа есть три предмета, которых я не в состоянии достигнуть: человеколюбия без скорби, знания без заблуждения и храбрости без страха». Цзы-гун на это сказал: «Это Учитель говорил о себе, а Цзы-гун любил судить о людях». Учитель сказал: «Ты сам, должно быть, добродетельный человек; а вот у меня нет досуга для этого».

Учитель сказал: «Не беспокойся, что люди тебя не знают, а беспокойся о своей неспособности».

Учитель сказал: «Не предполагать обмана и не подозревать недоверия к себе со стороны, но в то же время наперед прозревать их — это ум».

Учитель сказал: «Отличный конь славится не за силу, а за качества».

Некто сказал: «Что Вы скажете о воздаянии добром за обиду?» На это Конфуций сказал: «А чем же тогда платить за добро? Следует воздавать справедливостью за обиду и добром за добро».

Учитель сказал: «Люди не знают меня!» На это Цзы-гун спросил: «Что значит «не знают Вас?» Учитель ответил: «Я не ропщу на Небо, не виню людей и, изучая низшее, достигаю понимания высшего. Не одно ли Небо знает меня?»

Конфуций сказал: «Люди умные и нравственные удаляются от мира (когда во вселенной царит беззаконие); другие удаляются из страны (т.е. государства, объятых смутой); другие удаляются от небрежного обращения, а иные удаляются из-за слов».

На вопрос Цзы-лу, что значит быть благородным человеком, Учитель сказал: «С благоговением относиться к самоусовершенствованию». «Это все?» — сказал Цзы-лу. «Исправлять самого себя, чтобы через это доставлять спокойствие людям», — сказал Учитель. «Это все?» — спросил Цзы-лу. Учитель сказал: «Исправлять себя для доставления спокойствия народу — о трудности этого скорбели даже Яо и Шунь».

Юань-чжан сидел (по-варварски) на корточках, ожидая Конфуция. Учитель сказал: «Кто в юности не отличался послушанием и братской любовью, возмужав, не сделал ничего замечательного, а состарившись, не умирает, — тот разбойник». И при этом ударил его палкою по спине.

ГЛАВА XV

На вопрос Вэйского князя Лин-гуна о военном деле Конфуций отвечал: «Дело жертвоприношений мне известно, но военного дела я не изучал».

Во время истощения продовольствия в царстве Чэнь, ученики Конфуция заболели от голода и не могли подняться. Тогда Цзы-лу в досаде, явившись к Конфуцию, сказал: «Видно и благородный человек бывает в стесненном положении!» Учитель отвечал: «Благородный человек строго соблюдает себя в стесненном положении, тогда как подлый, находясь в стесненном положении, делается распушенным».

Учитель сказал: «Цы (Цзы-гун), ты считаешь меня многоученым и знающим?» Тот отвечал: «Конечно. А разве нет?» «Нет, — сказал Учитель. — Я все связываю одной истиной».

Учитель сказал: «Управляющий вселенною без деятельности — это ведь был Шунь? Что ему было делать, как не сидеть на троне с самоуважением!»

Цзы-чжан спросил: «Как сделаться известным?» Учитель сказал: «При искренности и верности в слове, твердости и благоговении в деятельности и в царстве дикарей можно преуспевать. При отсутствии этих качеств, хотя бы даже в близком соседстве, разве можно преуспевать? Когда стоишь, представляй, что они (эти качества) предстоят пред тобою; когда находишься в экипаже, представляй, что они опираются на ярмо и тогда преуспеешь». Цзы-чжан записал эти слова на пояс.

Учитель сказал: «Не поговорить с человеком, с которым можно говорить, значит потерять человека; поговорить с человеком, с которым нельзя говорить — значит потерять слова. Умный человек не теряет ни человека, ни слов».

На вопрос Цзы-гуна о том, как сделаться человеческим, Учитель ответил: «Ремесленник, желая хорошо исполнить свою работу, предварительно непременно оттачивает свои инструменты. Живя в известном государстве, служи его достойным сановникам и дружи с его человеческими учеными».

На вопрос Янь Юаня о том, как устроить государство, Учитель ответил: «Руководствоваться счислением времени династии Ся; ездить в колеснице династии Инь; носить шапку династии Чжоу; употреблять музыку Шао с танцами; исключить Чжэнский напев и удалять льстецов, потому что первый сладострастен, а вторые опасны».

Учитель сказал: «Человек, не имеющий дальних замыслов, без сомнения, подвергнется близкой скорби».

Учитель сказал: «Кончено! Я не видел, чтобы люди так любили добродетель, как любят красоту».

Учитель сказал: «Если будешь требователен к самому себе и снисходителен к другим, то избавишься от ропота».

Учитель сказал: «Если человек не говорит: как же быть? То и я не знаю, как с ним быть».

Учитель сказал: «Трудно тем, которые, проводя целые дни в компании, не обмолвятся словом о долге, а только любят пробавляться своим хитроумием».

Учитель сказал: «Благородный муж, признавая справедливость за основу, проводит ее при помощи правил, проявляет ее в уступчивости и завершает ее искренностью. Вот таков благородный муж».

Учитель сказал: «Благородный муж болеет о своей неспособности, а не о том, что люди не знают его».

Учитель сказал: «Благородный муж скорбит, что по смерти его имя не будет прославлено».

Учитель сказал: «Благородный муж ищет причины своих неудач в себе самом, а подлый человек ищет их в других».

Учитель сказал: «Благородный муж важен, но не сварлив, общителен, но ни с кем не вступает в сговор».

Учитель сказал: «Благородный муж не рекомендует людей из-за их слов и не отвергает слов из-за людей».

Цзы-гун спросил: «Есть ли слово, которым можно было бы руководствоваться всю жизнь?» Учитель ответил: «Это взаимность». — «Чего себе не желаешь, того не делай другим».

Учитель сказал: «Льстивые речи запутывают добродетель, а маленькое нетерпение расстраивает великие замыслы».

Учитель сказал: «Когда все ненавидят или любят кого-либо, необходимо подвергать это проверке».

Учитель сказал: «Человек может сделать великой истину, но не истина человека».

Учитель сказал: «Ошибки, которые не исправляются, вот настоящие ошибки».

Учитель сказал: «Я целые дни проводил без пищи и целые ночи без сна, но нашел, что одни размышления бесполезны и лучше учить-ся».

Учитель сказал: «Благородный муж заботится об истине, а не о пасущем хлебе. Вот земледелие, но и в нем скрывается возможность голода; а вот учение, в котором скрывается и жалованье. Благородный муж беспокоится о том, что он не достигнет познания истины, а не о том, что он беден».

Учитель сказал: «Если, достигнув знания, мы не в состоянии будем хранить его при помощи человечности, то по приобретении непременно потеряем его». Если знание достигнуто и мы сможем хранить его при помощи человечности, но будем управлять без соблюдения внешнего достоинства, то народ не будет уважать нас. Но если и знание достигнуто, и мы сможем хранить его при помощи человечности, и будем управлять с достоинством, но не будем вдохновлять народ при помощи обрядовых правил, то это нехорошо».

Учитель сказал: «Благородный муж иногда может не знать мелочей, но может нести важные обязанности; между тем как мелкий человек не может нести важных обязанностей, но он может проявить свое знание в малых делах».

Учитель сказал: «Народ нуждается в человечности более, чем в огне и воде; я видел людей, умирающих от огня и воды, но не видел умирающих от того, что они были человечны».

Учитель сказал: «В человечности не уступай и учителю».

Учитель сказал: «Благородный муж прям и тверд, но не упрям».

Учитель сказал: «В обучении нет различий между людьми».

Учитель сказал: «Люди, идущие различными путями, не могут работать вместе».

Учитель сказал: «От слов требуется только, чтобы они были понятны».

ГЛАВА XVI

Когда фамилия Цзи намеревалась сделать нападение на владение Чжуаньюй, Жань-лу и Цзи-лу, явившись к Конфуцию, сказали: «Цзи намерены вступить в войну с Чжуаньюй». Тогда Конфуций сказал: «Цю, на самом деле не твоя ли это вина? Ведь Чжуаньюйский владетель сделан был прежним царем владетелем горы Дунмэн; кроме того, владение его находится в пределах княжества Лу, и владетель его есть подданный двора. С какой же стати нападать на него?» На это Жань-лу сказал: «Наш господин желает этого, а мы оба не желаем». Конфуций сказал: «Цю, Чжоу Жень говаривал: покажи силу своего содействия, оставаясь на посту; не можешь — удались. Если вожак не поддерживает в опасном месте и не удерживает от нападения, то на что нужен он? Кроме того, твои слова ошибочны. Когда тигр, или носорог выскочит из клетки, или же черепаха и яшма будут изломаны, находясь в шкатулке, то чья это будет вина?» Жань-лу на это сказал: «В настоящее время владение Чжуаньюй сильно и смежно с городом Би; если теперь не взять его, то впоследствии оно непременно будет предметом беспокойства для фамилии Цзи». На это Конфуций сказал: «Цю, благородный муж не любит, когда люди умалчивают о своих корыстных побуждениях и непрерывно приискивают отговорки. Я слышал, что правители государства и главы домов не беспокоятся о том, что у них мало людей, а печалются о неравномерном распределении, не опасаются бедности, а опасаются смут; потому что при равномерном распределении богатств нет бедных, при согласии не бывает недостатка в людях, а при спокойствии невозможно падение государства. Поэтому, если отдаленные народы не приходят с покорностью, то для привлечения их следует заботиться о просвещении и нравственности, а когда они придут, следует доставить им спокойную жизнь. Теперь вы, Ю и Цю, помогаете вашему господину, а отдаленные народы не покоряются, и вы не в состоянии привлечь их; его государство распадается, народ удаляется и разбредается, и вы не можете сохранить его; а тут задумываете еще поднять войну внутри государства. Я боюсь, что опасность для Цзи-суня не в Чжуаньюе, а в стенах дома».

Конфуций сказал: «Когда во вселенной царит порядок, то церемонии, музыка и войны исходят от Сына Неба; когда же в ней царит беззаконие, то церемонии, музыка и войны исходят от удельных князей. Когда все это исходит от удельных князей, то редкие из них через десять поколений не теряют власти, когда все исходит от вельмож, то редкие из них через пять поколений не теряют власти; а когда бразды правления государством находятся в руках чи-

новников-вассалов, то редкие из них не теряют власти через три поколения, когда во вселенной царит закон, то правительственная власть не находится в руках вельмож, и народ не участвует в обсуждении дел».

Конфуций сказал: «Влечений, доставляющих человеку пользу, три, и влечений, причиняющих ему вред, три. Полезные влечения — это находить удовольствие в упражнении в церемониях и музыке, не переступая должных границ; в рассказах о добре других и во множестве достойных друзей. Вредные влечения — это находить удовольствие во влечении к роскоши, в разгуле и в страсти к пирам».

Конфуций сказал: «В присутствии лиц достойных и почтенных возможны три ошибки: говорить, когда не следует говорить, это называется опрометчивостью; не говорить, когда следует говорить, это называется скрытностью, и не обращать внимания на выражение лица — это называется слепотою».

Конфуций сказал: «Благородный муж должен остерегаться трех вещей: в молодости, когда жизненные силы не окрепли, сладострастия, в возмужалом возрасте, когда они только что окрепли, драки, и в старости, когда они ослабли, любостыжания».

Конфуций сказал: «Для благородного мужа существует три предмета, перед которыми он благоговееет: веление Неба, великие мужи и слова мудреца. Подлый человек не знает велений Неба и не боится их, неучтиво обращается с великими мужами и презрительно относится к словам мудреца».

Конфуций сказал: «Те, которые имеют знание от рождения, суть вышние люди; следующие за ними — это те, которые приобретают знания учением; следующие за этими — это те, которые учатся, несмотря на свою непонятливость; непонятливые и неучащиеся составляют самый низший класс».

Конфуций сказал: «У благородного мужа девять дум: взирая, думает о том, чтобы видеть ясно; слушая — чтобы слышать отчетливо; по отношению к выражению лица думает о том, чтобы было любезное; по отношению к наружному виду думает о том, чтобы он был почтителен; по отношению к речи — чтобы она была искренна; по отношению к делам — чтобы быть внимательным к ним; в

случае сомнения думает о том, чтобы кого-нибудь спросить; по отношению к гневу думает о тех бедствиях, которые он влечет за собой; при виде возможности приобрести что-либо, думает о справедливости».

Конфуций сказал: «Людей, которые при виде добра неудержимо стремятся к нему, как бы опасаясь не достигнуть его, при виде зла бегут от него, как от кипятка, опасаясь обвариться, я видел и слышал об этом. Что люди живут отшельниками для уяснения своих стремлений и осуществляют справедливость для преуспевания своего учения — об этом я слышал, но не видел таких людей».

Конфуций сказал: «У Циньского князя Цина была одна тысяча четверок лошадей, а когда он умер, то народ не нашел в нем никаких добродетелей для прославления его; Бо-и и Шу-ци умерли с голоду в горах Шоу-ян, а народ доньше прославляет их. Не то ли это значит?»

ГЛАВА XVII

Учитель сказал: «По натуре люди близки друг другу, но по привычкам далеки».

Учитель сказал: «Только высшее знание и высшая глупость неизменны».

Цзы-чжан спросил о человечности. Конфуций сказал: «Кто в состоянии исполнить пять требований, тот будет человечен». — «Позволю спросить, что это такое?» Конфуций сказал: «Почтительность, великодушие, искренность, сметливость и доброта. Если человек почтителен, то он не подвергается пренебрежению, если человек великодушен, то он привлекает к себе всех, если он честен, то люди полагаются на него, если он сметлив, то он будет иметь заслуги, если он милостив, то в состоянии будет распоряжаться людьми».

Учитель сказал: «Ю, слышал ли ты, что такое шесть слов и шесть недостатков?» «Нет», — был ответ. «Ну, постой, я объясню тебе: питать любовь к гуманности и не учиться — недостатком этого будет глупость, питать любовь к знанию и не любить учиться — недостатком этого будет шаткость, питать любовь к честности и не лю-

бить учиться — недостатком этого будет нанесение вреда людям; любить прямоту и не любить учиться — недостатком этого будет горячность; любить мужество и не любить учиться — недостатком этого будет возмущение; любить твердость и не любить учиться — недостатком этого будет сумасбродство».

Учитель сказал: «Ученики, почему не изучаете книгу «Шицзин»? Ведь она может воодушевлять, может служить для того, чтобы видеть свои достоинства и недостатки, может делать человека общительным, может научить сдерживать негодование; в семье — научить служить отцу, в государстве — государю; из нее вы узнаете множество названий птиц, животных, деревьев и растений!»

Учитель сказал: «Церемонии, говорят, да церемонии! А разве под ними разумеются только яшмы и шелка? Музыка, говорят, да музыка! А разве под нею разумеются только музыкальные колокола и барабаны?»

Учитель сказал: «Строгого по наружности и слабого в душе можно сравнить с человеком из низов, не походит ли он на вора, который проделывает отверстие в стене или перелезает через нее?»

Учитель сказал: «Деревенский любимчик — вор добродетели».

Учитель сказал: «Уличные слухи и рассказы — это поругание добродетели. Пересказывать на дороге — это значит бросать добродетель».

Учитель сказал: «С низким человеком можно ли служить государю? Когда он не достиг желаемого, то заботится о достижении его, а когда достигнет, боится, как бы не потерять, а при боязни потерять он готов на все».

Учитель сказал: «В древности люди имели три недостатка, которых ныне, пожалуй, и нет. Древние сумасброды были своевольны в мелочах, а нынешние отличаются полной разнузданностью; прежде строгие люди отличались суровостью, а ныне отличаются злобой и гневом; прежние простаки отличались прямоотой, а нынешние — ложью».

Учитель сказал: «Хитрые речи и притворная наружность редко соединяются с гуманностью».

Учитель сказал: «Я хочу перестать говорить». На это Цзы-гун сказал: «Если Вы не будете говорить, то что же будут передавать Ваши ученики?» Учитель ответил: «Говорит ли что-нибудь Небо? А между тем времена года сменяются и твари рождаются. Говорит ли что-нибудь Небо?»

Цзай-во спросил: «Трехгодичный траур слишком продолжителен. Благородный муж, если в течение трех лет не будет упражняться в церемониях, то он непременно придет в расстройство. Если в течение трех лет не будет заниматься музыкой, то она непременно падет. Можно ли ограничиться годичным трауром, так как в течение года старый хлеб кончается и новый поступает, и огонь, получаемый от трения, меняется». Учитель сказал: «Был бы ты спокоен, кушая рис и одеваясь в парчу?» — «Был бы спокоен», — был ответ. «Но если ты был бы спокоен, — продолжал Конфуций, — то и делай так. А вот для благородного мужа во время траура пища не сладка, музыка не доставляет ему удовольствия и, живя в доме, он не спокоен. Поэтому он не делает этого, если же ты спокоен, ну и делай так». Когда Цзай-во вышел, Учитель сказал: «Такова Юйева непочтительность! Сын только через три года после рождения сходит с рук отца и матери. Трехгодичный траур есть всеобщий траур. А Юй разве не пользовался трехлетнею любовью своих родителей?!»

Примечание. Относительно получения огня посредством трения дерева мы встречаем у китайцев следующие замечания: весной огонь добывается из тополя и ивы, летом — из жужуба и абрикосового дерева, в конце лета — из тутового дерева и шелковичного дуба, осенью — из дуба и акации и зимою — из софоры и красного дерева.

Учитель сказал: «Есть досыта целый день и ничем не заниматься — разве это не тяжело? Разве нет шахмат и шашек? Играть в них все-таки лучше, чем ничего не делать».

Цзы-лу сказал: «Предпочитает ли высокопоставленный человек мужество?» Учитель ответил: «Он ставит долг выше всего, потому что человек, занимающий высокое положение, обладая мужеством, но не имея сознания долга, делается мятежником, а человек, занимающий низкое положение, обладая мужеством, но не имея сознания долга, делается разбойником».

Цзы-гун спросил: «У благородного мужа есть также и ненависть?» — «Есть, — ответил Учитель. — Он ненавидит людей, говорящих дурно о других, ненавидит тех, которые, занимая низкое положение,

злословят высших, ненавидит храбрых, но наглых, смелых, но неразумных».

Учитель сказал: «С женщинами да со слугами трудно справиться. Приблизить их, они становятся непокорными, а отдалить — ропшут».

Учитель сказал: «Если кого ненавидят в сорок лет, тому ничего не остается делать».

ГЛАВА XIX

Цзы-ся сказал: «О том, кто ежедневно узнает, чего он не знал, и ежемесячно вспоминает то, чему научился, можно сказать, что он любит учиться».

Цзы-ся сказал: «В многоучении и непреклонной воле, неотступном вопрошании и тщательном размышлении есть также и человечность».

Цзы-ся сказал: «Ремесленники, чтобы изучить в совершенстве свое дело, помещаются в казенных мастерских; благородный муж учится, чтобы достигнуть высшего понимания своих принципов».

Цзы-ся сказал: «Ничтожный человек непременно прикрывает свои ошибки».

Цзы-ся сказал: «Благородный муж является в трех видах: когда посмотришь на него издали, он внушителен, приблизишься к нему, он ласков, слушаешь его речи, он строг».

Цзы-ся сказал: «Если великие обязанности не нарушаются, то в малых возможны отступления».

Цзы-ся сказал: «Если от службы остается досуг, то употребляй его на учение, а если от учения остается досуг, то употребляй его на службу».

Шусунь Ушу, обратившись к вельможам при дворе, сказал: «Цзыгун даровитее и умнее Конфуция». Цзыфу Цзинбо сообщил об этом Цзыгуну, который сказал: «Возьмем для примера дворцовую сте-

ну, моя стена доходит до плеч и через нее можно видеть, что есть хорошего в комнатах. Стена же Учителя в несколько саженей, и если не отыскать надлежащих ворот и не войти в них, то не увидишь красот храмов предков и богатства чинов империи; но отыскавших эти ворота, кажется, немного. Не потому ли твой начальник так говорит?»

Чэн Цзы-цинъ, обратившись к Цзы-гуну, сказал: «Ты только из почтения говоришь так. Возможно ли, чтобы Чжун-ни был достойнее тебя?» Цзы-гун сказал: «Благородного мужа за одно слово считают умным и за одно слово считают невежей; поэтому в словах нельзя не быть осторожным. Учитель недосыгаем, подобно Небу, на которое нельзя подняться по ступенькам. Если бы Учитель получил в управление княжество, то на нем оправдалось бы следующее изречение: «Кого он поставил бы на ноги, тот стоял бы; кого он повел бы, тот последовал бы за ним; кого приласкал бы, тот покорился бы ему; кого поощрил бы, те жили бы в согласии и мире; при жизни он был бы славен; его смерть была бы оплакиваема. Каким же образом возможно сравняться с ним?»

ГЛАВА XX

Цзы-чжан спросил у Конфуция: «Каким бы образом можно было вести дела правления?» Учитель ответил: «Следовать пяти прекрасным качествам и изгонять четыре скверных — этим путем можно вести дела правления». — «Что такое пять прекрасных качеств?» — спросил Цзы-чжан. Учитель ответил: «Когда правитель благодетельствует не расходуясь, налагает работу, не вызывая ропота, желает без алчности, доволен, но не горд, внушителен, но не свиреп». Цзы-чжан сказал: «Что значит благодетельствовать не расходуясь?» Учитель ответил: «Когда он будет доставлять пользу народу, исходя из того, что для него полезно, — разве это не будет благодеянием без затрат? Когда он будет выбирать пригодную работу и заставлять их трудиться над ней, то кто же будет роптать? Когда он будет желать человечности и приобретет ее, то где же тут место для алчности? Когда для него не будет ни сильных, ни слабых по численности, ни малых, ни великих дел и он будет относиться с одинаковым уважением ко всем и ко всему, то разве это не будет самодовольство без гордости? Когда он оправит свое платье и шапку, его взор будет проникнут достоинством, и при взгляде на его внушительный вид люди будут чувствовать уважение — разве это не будет величием без свирепости?»

Цзы-чжан сказал: «Что такое четыре дурных качества?» — «Казнить людей, не наставив их, — это бесчеловечие; требовать немедленного исполнения чего-либо, не предупредив заранее, — это торопливость; медлить распоряжениями и требовать срочного исполнения их — это пагуба; давая людям что-нибудь, при самой выдаче проявлять скарედность — это будет чиновничество (т.е. мелочность, свойственная чиновнику, но не правителю)».

Учитель сказал: «Кто не признает судьбы, тот не может сделаться благородным мужем. (Не фаталист не может сделаться благородным мужем). Кто не признает церемоний, тому неоткуда приобрести прочные устои. Кто не знает силы слова, тому неоткуда будет узнать людей».

СЕМЕЙНЫЕ ПРЕДАНИЯ О КОНФУЦИИ

РАЗЪЯСНЕНИЯ РЕЧЕЙ О МУДРЫХ ЦАРЯХ

Когда Конфуций пребывал в праздности, его ученик Цзэн Шэнь прислуживал ему. Конфуций изрек: «О Шэнь! От нынешних правителей слышишь речи, которые могут понравиться разве что низшим чинам. Немного среди них таких, которые произносят речи, достойные мудрого царя. Увы! Если бы только я мог говорить с ними как истинный царь, то, не покидая своих домашних покоев, я смог бы изменить своими словами весь мир!»

Цзэн-цзы встал, сошел с сиденья и ответил: «Осмелюсь спросить о том, что такое речи, достойные мудрого царя?»

Конфуций хранил безмолвие.

— Прислуживая вам, Учитель, когда вы пребываете в праздности, трудно самому дать правильный ответ, — сказал Цзэн-цзы. — Посему я смею обратиться к вам с вопросом.

Конфуций по-прежнему хранил безмолвие, и Цзэн-цзы затрепетал от страха. Он поднял полы платья и почтительно отступил назад.

Спустя некоторое время Конфуций вздохнул и, повернувшись к Цзэн-цзы, сказал ему:

— Шэнь, могу ли я говорить с тобой о Пути мудрых царей?

— Не смею считать свои познания достаточными для этого, но почтительно прошу дать мне наставления, полагаясь на то, что известно мне.

— Сядь, и я поведаю тебе, — сказал Конфуций. — Истинный Путь — это то, благодаря чему проявляется духовная сила (дэ) вещей. Духовная сила — это то, благодаря чему ценится Путь. Посему, если бы не было духовной силы, то Путь не ценился бы в мире. Если бы не было Пути, то духовная сила не проявилась бы в мире. Даже если ты обладаешь лучшим скакуном в царстве, не умея правильно седлать и погонять его, ты не сможешь добраться до места своего назначения. Даже если ты владеешь обширными про-

странствами и многочисленными подданными, не умея управлять ими в соответствии с правильным Путем, ты не сможешь обрести царскую власть. Вот почему в древние времена мудрые цари внутри совершенствовались в «семи учениях», а вовне осуществляли «три достижения».

Путь мудрых царей был таков, что, когда они защищали свое государство, они отгоняли врагов на тысячи ли. Когда же они выступали в поход, то вели своих воинов так, словно ступали по спальной циновке. Оттого и говорится: «Когда правитель внутри совершенствуется в «семи учениях», он вовек будет покоен. Когда правитель осуществляет вовне «три достижения», его богатства не будут растрочены попусту».

— Тот, кто всегда покоен внутри и не растрчивает попусту богатства вовне, достоин зваться мудрым царем, — сказал Цзэн-цзы. — Могу ли я узнать, что это значит?

— В древности Шунь не покидал своего сиденья, а в мире всюду был порядок, — сказал Конфуций. — О чем тогда беспокоиться государю? Если в мире нет порядка, то вина лежит на государе. Если указы не выполняются, то вина лежит на подданных. А что до богатств царства, то древние цари брали себе только десятую часть урожая и отрывали людей на работы только три дня в году. Люди могли уходить в леса и на озера сообразно временам года, и за то никакой подати не взималось. На заставах и рынках не брали пошлин. Так как же могли растрчиваться попусту богатства народа?

— Осмелюсь спросить, что такое «семь учений»? — спросил Цзэн-цзы.

— Если верхи почтительны к старшим, то низы будут усердны в исполнении сыновней почтительности. Если верхи будут уважительны к своим господам, то низы будут усердны в преданности царю. Если верхи будут находить удовольствие в том, чтобы быть щедрыми, то низы будут добрее. Если верхи будут поощрять достойных, низы будут осмотрительны в выборе друзей. Если верхи будут любить духовную силу, низы не сгинут в неизвестности. Если верхи будут стыдиться жадности, низы не будут водить тяжб. Если верхи будут скромны и вежливы, низы будут знать чувство меры. Вот что такое «семь учений». Эти «семь учений» — основа управления людьми. Вообще же говоря, верхи должны служить образцом для низов. Если образец правилен, то кто в мире осмелится вести себя неправильно?

Пусть правитель прежде водворит в душе своей человечность, и тогда его чиновники будут преданны, воины — усердны в службе, люди — искренни, обычаи — безыскусны, люди — честны, а женщины — целомудренны.

— Сей Путь поистине совершенен! — воскликнул Цзэн-цзы. — Я, Ваш ученик, еще не способен понять его.

— Шэнь, неужто ты думаешь, что он исчерпывается этим? — сказал Конфуций. — В нем есть и многое другое. Мудрые цари древности, управляя государством, непременно дробили его, чтобы ввести уделы, и делили его, чтобы навести в нем порядок. Только тогда никто из достойных мужей не оставался в неизвестности, а нечестные люди нигде не могли спрятаться. Чиновники надзирали за народом каждый день и вникали в нужды людей во все времена года. Они приближали к себе достойных и отдаляли от себя недостойных. Они сострадали вдовам и вдовцам, вскармливали сирот и поддерживали бедных и нуждающихся. Верхы заботились о низах так же, как руки и ноги привержены к груди и сердцу. А низы любили верхи, как дитя любит мать. Когда же верхи и низы так привержены друг другу, то не останется невыполненным ни одно приказание. Все чтит духовную силу царя: ближние склонялись перед ним, дальние наперебой устремлялись к его двору. Таковы высочайшие свершения царской власти.

Вот почему говорится: «Тот, в ком много искренности и мало притворства, сможет сделать так, что обычаи его будут блюсти, слова его будут повторять, по следам его будут идти. В честности своей он незыблем, как смена времен года; в силе духа он могуч, как миллион людей; он подобен тому, кто дает есть другому, когда голоден сам, и дает пить, когда сам страдает от жажды. И люди уверены в нем, как они уверены в присутствии холода или жары. Если они считают дальнее близким себе, то так происходит не потому, что Путь близок, а потому, что духовная сила царя явлена воочию. А потому он не берется за оружие, но перед ним все трепещут; он не раздает богатства, а все любят его. Вот что означает: «когда мудрые цари защищали свое царство, они отгоняли врагов на тысячи ли».

— Осмелюсь спросить, что такое «три достижения»? — спросил Цзэн-цзы.

— Высший ритуал состоит в том, что без соблюдения правил вежливости мир управляется безупречно. Высшая награда состоит в том, что без раздачи подарков чиновники довольны. Высшая музыка состоит в том, что без слышимых звуков между людьми в целом мире царит согласие. Осуществляя эти три достижения, мудрые цари могли быть среди властителей мира, могли заставить чиновников служить себе, могли использовать на службе простой люд.

— Осмелюсь спросить, к чему относятся «три достижения»? — спросил Цзэн-цзы.

— Мудрые цари древности имели доскональное знание о названиях чиновничьих должностей, а зная эти имена, они знали и сущность вещей. Только после этого они жаловали подданным ти-

тулы, дабы народ чтил их. Вот что значит: «высший ритуал состоит в том, что без соблюдения правил вежливости мир управляется безупречно». Они пользовались правилами жалования наград для того, чтобы обогатить своих подданных. Вот что значит: «высшая награда состоит в том, что без раздачи подарков чиновники довольны». И тогда слава их гремела повсюду в мире. Вот что значит: «высшая музыка состоит в том, что без слышимых звуков между людьми царит согласие». Вот почему говорят: «Самый человечный человек в Поднебесном мире способен объединить самых близких людей в мире. Самый просвещенный человек в Поднебесной способен возвысить самых достойных мужей в мире. Самый мудрый человек в мире способен пользоваться услугами самых дружных людей». Только если эти «три достижения» осуществлены, можно выступать походом на врага.

В человечности нет ничего более великого, чем любовь к людям. В мудрости нет ничего более великого, чем понимание достойных. В управлении нет ничего более великого, чем использование на службе способных. Если государь сумел осуществить эти три завета в управлении, во всем мире не останется человека, который посмеет ослушаться его приказаний.

В Любить людей и понимать достойных — кто из нас откажет себе в подобных доблестях? Между тем еще совсем недавно мы лицеизрели полный зал народных избранников, осивистывающих, захопывающих академика А.Д.Сахарова, говорившего то, что станет очевидным и неоспоримым спустя лишь небольшой отрезок времени. Невыразимый стыд заставил выключить телевизор, но отключиться от жизни не столь просто. Если быть до конца честным, то к возмущению поведением депутатов примешивалось тогда чувство раздражения и досады на бесхитростность и прямолинейность академика. Ну, умнейший же человек, прекрасно понимающий, кто сидит перед ним. Неужели нельзя быть педагогичнее, работать постепенно, так сказать, в зоне ближайшего развития аудитории?

Перед лицом последовавшей вскоре грозной череды событий эти псевдопедагогические резоны смотрятся мелко и убого. Нет, не столь простая эта вещь — понимание достойных! Может быть, стоило бы добавить: своевременное понимание, ибо достоинство, помимо всего прочего, начисто исключает способность хитрить, приспосабливаться, хотя бы и в самых благодородных воспитательно-педагогических целях. И вот уже другой достойный человек, отягощенный любовью к людям, высказывает «несвоевременные» мысли, путаясь под ногами у очередных конфликтующих сторон, пытаясь остановить кровопролитие. Но как повелось от века, толпа вновь кричит: «Распни его, распни!»

Правление мудрых царей было подобно дождю, выпадавшему ко времени: когда он проливался с небес, все люди радовались. И чем обширнее были их владения, тем больше людей радовались их правлению. Вот почему сказано: «Они вели свои войска, словно ступали по спальной циновке».

ПОВЕДЕНИЕ УЧЕНОГО

Когда Конфуций вернулся в Лу, правитель царства Ай-гун лично вышел встречать его, выказывая свое благоволение. Государь поднялся на крыльцо как хозяин, а Конфуций поднялся как гость и встал подле него.

— Ваше платье, Учитель, — это платье ученого, верно? — сказал Ай-гун.

— Я слышал, что познания благородного мужа обширны, но платье его соответствует обычаям страны, в которой он живет. Я никогда не слышал, что он должен носить платье ученого, — ответил Конфуций.

— Могу ли я узнать от Вас, как должен вести себя ученый человек? — спросил Ай-гун.

— Если мне будет дозволено сказать о сем предмете кратко, я не смогу исчерпывающим образом сделать это. А если мне будет дозволено рассказать об этом пространно, то одной встречи будет недостаточно, — ответил Конфуций.

Правитель велел принести сиденья, Конфуций уселся рядом с ним и сказал:

— Ученый человек — это тот, кто сведущ в мудрости древних царей и ждет предложения занять пост при дворе. С утра до вечера он погружен в ученые занятия и ждет, что ему зададут вопрос. Он пестует преданность и честность и ждет, что его повысят в должности. Он действует решительно и потому ждет, что на него обратят внимание. Таковы свойства ученого человека.

Ученый носит простое платье и шапку, и его поступки осмотрительны. Занимаясь большими делами, он как будто безмятежен. Занимаясь малыми делами, он как будто воодушевлен. В больших делах он кажется испуганным, в маленьких делах он кажется осторожным. Он с трудом выходит в мир и с легкостью уходит от мира. Выглядит он скромным и униженным, словно у него нет талантов. Таковы его внешние свойства.

Ученый человек мягок в обращении; он вежливо встает и уважительно садится. Его слова всегда искренни и внушают доверие, его поступки всегда правильны и безупречны. В дороге он не ищет для себя более удобного и безопасного пути, зимой и летом не

старается уберечься от холода или жары. Он не торопится умирать, ожидая для себя достойной смерти. Он совершенствует себя, ожидая подходящего момента для действия. Таковы свойства его ума.

Ученый человек не считает ценными золото и яшму, но ценит преданность и правдивость. Он не стремится завладеть землями, но считает своими владениями человечность и долг. Он считает своим богатством не накопленные сокровища, а достижения учености. Его трудно привлечь на службу, но легко наградить. Его легко наградить, но трудно удержать на службе. Он не показывается миру, если время неблагоприятно: разве нетрудно привлечь его на службу? Если государь поступает несправедливо, он не приближается к нему: разве нетрудно удержать его на службе? Он думает прежде о работе, а потом о награде: разве нелегко его наградить? Таковы свойства его чувств.

Ученый человек таков, что, даже если ему подносят дорогие дары, он не оказывает милостей и, даже живя в роскоши, не поддается чувственности. Пусть все люди вокруг будут противодействовать ему — он не уступит. Пусть ему пригрозят оружием — он не испугается. Перед лицом выгоды он не забудет о справедливости. Перед лицом смерти он не отступится от своих убеждений. Оглядываясь на прошлое, он ни о чем не сожалеет, глядя в будущее, он ни о чем не тревожится. Он не повторяет ошибочных суждений, не интересуется клеветническими слухами. Он никогда не изменяет своему торжественному виду. Он никогда не готовит заговора своих советов. Таково его положение в мире.

Ученый таков, что с ним можно быть близким, но не фамильярным. Его можно убить, но нельзя унижить. Дома он держится скромно и питается простой пищей. О его ошибках и упущениях ему можно говорить намеками, но не напрямую. Таковы его смелость и решимость.

Ученый таков, что делает преданность и доверие своими латами и шлемом. Он делает ритуалы и справедливость своим щитом и копьем. Он ходит, неся в себе человечность, и покоится, храня в себе духовную силу. Даже если его будут принуждать к тому, он не откажется от своих взглядов. Такова его уверенность в себе.

Ученый таков, что удовлетворится клочком земли в один му и крошечной хижинкой с оконцами величиной с кувшинное горлышко. Даже живя в такой бедности, он без колебания примет предложение государя служить. Но если государь не обращает на него внимания, он не станет прибегать к лести. Таково его отношение к службе.

Ученый таков, что, живя с современниками, он стремится жить сообразно заветам древних. Если он встретит удачу и сможет превратить Путь, последующие поколения смогут взять его за образец.

Если он не встречает отклика в мире, если его не приближают верхи и не выдвигают низы, если клеветники и лстецы строят козни против него, его жизни может угрожать опасность, но от своих намерений он не откажется. Таковы свойства его целомудрия и воли.

Ученый таков, что он расширяет свои познания, не прерываясь ни на мгновение, и претворяет свою волю, не ведая усталости. Он может жить в безвестности, но никогда не предастся порокам. Он может служить сильным мира сего, но не поступится честью. Осуществляя ритуал, он поддерживает гармонию, но в мягкости и уступчивости знает меру. Стремясь уподобиться достойным мужам, он добр к простым людям. Таковы широта его взглядов и его доброта.

Ученый таков, что, выдвигая на службу у себя в округе, не сочтет зазорным рекомендовать родственника, а выдвигая людей со стороны, не побойтся рекомендовать недруга, ибо он руководствуется только способностями людей. Он выдвигает достойных и талантливых, не ожидая награды от них. Он желает только, чтобы государь осуществил свои намерения, а народ возлюбил его духовную силу. Если он может быть полезным государству и семье, он не добивается богатства и славы. Таков ученый в деле выдвижения на службу достойных и способных.

Ученый таков, что он хранит свое имя незапятнанным и очищает себя в духовной силе. Он говорит правителю то, что должен сказать, и склоняет голову. Тихим словом он поправляет государя даже без его ведома. Безмолвием воздействует он на государя и не предпринимает поспешных действий. Он не старается возвысить себя, встав на край пропасти, или возвеличить себя успехами в совершении малых дел. Если в мире царит порядок, он не относится к своим обязанностям легкомысленно. Если в мире воцаряется беспорядок, он не считает это помехой его планам. Он не ищет поддержки людей потому, что они поддерживают его, и не осуждает других потому, что они не согласны с ним. Таковы его свойства в претворении его одинокого пути.

Ученый таков, что, если он не служит Сыну Неба вверху или правителю удела внизу, он почтительно безмолвствует и проявляет терпимость. Он тщательно взвешивает свои мнения, а с другими держится смело и решительно. Он поверяет свои поступки изучением всех наук и достигает утонченности в поведении. Даже если государь поделит с ним свое царство, он будет считать свои владения сущим пустяком. Он не удовлетворится даже должностью царского советника. Таково его отношение к государевой службе.

Ученые таковы, что исповедуют одинаковые принципы в осуществлении своих планов и путь свой созидают по единым правилам. Когда они равны по своим талантам, они радуются этому и

с легкостью подчиняются друг другу. Будучи надолго разлученными, они не верят наветам на своих друзей. Если правитель разделяет их убеждения, они стоят на виду, а если нет — скрываются. Таково их отношение друг к другу.

Мягкость и доброта — основа человечности, а осторожность и почтительность — пространство человечности. Радужие и щедрость — действие человечности, а уступчивость и смирение — сила человечности. Ритуалы и правила — внешняя сторона человечности, а слова и рассуждения — украшение человечности. Пение и музыка — гармония человечности, а разделение и рассеивание — применение человечности. Ученый обладает всеми этими свойствами, но не дерзает говорить, что он человек. Таковы его смирение и почтительность.

Ученый таков, что он не печалится в бедности и не гордится тем, что обладает славой и богатством. Правители мира не могут его стеснить, старшие в мире не могут его обременить, начальники по службе не могут его опечалить. Вот почему его зовут ученым человеком. Нынче же люди зовут друг друга учеными без всякого на то основания, злоупотребляя этим высоким званием.

Когда Ай-гун услышал эти слова, его речи стали искренними, а поведение почтительным, и он сказал: «До конца своих дней я не посмею больше смеяться над учеными людьми!»

РАЗНЫЕ ФРАГМЕНТЫ

Когда Конфуций был в царстве Чу, некий рыбак предложил ему купить рыбу. Поскольку Конфуций не принял рыбу, рыбак сказал: «День жаркий, а до рынка далеко, поэтому продать рыбу мне не удастся. И вот я подумал, уважаемый, что лучше предложить рыбу Вам, чем выбросить ее в мусорную яму». Тут Учитель поклонился дважды в знак благодарности и принял рыбу, а потом велел ученикам подмести землю, намереваясь принести рыбу в жертву духам.

Один ученик сказал: «Этот человек хотел рыбу выбросить, а Вы собираетесь принести ее в жертву. Как же такое возможно?»

«Я слышал, — ответил Конфуций, — что тот, кто, не желая сгубить еду, хочет выразить свое почтение, предлагая ее другому, является другом человечности. Может ли кто, получив дар от человеческого мужа, не принести его в жертву духам?»

* * *

Когда ученик Конфуция Цзы-лу стал правителем области Пу, он починил каналы и дамбы, чтобы защитить местных жителей от на-

воднений. Поскольку простым людям жилось нелегко, он стал выдавать каждому по корзинке с едой и кувшину рисового отвара. Услышав об этом, Конфуций послал к Цзы-лу человека с требованием прекратить раздачу еды. Недовольный Цзы-лу приехал к Конфуцию и сказал: «Поскольку в области шли сильные дожди и возникла угроза наводнения, я велел людям починить каналы и дамбы. Однако же многие люди живут в голоде и нищете, поэтому я велел раздать им по корзинке с едой и кувшину рисового отвара. А то, что Вы, Учитель, запрещаете мне делать это, означает, что Вы не позволяете мне быть человечным. Вы учите нас человечности, а сами не позволяете нам претворить ее. Я этого не понимаю!»

Конфуций сказал: «Если ты считаешь, что люди голодают, то почему не доложишь об этом правителю, чтобы он открыл амбары и закрома и накормил народ? Вместо этого ты самолично раздаешь им собственную еду. Это означает, что ты показываешь отсутствие милосердия у правителя и демонстрируешь собственную доброту. Если ты прекратишь раздачу еды, ты еще сможешь уцелеть, а если не сделаешь этого, тебя ждет неминуемое наказание!»

* * *

Конфуций сказал своему другу Боюю: «Я слышал, что только человек, который учился, может целый день быть в обществе людей, не надоедая им. Если наружность человека не заслуживает внимания, если его манеры не внушают почтения, если его предки не заслуживают почитания, если его семья не заслуживает известности и тем не менее слава его объемлет весь мир и передается его потомкам, то как можно достичь этого без учения?

Следовательно, благородный муж не может не учиться, а внешность его не может не быть внушительной. Если его внешность не будет внушительной, она не будет вызывать симпатии, а без симпатии не будет преданности; без преданности же погибнут ритуалы, а без ритуалов у человека не будет опоры в жизни. Ученость можно уподобить стоячему пруду: в него вливаются великие дожди, в нем растут водоросли и ряска. Люди могут видеть его поверхность, но кто узнает, где его исток?»

* * *

Когда Конфуций возвращался из царства Вэй в Лу, он придержал коней у моста через реку и стал любоваться красивым видом: перед ним был водопад высотой в тридцать саженей, а вода вокруг бурлила на расстоянии в девяносто ли. Там не могли плавать рыбы и черепахи, не могли жить крокодилы, но какой-то человек как раз

собрался переплыть реку. Конфуций послал к нему человека, велел сказать ему:

«Водопад достигает в высоту тридцати саженей, вода вокруг бурлит на девяносто ли, там не могут плавать рыбы и черепахи, не могут жить крокодилы. Переправиться в этом месте через реку будет трудно!»

Человек не обратил на эти слова никакого внимания, переплыл через реку и вышел из воды.

— Сколь совершенно твое искусство! — сказал пловцу Конфуций. — Обладаешь ли ты каким-нибудь особым искусством входить в воду и выходить из нее?

— Я вхожу в воду посредством преданности и доверия, а выходя из воды, по-прежнему блюду преданность и доверие. С преданностью и доверием погружаюсь я в поток и не позволяю себе действовать самочинно — вот почему я могу переплыть через реку!

Конфуций повернулся к ученикам и сказал:

— Запомните же, дети мои. Действуя преданностью, доверием и искренностью, вы можете сделать покорной себе даже воду. Что же говорить о людях?!

* * *

Конфуций сказал: «Благородный муж в своей жизни должен оеспокоиться о трех вещах: если он не будет учиться в юности, он окажется ни к чему не способным в зрелом возрасте; если он никого не учит в старости, никто не будет вспоминать о нем после смерти; если он не будет помогать другим, никто не придет к нему на помощь, когда он будет нуждаться сам. Поэтому благородный муж в молодом возрасте думает о тех временах, когда он станет взрослым, и оттого прилежно учится; в старости он думает о том времени, когда его не будет, и оттого усердно учит других; обладая богатством, он думает о том времени, когда он будет нуждаться, и оттого щедро подает другим».

В Парадоксально, но эти самоочевидные истины сегодня *нуждаются в самой изощренной педагогической инструментке для того, чтобы хотя бы быть услышанным. Для сомневающихся в этом педагогическом феномене предлагаю освежить в эмоциональной памяти образ хотя бы одного из знакомых «новых русских» со всеми домочадцами. Невыстраданный успех, внезапный стремительный рост благосостояния, открывшиеся почти неограниченные возможности — все это, естественно, кружит голову, но для человека зрелого, серьезно занятого делом, не представляет большой опасности. Другое дело — дети. Психологический надлом, происходящий в элитных пансионах у детей*

российских бизнесменов, еще ждет своего исследователя. Богатые тоже заплачут, когда «внезапно» осознают, что золотая клетка в условиях отсутствия сердечного общения, на которое наш специфический бизнес не оставляет времени, формирует лишь интеллектуального хищника. Кто придет к нему на помощь в старости?

Нет, я отнюдь не против частных и закрытых пансионов. История России знала блистательные учреждения этого типа. Достаточно вспомнить Царскосельский лицей и Смольный институт благородных девиц. Любопытно и симптоматично другое: российское дворянство и интеллигенция, помещая своих детей в подобные учреждения, сознательно обрекали их на более чем спартанское существование. Из воспоминаний смолянок мы знаем, что в зимнее время температура в дотуарах, где размещалось до 20 воспитанниц, не превышала 15°. Девушки спали под солдатскими одеялами. Вместе с ними обязательно спала их наставница. На сей счет существует любопытный английский анекдот. В благопристойной английской семье ребенок не говорил до 7 лет. Приглашенные к нему специалисты-дефектологи, логопеды, психологи не смогли ничем помочь. Первая фраза ребенка прозвучала за обедом: «У вас суп недосолен». Изумленные родители спросили мальчика: «Почему ты молчал до сих пор?». Ответом было: «А раньше все было в порядке!» В этом анекдоте заключена большая педагогическая мудрость, которую англичане реализуют в самых элитарных и закрытых колледжах.

Я сам был свидетелем того, как в одной из знаменитых частных английских школ в октябре при температуре 10° воспитанники, одетые лишь в майки и шорты, два часа занимались живописью на улице. Их обеденный рацион привел бы в ужас любого российского родителя, даже самого среднего достатка: 60 г мяса, зеленый горошек, стакан чая. Так воспитывается английская элита из самых богатых семей, ибо только так у будущих лидеров страны (через голод и холод) рождаются динамизм, активность, воля к жизни, успешной карьере. В наших же зарождающихся пансионах порой считается количество икры и видеоманитонов на душу детского населения. И мало кто пока задумывается, будет ли к чему стремиться ребенку, который пресыщен уже с младых ногтей.

* * *

Конфуций созерцал речной поток, устремлявшийся к востоку. Цзы-гун спросил: «Почему благородный муж всегда погружается в созерцание водного потока, когда видит его?»

— Потому, — ответил Конфуций, — что вода никогда не покоится, омывает все живое на земле и не действует насильственно. В

этом она подобна духовной силе. Вода всегда течет сверху вниз по путям, проложенным для нее, — в этом она подобна естеству вещей. Вода растекается необозримой гладью, и ей не бывает предела — в этом она подобна Пути. Вода наполняет пропасти глубиной в тысячи сажений и не ведает робости — в этом она являет образец храбрости. Вливаясь в емкости, вода всегда выравнивает их — в этом она являет образец закона. Наполняя емкости, вода не нуждается в уровне — в этом она являет образец праведности. Мягкая и текучая, она проникает даже в мельчайшие вещи — в этом она являет образец предельности. Извергаясь из своего истока, она всегда течет на восток — в этом она являет образец целеустремленности. Втекая и вытекая из всех вещей, вода очищает все сущее — в этом она являет образец благой силы превращения. Таковы свойства воды. Вот почему благородный муж всегда созерцает воду, когда видит ее перед собой.

* * *

Конфуций сказал: «Есть нечто, чего я стыжусь, что презираю и чего страшусь: в юности не учиться прилежно и, дожив до старости, не быть способным учить других — вот чего я стыжусь; покинуть отчий дом, успешно служить государю, а потом, встретив старого друга, отвернуться от него — это я презираю; жить в окружении низких людей и быть не способным завязать дружбу с благородным мужем — вот чего я страшусь!»

* * *

Цзы-лу пришел к Конфуцию, и Конфуций спросил его:

— Что такое мудрость и что такое человечность?

— Тот, кто мудр, может сделать так, что все будут знать его. Тот, кто человечен, может сделать так, что все будут любить его, — ответил Цзы-лу.

— Тебя можно назвать служилым человеком, — сказал Конфуций.

Цзы-лу вышел, и в комнату вошел Цзы-гун. Конфуций задал ему тот же вопрос, и Цзы-гун ответил:

— Тот, кто мудр, знает других. Тот, кто человечен, любит других.

— Тебя можно назвать служилым человеком, — сказал Конфуций.

Цзы-гун вышел, и в комнату вошел Янь Хой. Конфуций задал ему тот же вопрос, и Янь Хой ответил:

— Тот, кто мудр, знает себя. Тот, кто человечен, любит себя.

— Тебя можно назвать служилым человеком и к тому же благородным мужем! — воскликнул Конфуций.

Конфуций сказал Цзы-лу: «Благородный муж делает свое сердце водителем глаз и ушей. Он считает доблестью поддержание справедливостью. У низкого человека глаза и уши ведут за собой сердце. Он считает доблестью своеволие. Потому и говорят о благородном муже: «Когда его отстраняют, он не обижается. Когда его ставят впереди, он позволяет всем следовать за собой».

AB *Техника сердец — одна из наиболее сложных составляющих педагогической доктрины Конфуция. В который раз, читая Учителя, наталкиваешься на внешнюю простоту, граничащую с банальностью. Казалось бы, сердечность в отношении к другим людям — естественное мерило достоинства и благородства человека. Однако достоинство в предлагаемых жизнью драматических обстоятельствах предполагает чуткий нравственный слух, зоркость и проницательность, дабы не ошибиться в отличии правого дела от сомнительного. Иначе как же поддержать справедливость? Почему же Учитель намеренно резко противопоставляет сердце глазам и ушам — анализу получаемой информации? Изогранный всеми возможными искусствами разум человека конца XX столетия легко выстраивает грустную цепочку: сердечность — доверчивость — простодушие — наивность — неуспешность (жестче — глупость). Почему-то принято считать, что одна из глубинных экзистенциальных проблем — когда ум с сердцем не в ладу — имеет отношение лишь к человеку нового времени: от Гамлета до героев Ф.М.Достоевского. В древности якобы сознание человека не было замутнено этими «проклятыми» вопросами. «Простенькие» размышления Конфуция на сей счет опровергают эту расхожую точку зрения, но не снимают вечной проблемы: в какой степени можно позволить себе жить чувствами и доверять сердцу? Удивительно, но люди, пережившие трагические перипетии жизни, считают, что этот компас не подводит даже в самых экстремальных обстоятельствах. А.И.Солженицын вспоминает, что когда в тюремную камеру входил провокатор, он мгновенно высвечивался внутренним сердечным зрением. Ни разу чутье не подвело узника. Сердце давало сигнал об опасности. Но даже в менее драматических обстоятельствах нам часто приходится действовать в условиях недостатка информации и тогда, когда глаза и уши мало чем могут помочь, на эмоциональном, сердечном уровне срабатывает интуиция. Но если до сих пор речь шла все-таки о вынужденном «вводительстве» умного сердца, то Конфуций говорит о благородном муже, который делает это осознанно, ибо на какие бы компромиссы ни толкала нас жизнь, какими бы самовнушениями мы ни усыпляли себя, совершая неблагоприятные поступки, «когтистый зверь,*

скребущий душу, — совесть» все равно подает сигналы, свидетельствующие о внутреннем дискомфорте, — едва ли не главным источнике невротизма и агрессии. Таким образом, совесть, по Конфуцию, первооснова любого анализа и последующих действий. Своеволие же низкого человека есть не что иное, как аморализм.

* * *

Конфуций сказал: «У благородного мужа есть три печали: когда он не слышал о чем-то, он печалится о том, что не сможет услышать нечто поучительное; когда он услышал о чем-то, он печалится о том, что не сможет извлечь из этого урок; когда же он научился чему-то, он печалится о том, что не сможет это осуществить.

У благородного мужа есть пять причин стыдиться: обладать духовной силой, но не уметь передать ее в словах — этого благородный муж стыдится; уметь передать духовную силу в словах, но не уметь выразить ее в поступках — этого благородный муж стыдится; обрести что-то доброе и потом это потерять — такого благородный муж стыдится; когда земля родит в изобилии, а люди живут впроголодь — такого благородный муж стыдится; то, что другие с меньшим числом людей добиваются большего, чем он, — такого благородный муж стыдится».

* * *

Конфуций сказал Цзы-лу: «Если благородный муж взрастил в себе могучий дух, его не достигнет смерть. Если низкий человек взрастил в себе силу, ему не избежать казни».

* * *

Конфуций сказал: «Тщательные разбирательства вредят справедливости. Мелочные речи вредят Пути. Олени считаются благородными животными потому, что, когда находят пищу, они созидают друг друга криком. А называть их просто зверями — совершенно непозволительно».

* * *

Конфуций сказал: «Хорошее лекарство горько на вкус, но помогает излечиться от болезни. Искренние речи неприятны на слух, но помогают исправить поведение. Если правитель не враждует с подданными, отец не враждует с детьми, старшие братья не враждуют с младшими, ничего дурного не случится. Поэтому говорится: «Если

правитель теряет — подданный найдет. Если отец теряет — сын найдет. Если старший брат теряет — младший найдет».

* * *

Конфуций сказал: «Ритуал, не имеющий формы, — это почтительность. Траур, не имеющий траурной одежды, — это скорбь. Музыка, не выражающаяся в звуках, — это радость. Когда мы не говорим, а нам верят, не двигаемся, а нас чтут, не раздаем богатств, а нас любят, — это действие нашей воли. Если ударить в колокол в ярости, звук его будет воинственным. Если ударить в колокол в печали, звук его будет скорбным. Звучание колокола следует нашей воле. Искренность устремлений наших способна растрогать даже металл и камень. Тем более способна она тронуть сердца людей!»

«Ритуал, не имеющий формы, — это почтительность»

«Траур, не имеющий траурной одежды, — это скорбь»

«Музыка, не выражающаяся в звуках, — это радость»

«Когда мы не говорим, а нам верят, не двигаемся, а нас чтут, не раздаем богатств, а нас любят, — это действие нашей воли»

«СЕРЕДИНА И ПОСТОЯНСТВО»

I

То, что дано Небом, называется *природой*.

Согласное с природой называется *Путем*.

Упорядочение Пути называется *учением*.

Никто не вправе отойти от Пути; то, от чего можно отойти, не есть Путь.

Поэтому мудрец прежде всего заботится об усовершенствовании своей нравственности.

Нет тайны, которая для мудреца осталась бы навсегда тайной, нет предмета (мельчайшего), который бы остался ему неизвестным.

Поэтому мудрец осторожно принимает то, чего он не видал, боится того, чего не слышал.

Еще не обнаружившиеся чувства радости, гнева, печали и наслаждения называются «серединой». Но если, по обнаружении их, они оказываются согласными с принципом «середины», то это называется *гармонией*.

Середина — это великий принцип для всего мира; гармония — это великий Путь вселенной.

Благодаря гармонии «середины» мир находится на своем месте и все живое растет.

II

Конфуций учит, что мудрец всегда соблюдает «середину» и постоянство, а простые смертные делают противное «середине» и постоянству.

Мудрец, держащийся принципа «середины» и постоянства, совершает только нравственное или доброе, а простые смертные, не держащиеся этого принципа, совершают все без разбора.

III

Середина и постоянство, учит Конфуций, возвышенны; поэтому они недоступны для простого человека.

IV

Я очень хорошо знаю, говорит Конфуций, почему Путь не осуществляется людьми. Потому что мудрые идут дальше Пути, а простые смертные не достигают его.

Я также знаю, почему неясен Путь. Потому что мудрые, ища полной ясности, не находят ничего; а простые смертные, не зная, где он, не встречают его. Путь похож на пищу: никто из людей не может жить без нее, но не все умеют правильно разбирать вкус ее*.

«О, как трудно, — восклицает Конфуций, — осуществить Путь!»**

V

Шунь был великий мудрец, говорит Конфуций, ибо он любил обращаться к людям с разными вопросами и слушать беседу мудрых. Он всегда старался подавлять зло и превозносить добро; он также избегал всякой крайности, чтобы все делалось по принципу «середины».

* Комментируя эту главу, Чжу Си пишет, что «для людей необходим Путь, но никто этого не признает. Это и есть причина того, что ныне существует много недоразумений (ложных учений)».

** «Потому что, — прибавляет Чжу Си, — никто не знает истинного Пути».

VI

Миром, государствами и домами, учит Конфуций, можно управлять спокойно; можно отказаться от почестей и богатств, даваемых в виде награды; можно топтать ногами острие... но постоянно соблюдать «середину и постоянство» никто не в состоянии.

VII

«Удаляться в уединение и совершать чудеса и дела, выдающиеся из ряда вон, чтобы предание об этом передавалось много веков, — говорит Конфуций, — я не стану».

Когда умный осуществляет Путь, то не доводит до конца, а оставляет его на середине. Но я не могу бросить его, не доведя до конца.

Когда мудрец держится принципа середины и постоянства, то он скрывает это от взоров людей и не будет жалеть, что он никому не известен. Так поступают только святые.

VIII

Путь мудрецов велик и таинствен.

Даже необразованные люди — мужчины и женщины — знают его, а вместе с тем совершенство Пути недоступно даже и для святых.

Даже необразованные люди — мужчины и женщины — могут совершать дела, согласные с Путем, но вполне осуществить его даже святые не в состоянии.

Хотя мир велик, но даже им люди не удовлетворяются.

Когда мудрец говорит о великом и возвышенном, то мир не в состоянии принять слов его. Когда он говорит о малом, то мир не в силах обессилить слов его.

Итак, Путь мудрецов начинается уже в поступках людей необразованных — мужчин и женщин — но совершенство его непостижимо: Путь обнимает всю вселенную.

IX

Путь стоит близко к людям, учит Конфуций; поэтому далекое от них не есть Путь.

По своей душе мудрец будет судить о чужой. Он не сделает своим ближним того, чего себе не желает.

В Пути мудрых заключаются следующие четыре пункта, из которых даже один исполнить в целости невозможно:

1) то, что делается родителями для детей, не есть заслуга родителей в отношении к детям;

2) то, что делается господином для слуги, не есть заслуга господина в отношении к слугам;

3) то, что делается старшими для младших, не есть заслуга старших в отношении к младшим;

4) наконец, то, что делается для друзей, не есть заслуга для того, кто это делает.

Как ни старайся, но очень трудно постоянно творить только доброе.

Сколько ни сделаешь добра, всегда останется пожелать еще большего.

Мудрец не только говорит, но не забывает и творить дела: он всегда старается сам исполнить то, чему он учит людей.

X

Всегда сообразуясь со своим положением, мудрец не желает внешнего величия.

Когда он имеет богатство и положение в обществе, то он будет жить как богатый и имеющий положение.

Когда он находится в бедности, то он и будет жить как бедный.

Когда он находится среди варваров, он будет действовать так, как нужно в таком положении.

Когда он находится в несчастьи, то будет действовать так, как нужно в беде.

Для мудреца нет ничего, чего он не мог бы достигнуть.

Когда мудрец находится на высоте своей славы, он не притесняет никого.

Когда мудрец находится в низком положении, он не оскорбляет властей.

Хотя он строг к себе, но от других он ничего не требует.

Он бывает доволен своим положением; поэтому он никогда не жалуется на Небо и не обвиняет других за свою участь.

XI

Путь мудрецов напоминает путешествие в дальнюю страну и восхождение на высоту: идущие в дальнюю страну начинают свою ходьбу с первого шага; восходящие на высоту начинают с подножия горы.

XII

Конфуций говорит: «Как глубоко уважал Шунь своих родителей! Он был свят по своему нравственному достоинству: он был сын Неба по своей почести; богатство его обнимало всю землю; во всех святилищах доселе ему приносятся жертвы; все люди уважают его».

Это ясно показывает, что человек великой добродетели непременно дождется почестей, славного имени и долголетия дней.

Когда Небо создает вещь, то оно дает ей известное назначение и средства осуществить его.

Сажавший дерево заботится о росте его.

Тот, кто заметит, что он держит предмет неправильно, будет стараться поправить положение его.

Мудрец получает свое назначение от Неба, которое поможет ему осуществить его назначение.

Итак, человек великой добродетели непременно удостоится похвалы Неба.

ХІІІ

Однажды Ай-гун спросил у Конфуция: «В чем заключается разумная политика?»

«Просветительная ли, — ответил Конфуций, — или военная? Как та, так и другая политика заключается главным образом в разумном распоряжении государственными делами, поэтому когда умный человек заведует делами страны, то политика его достигает желаемого, но когда он умрет, то вместе с тем не станет и его политики».

Путь* человека — успешно управлять страной; Путь земли — быстро производить растения.

Удача или неудача политики зависит от государственных людей; выбор мудрых людей для управления делами страны стоит в зависимости от нравственности царя. Царь будет нравственным, когда он достигнет Пути, достижение же Пути находится в тесной связи с достижением человеколюбия.

Человек любви — нравственный муж. Почитать родителей — доброе дело; воздавать людям должное — великое дело. Справедливость — это великая добродетель.

* Здесь слово «Путь» употреблено в смысле *назначения*.

Мудрец заботится прежде всего о собственном нравственном усовершенствовании. Заботящийся о своем нравственном усовершенствовании должен служить своим родителям; желающий служить родителям должен знать людей; желающий знать людей должен знать Небо.

Путь осуществляется в пяти отношениях между людьми и в трех добродетелях.

Эти пять отношений таковы:

1) отношения между господином и слугой; 2) отношения между родителями и детьми; 3) отношения между супругами; 4) отношения между старшими и младшими и, наконец, 5) отношения между друзьями.

В этих пяти отношениях осуществляется Путь.

Три добродетели таковы:

1) мудрость; 2) человеколюбие и, наконец, 3) храбрость.

В этих трех добродетелях осуществляется великая мораль.

Не следует забывать, что достижение Пути и приобретение добродетелей одинаково важно.

Одни люди имеют эти знания от природы, другие — после долгого изучения и, наконец, третьи — благодаря усидчивым трудам, но знание у всех них одно и то же.

Одни легко совершают добрые дела, другие — с помощью разных приспособлений и, наконец, третьи — посредством многих трудов, но совершение добрых дел у тех и у других одно и то же.

Любящий учение, говорит Конфуций, стоит близко к достижению мудрости; старающийся творить добро — к достижению вечности, знающий, что такое стыд, — к достижению храбрости.

Искренность — это небесный Путь. Осуществляющий искренность есть человек Пути.

Не имеющий Пути найдет его; не думающий о нем совершит его дело.

Тот, кто не спеша совершает Путь, — святой муж, который твердо стоит в добре.

Нам необходимо изучить Путь и глубже исследовать его. Также необходимо выяснить учение о Пути и раскрыть сущность его, чтобы народ мог осуществить его на деле.

Точно так же необходимо изучить то, чего мы не знаем. Хотя для этого нужно много трудов, но это неизбежно.

То, что еще не обследовано, следует обследовать. Если необходимо для этого обращаться к знающим с вопросами, то не следует стесняться этого, ибо в этом нет никакого стыда.

То, что не ясно, следует выяснить. То, что трудно творить, следует делать с великой настойчивостью.

То, что один человек может сделать, сто человек сделают лучше; то, что сто человек могут совершить, тысяча человек совершат лучше.

Достигший Пути, хотя бы он и не был умен, — тверд в своих действиях. Он слаб телом, но силен духом.

XIV

Подобное кругу (бесконечное) есть правда; она способна облекаться формой. Когда она облечена формой, тогда она и обнаруживается.

Обнаружившаяся правда очевидна для всех. Очевидное движет; движущее — изменяет; изменяющее — преобразует.

XV

Искренность — сама по себе искренность; Путь — сам по себе Путь.

Искренность — начало и конец всего существующего. Если бы не было искренности, то не было бы ничего. Поэтому мудрецы смотрят на искренность, как на сокровище.

Искренность не только существует сама по себе, но и создала все вещи. Она существует сама по себе оттого, что она — любовь; она сотворила вещи потому, что она — мудрость, естественная добродетель и Путь, объединяющий внешнее с внутренним.

Хотя люди оставляют искренность без внимания, она никогда не потеряет своего значения.

XVI

Сколь велик Путь святых! Он создал все вещи и помышляет о них; Небо полно его величием.

«Безнравственный человек, — говорится поэтому, — не может исполнять Путь».

Мудрец изучает у других нравственность и науку, постигает их тонкости и развивает величие своей души.

Он бывает прозорлив, поэтому без труда достигает середины.

Исследуя прошедшее, он узнает будущее; он глубоко уважает других, поэтому и сам бывает всеми уважаем.

Когда он достигает высоты своей славы, то держит себя скромно; когда он находится в низком положении, то не отказывает власти в признании.

Если в стране ослабеет Путь, то слова святого возобновят Его; если в стране нет Пути, то святой докажет всем, что Путь существует, и они примут Его без сопротивления.

Если царь не докажет своей доброты нравственными делами, то народ не будет питать к нему доверия; а кто не пользуется доверием народа, тому люди не повинуются.

Хотя царь будет и добр, но если он не уважает мудрых, то народ не будет ему верить. Кто не заслуживает доверия народа, того люди не будут слушать.

Дела мудрецов — Путь для всего мира; поведение их — закон для всего света; слова их — постановления для всей земли. Стоящие далеко от них будут смотреть на них; стоящие близко к ним будут любить их.

XVII

Если царь свят, прозорлив и разумен, то он будет управлять страной мирно и спокойно. Если он смирен и снисходителен к слабостям народа, то он будет иметь внешнее величие. Если он силен и великодушен, то он будет победителем над врагами. Если он велик и соблюдает середину, то он будет уважаем всеми. Если он образован и находчив, то он будет правильно отличать добро от зла.

Начало большого озера — незначительный источник.

Если царь будет величав, как небо и море, то народ будет уважать его, будет слушать его и будет сочувствовать делам его. Имя славного царя будет восхваляемо во всей стране и дойдет до стран варваров. Всюду, куда только достигают корабли и караваны, молва людская в состоянии пронести весть о таком царе, и везде будет упрочена его слава. Везде, где есть то небо и та земля, между которыми мы живем, где светят солнце и луна, где падают роса и иней и где живут имеющие кровь, — повсюду будут его уважать.

Это и называется достижением равенства с Небом.

XVIII

Искренность — принцип всего мира; поэтому она устанавливает миропорядок и совершает отправление всех вещей.

Она ни на что не опирается.

Искренность подобна человечности: беспредельна глубина ее! Велика ее сущность!

Кто не прозорлив, не свят и не добродетелен, тот не может постигнуть искренности.

XIX

Путь мудрецов неясен, но он все более и более выясняется (для тех, кто им владеет); Путь обыкновенных людей ясен для каждого, но все более и более затемняется в общем сознании.

Путь мудрецов прост, но приятен; несложен, но изящен; он скром, но нравственен. Он будто бы далек от нас, но на самом деле близок. Мы можем знать его, но постигнуть его не можем, как нам невозможно постигнуть, откуда и куда дует ветер.

Все мельчайшее обнаружится; все скрывающееся рано или поздно выйдет наружу.

Три раза в день мудрец мысленно составляет отчет о том, что он делал. Совесть его не знает муки, ибо он не делает зла. Мудрец не сделает ничего такого, что было бы поразительно для людей.

Мудрец величав, когда делает что-нибудь; в делах его проявляется нелицемерная правдивость.

Хотя он не награждается никем, но народ повинуетя ему; хотя он никогда не станет гневаться, но народ боится его больше, нежели военной силы.

Когда царствует смиренный мудрец, то на всей земле будет мир.

В «Шицзине» сказано:

Деяния небес не имеют ни звука, ни запаха.

Вот оно: наивысшее!

ЗАПИСКИ ОБ УЧЕНИИ

Издавать мудрые законы и выдвигать на службу достойных мужей достаточно для того, чтобы прославить себя, но недостаточно, чтобы повести людей за собой. Приблизить мудрых и проявить заботу о дальних достаточно для того, чтобы повести за собой людей, но недостаточно, чтобы исправить нравы. Если благородный муж желает исправить нравы людей, он должен сначала просветить их. Яшма, пока она не отполирована, еще не является сосудом, а человек, пока он не завершил обучения, еще не обладает мудростью. Посему древние правители, созидая государство и воспитывая народ, ставили просвещение на первое место. В «Толковании Судеб»^{*} сказано: «Думай о том, чтобы сначала и до конца пребывать в учении». Вот многомудрые слова!

На свете есть изысканные яства, но, не вкусив их, не познаешь подлинный вкус. Путь есть высшая истина, но, не посвятив жизнь учению, не познаешь его величия. Вот почему, не начав учиться, не узнаешь о собственном несовершенстве и, только начав учиться, узнаешь, что такое трудности. Познав свое несовершенство, можно себя воспитать. Изведав трудности в жизни, можно себя закалить. Оттого и говорят, что учитель и ученик растут вместе. В «Толковании Судеб» сказано: «Обучение — это наполовину учение». Вот многомудрые слова!..

ВВ *«Учитель и ученики растут вместе» — эта вечная педагогическая истина на рубеже нового столетия в России приобретает особый смысл. Растерянность, смятение, ощущение покачнувшейся почвы — этот малоприятный букет ощущений переживает большинство наших сограждан, но учительство наиболее остро. Давайте задумаемся, что чувствовал педагог, призванный убедить школьников в том, что нынешнее поколение советских людей будет*

^{*} «Толкование Судеб» — одна из глав конфуцианского канона «Книга Преданий» («Шуцзин»).

жить при коммунизме? «Ученый, сверстник Галилея, был Галилея не глупей. Он знал, что вертится Земля, но у него была семья». Да, часть учительства еще недавно жила в разлагающей душу раздвоенности. В результате — цинизм учеников, их общественная апатия, двойная жизнь.

Да, не так много среди учителей было диссидентов. Дело в том, что неумолимый педагогический закон властно диктует: хочешь, чтобы тебе поверили, уверуй сам! Наиболее последовательные учителя так и поступали, многократно и добросовестно проделывая над собой отнюдь не безвредную в нравственном смысле операцию по самовнушению, в чем добились определенных успехов. Смею думать, что у остальных сограждан не было такой жесткой профессиональной необходимости ежедневно насилывать свою душу. Они могли позволить себе ограничиться ритуальными формами поведения по известным правилам игры. Вот почему большинство честных педагогов достаточно трагично пережило смену вех.

Но жизнь постепенно залечивала раны, и плач по утерянным идеалам сменило ответственное стремление учительства в краткие сроки восполнить пробелы собственного образования. Невиданный информационный взрыв истекшего десятилетия, когда внезапно и учителям и детям стала доступна любая литература от дореволюционной до зарубежной, поставил педагога в сложнейшее положение, но вместе с тем вынудил расти вместе с учеником. Иного было не дано. В целом это благотворно сказалось прежде всего на взаимоотношениях с юношеством. Поубавилось учительской спеси, безапелляционности, авторитаризма, а фигура сомневающегося педагога, отказавшегося исповедовать окончательные истины, во всех отношениях стала более привлекательной для учеников. Новые партнерские отношения ученик—учитель сегодня позволяют реализовать еще одну конфуцианскую идею: «обучение — это наполовину учение, ибо только совместный поиск истины с заведомо прогнозируемым результатом дает радость сотворчества». Это хорошо понимал учитель Кун.

Нынче учителя лишь читают нараспев дощечки с письменами, множат их толкования, но не задумываются над смыслом преподаваемого ими. Поэтому ученики не проявляют рвения в науках, а учителя не раскрывают их талантов. Ученики остаются невежественными и ненавидят учителя, страдают от трудностей учения и не видят в нем пользы. Даже если они закончат свое обучение, они еще больше отдалятся от знания.

Принципы обучения таковы: пресекать то, что еще вскрылось, — это называется *упреждением*. Использовать подходящий момент — это называется *своевременностью*. Не перескакивать с одного на

другое — это называется *последовательностью*. Проверять друг друга, умножая добро, — это называется *товариществом*. Таковы четыре правила, благодаря которым процветает образование.

Если пресекать дурное после того, как оно проявилось, то оно укоренится еще больше и его будет невозможно преодолеть. Если учиться, когда время упущено, успехов не добьешься. Если учиться беспорядочно и не соблюдая последовательности, в знаниях будет сумбур и совершенствование станет невозможным. Если учиться в одиночестве, не сверяя свои успехи с успехами товарищей, то кругозор будет ограничен, а познания скудны. Если не быть учтивым с товарищами по учебе, можно пойти наперекор учителю. А если предаться распушенности, можно погубить свои способности. Таковы шесть причин упадка учения. Только зная причины расцвета и упадка просвещения, благородный муж может быть наставником.

Когда благородный муж учит и воспитывает, он ведет, но не тянет за собой, побуждает, но не заставляет, указывает путь, но позволяет ученику идти самому. Поскольку он ведет, а не тянет, он пребывает в согласии с учеником. Поскольку он побуждает, а не заставляет, учеба дается ученику легко. Поскольку он лишь открывает путь, он предоставляет ученику возможность размышлять. Согласие между учителем и учеником, легкость учения и возможность для ученика думать самому и составляют то, что зовется *умелым наставничеством*.

Ученикам бывают свойственны четыре недостатка. В науках люди либо желают многого, либо довольствуются малым, либо учатся несерьезно, либо останавливаются на полпути. Просвещение — это развитие достоинств и избавление от недостатков.

Искусный певец может научить других своей манере пения. Искусный учитель способен передать другим свои помыслы. Если речь сжата и доходчива, глубока и содержательна, скупа на примеры, но понятна, то можно сказать, что она передает помыслы.

Самое трудное в учении — научиться чтить учителя. Но, лишь чтя наставника, сможешь перенять его правду. И лишь перенимая правду, народ способен почитать науки. Поэтому, согласно ритуалу, даже призванный к государю учитель не совершает ему поклона — так высоко древние чтили учителя.

Способный ученик, хотя бы наставник и уделял ему меньше внимания, добьется вдвое большего прочих и свои успехи поставит в заслугу учителю. Неспособный же ученик, как бы ни старался наставник, постигнет лишь половину истины и поставит это в вину учителю. Умеющий спрашивать словно обтесывает крепкое дерево: сначала выбирает, где полегче, а потом принимается и за сучки. И пусть потребуется много времени — он все поймет из бесед с учителем. С теми же, кто спрашивают бестолково, все обстоит наоборот.

Умеющий отвечать на вопросы подобен колоколу: коснутся его тихо — прозвучит едва слышно, ударят сильнее — зазвучит громче и умолкнет лишь тогда, когда его перестанут спрашивать. С неумеющим же отвечать все обстоит наоборот.

Заученных знаний недостаточно для того, чтобы самому учить людей. Непременнно надо прислушиваться к тому, что спрашивают ученики. Только если ученик не умеет сам задать вопрос, следует говорить самому. А если ученик не понял сказанного, можно устроить отдых. Ведь сын хорошего кузнеца должен сначала постоять за мехами, сын хорошего мастера-лучника — потрудиться над колчанами. А если лошадь, которую приучают к упряжке, упирается, пусть побегает сначала за повозкой. Из этих трех принципов благородный муж может черпать свою волю к учению.

Ученые мужи древности размышляли, сопоставляя вещи и явления. Они видели, что барабан — это не то же, что пять музыкальных нот, но без него эти ноты не придут в согласие; вода — это не то же, что пять цветов, но без нее пять цветов не составят узора; учеба — это не то же, что пять министров, но без нее нельзя ими повелевать; учитель — это не то же, что пять церемониальных одеяний, но без него нельзя понять, что у них общего между собой. Благородные мужи говорили: «Великая добродетель — не прислуживание. Великая Истина — не вещь. Великую верность не связывают клятвой. Великое время приходит по-разному». Поняв эти четыре истины, можно устремиться к истокам наук.

ИЗ КНИГИ «МЭН-ЦЗЫ»

ГЛАВА I

ЛЯН ХУЭЙ-ВАН

1

Мэн-цзы представился Лянскому князю Хуэйю.

Князь сказал ему: «Вы пришли к нам, несмотря на дальность расстояния, и, вероятно, имеете сказать нам что-нибудь такое, что может принести пользу нашему государству».

Мэн-цзы в ответ сказал: «Князь! Зачем непременно говорить о пользе? Я буду говорить только о человеколюбии и справедливости».

Вы, князь, говорите о том, каким бы образом доставить выгоду своему государству; вельможи скажут: каким бы образом доставить выгоду своему дому; другие чины и народы скажут: каким бы образом доставить пользу себе. В этом случае произойдет между высшими и низшими борьба из-за выгод и государство очутится в опасности. Убийцею своего государя в государстве, имеющем 10 000 колесниц, без сомнения, будет тот, кто имеет 1000 колесниц, и во владении, и в государстве, располагающем 1000 колесниц, убийцею своего владетеля будет тот, кто имеет 100 колесниц. Из 10 000 иметь 1000 и из 1000—100 — ведь это немало. Но если справедливость (долг) будет на заднем плане, а выгоды впереди, то эти господа не будут довольны до тех пор, пока не отнимут всего.

Не бывает того, чтобы гуманный человек покидал своих родителей. Не бывает того, чтобы человек, проникнутый сознанием долга, ставил своего государя на задний план.

Князь, Вам также следует говорить только о гуманности и справедливости. К чему непременно толковать о выгоде?»

Примечание. Гуманное чувство и справедливость коренятся в природе человека, и потому если мы будем следовать законам природы, то хотя бы мы и не искали выгод, но они будут естественным последствием нашего

образа действий. Но если мы будем следовать своим личным желаниям, то, стремясь к личной выгоде, мы не получим ее, а причиним вред себе. Благородный муж также не отказывается от выгод, говорит Чэн Цзы, но только если он поставит их исключительным предметам своих помышлений, то понесет вред.

2

Мэн-цзы представился Лянскому князю Хуэйю; князь (в это время) стоял у озера и, любуясь на лебедей, гусей и оленей, сказал: «Люди достойные, способные и добродетельные также находят в этом удовольствие?»

Мэн-цзы ответил: «Только люди достойные и находят в этом удовольствие, а недостойные, хотя у них и есть все это, не находят в этом удовольствия».

В книге стихотворений сказано: «Произведя измерение, он (Вэн-ван) начал свою чудесную башню; измерив, обдумал план ее; народ принялся за работу, и вскоре она была готова. Измеряя и полагая начало, он внушал народу не торопиться. Но народ, словно дети к отцу, сам приходил на работы. Когда князь был в своем чудесном парке, лани, лоснящиеся от жиру, спокойно лежали на своих местах; белоснежные птицы блестели своей белизной. Когда он был у своего чудного озера, ах! Как оно кишело рыбою, прыгавшею в нем». Вэн-ван народными силами устроил башню (террасу) и озеро, и народ радовался, называя башню «чудесною башнею», а озеро — «чудесным озером»; он радовался, что у князя есть олени, рыбы и черепахи. Древние государи веселились вместе с народом, потому и могли веселиться.

В речи Тана сказано: «Солнце, когда ты закатаешься, чтобы и мы могли погибнуть вместе с тобою?» Народ желал погибнуть вместе с ним. Хотя у него были террасы, озера, птицы и звери, но разве он мог один наслаждаться этим?

3

Лянский князь Хуэй сказал: «В отношении государства я истощаю весь свой ум (душу); если в изгибе Желтой реки (Шень-си) неурожай, то я переселяю тамошний народ на В. от реки (Сань-си) и перевожу хлеб в изгиб реки; в случае голода на В. от реки я поступаю точно так же. В исследовании способов управления в соседних государствах нет человека старательнее меня; а между тем население в соседних государствах не уменьшается, а мой народ не увеличивается в численности. Почему это?»

Мэн-цзы ответил: «Вы, князь, любите войну, и я прошу позволения представить Вам пример из области войны. Гремят бараба-

ны; скрестилось оружие; разбитые, побросав доспехи и таща оружие, бегут; одни останавливаются, сделав 100 шагов, другие — 50 шагов; бежавшие 50 шагов смеются над теми, которые бежали 100 шагов. Что Вы скажете на это?» — «Не имели права смеяться», — сказал князь, — они также бежали, только не на 100 шагов». — «Если Вы, князь, понимаете это, то не будете надеяться, что у Вас было более народу, чем в соседних государствах. Если не будет пропущено время для земледелия, то хлеба нельзя будет поесть. Если не будут ставить частых сетей в стоячей воде, то рыбы и черепах будет невпроед. Если будут вовремя ходить с топором в лес и в горы, то лесного материала будет неистощимый запас. А когда хлеба, рыбы и черепах будет невпроед и лесного материала будет более чем нужно, то это даст народу без ропота кормиться (поддерживать жизнь) и справлять похороны по умершим. Возможность же без ропота кормиться и хоронить умерших — это есть начало гуманного правления (Legge's Royal Government).

Пусть усадьбы в 5 му обсаживаются тузовыми деревьями, и тогда 50-летние люди будут иметь возможность одеваться в шелк; пусть при разведении кур, поросят, собак, свиней не будет пропускаемо должное время, и 70-летние старцы будут иметь возможность питаться мясом; пусть у земледельца не будет отнимаемо благоприятное время и при поле в 100 му семья в несколько человек может не голодать; пусть заботятся о школьном образовании и постоянно внушают долг сыновей почтительности и уважения к старшим, и тогда седовласые старики не будут встречаться по дорогам с ношей на голове и на спине. Но если у Вас 70-летние старцы будут одеваться в шелк и питаться мясом, народ не будет голодать и страдать от холода, то невозможное дело, чтобы Вы не достигли царского достоинства.

Когда собаки и свиньи будут питаться человеческою пищею, а мы не будем сознавать необходимости ограничить это; когда на дороге будут валяться трупы умерших от голода, а мы не будем сознавать необходимости открыть для помощи хлебные магазины, а умрет человек, будем говорить, что не мы виноваты, а год, то чем такой образ действий будет разниться от того, когда кто-нибудь, ткнув человека ножом, убьет его и потом скажет: «Это не я убил его, а нож». Если Вы, князь, не будете сваливать вину на нож, то народ повалит к Вам со всего света (Китая)».

Лянский князь Хуэй сказал: «Я готов охотно слушать Ваши наставления».

Мэн-цзы сказал: «Убить человека палкою или ножом — есть ли в этом разница?». Князь отвечал: «Нет».

«А есть ли разница, если мы убьем человека ножом или посредством жестокого правления?» Князь отвечал: «Нет разницы».

Мэн-цзы сказал: «На княжеской кухне есть жирное мясо, на конюшне тучные кони, а у народа голодный вид, на пустырях валяются трупы умерших от голода — это значит натравливать зверей есть людей».

Примечание. Философ этим хочет сказать, что отягощать народ налогами на содержание животных и для княжеского удовольствия и этим доводить народ до голодной смерти будет то же, что травить людей зверями.

Люди с отвращением смотрят, когда животные поедают друг друга. Но когда лица, являющиеся для народа родителями, оказываются в управлении им несвободными от ведения животных на похищение людей, то где же их родительское отношение к народу?

5

Лянский князь Хуэй сказал: «Вам, старче, известно, что в Китае не было государства сильнее Цзинь, но с тех пор, как оно перешло ко мне, на востоке я потерпел поражение от Ци и мой старший сын умер при этом; на западе я потерял 700 ли земли, отошедшей к Цинь, на юге я потерпел позор от Чу. Я стыжусь этого и желал бы смыть этот позор с умерших. Как бы это осуществить?»

Князь Хуэй пошел войною против Чжаоского князя; последний искал помощи у Циньского князя и, получив ее, разбил князя Хуэя и взял в плен старшего сына Шеня, бывшего при этом главнокомандующим.

Мэн-цзы ответил: «И с территорией в 100 ли можно сделаться князем. Если Вы, князь, дадите гуманное правление Вашему народу, смягчите наказания, уменьшите налоги, запашка будет производиться глубже, поля будут очищаться от сорных трав, взрослое население, пользуясь досугом, будет воспитывать в себе почтение к родителям, уважение к старшим, преданность и честность, служа дома родителям и старшим братьям, а вне его — старшим и высшим, то тогда можно будет послать народ с палками, чтобы сокрушить крепкие доспехи и острое оружие Циньцев и Чусцев».

Примечание. Смягчение наказания и уменьшение пошлин, говорит знаменитый китайский мудрец Чжу-си, — это два основных принципа гуманного правления.

Враждебные Вам князья отнимают у своего народа время, лишая его возможности заниматься земледелием для пропитания своих

родителей; родителя страдают от холода и голода, братья, жены и дети разбредаются.

Таким образом те правители губят и топят свой народ; и если Вы, князь, отправитесь против них войною, то кто же окажет Вам сопротивление? Поэтому-то и говорится, что «у гуманного человека нет противников». Князь, прошу не сомневаться в этом».

6

Мэн-цзы явился к Лянскому князю Сяну.

Выйдя от князя, Мэн-цзы в разговоре с людьми сказал: «Посмотрел я на него издали, он не походит на государя; приблизившись к нему, не заметил в нем ничего внушительного. Вдруг он спросил меня: «Каким образом восстановить спокойствие в Китае?» Я отвечал: «Восстановление спокойствия заключается в объединении».

«Кто может объединить его?» — спросил князь.

Я отвечал: «Объединить его может тот, кто не любит убивать людей».

Князь продолжал: «Кто присоединится к нему?»

Я отвечал: «Весь Китай присоединится к нему. Князь, Вы знаете хлебные всходы? Когда в 7-й и 8-й лунах бывает засуха, то они засыхают, а когда на небе густо соберутся тучи и обильно польет дождь, то всходы поднимаются. Кто может остановить их в этом? В настоящее время между правителями Китая нет таких, которые не любили бы убивать людей. Но если бы отыскался человек, не любящий убивать людей, то весь народ обратился бы к нему в нетерпеливом ожидании. Истинно так. Народ устремился бы к нему, как вода устремляется вниз. Кто был бы в состоянии остановить его?»

7

Циньский князь Сюань спросил: «Какие достоинства нужны, чтобы можно было быть царем?» Мэн-цзы отвечал: «Царствовать, любя народ и охраняя его. Такому царю не в состоянии никто противиться».

«А я, например, — сказал князь, — могу любить и охранять народ?» — «Можете», — отвечал Мэн-цзы. «Откуда Вы знаете, что я могу?» Мэн-цзы сказал: «Я слышал от Ху-хе следующий рассказ. Вы, князь, сидели в зале; в это время перед залом проходил человек, ведя на поводу быка. Увидав его, Вы спросили: «Куда идешь с быком?» — «Хочу его кровию помазать колокол». — «Оставь его, — сказали Вы, — я не выношу его трепета, как будто это был невин-

ный человек, идущий на смерть». Человек отвечал: «В таком случае оставить мазание колокола кровью?» — «Как можно оставить, — сказали Вы. — Замени бараном». Не знаю, был ли действительно такой случай?»

Князь сказал: «Был».

Тогда Мэн-цзы сказал: «Такого чувства (сострадания) достаточно, чтобы быть царем. Народ думал, что Вам жаль было быка; я же уверен, что Вам невыносим был страдальческий вид его».

Князь сказал: «Вы правы. Действительно, в этом было что-то такое, что вызвало насмешку в народе. Но, хотя Циньское государство и маленькое, неужели я поскупился бы на быка? Действительно, для меня был невыносим его трепет, напоминавший невинного человека, отправляющегося на смерть; поэтому я и заменил его бараном».

Мэн-цзы сказал: «Не удивляйтесь народу, что он счел Вас скредным. Где ему понять, почему Вы заменили большее малым? Если бы Вам больно было, что бык без вины идет на место смерти, то какой же тут выбор между быком и бараном?» Князь, засмеявшись, сказал: «Действительно, какое намерение было у меня в этом случае? Я не из скупости заменил быка бараном. Но народу следовало назвать меня скупым».

«Это неважно (нет вреда), — заметил Мэн-цзы. — Этот факт есть проявление человеколюбия. Вы видели быка, но не видели барана. Отношение благородного человека к животным выражается в том, что, видя их живыми, он не может видеть их мертвыми; слыша их голос (разумеется, когда их убивают), он не может есть их мяса. Поэтому благородный муж держится вдали от кухни».

Князь, обрадовавшись, сказал: «В книге стихотворений сказано: «Намерение других людей я соображаю», — это сказано о Вас, Учитель. Я действительно сделал это (т. е. пожалел корову); но когда обратился и стал спрашивать себя о мотивах, то не мог добиться уяснения своего намерения».

Когда же Вы, Учитель, сказали мне, то в моей душе я почувствовал волнение. Каким же образом это сердечное движение соответствует истинному царскому достоинству?»

Мэн-цзы сказал: «Если бы кто-нибудь сказал Вам, князь: «Моих сил хватит, чтобы поднять 3000 пудов, но их недостаточно для поднятия перышка; или — что я своими глазами в состоянии заметить кончик тончайшего волоска, но не вижу телеги с дровами», — поверили бы Вы ему?» — «Нет», — отвечал князь. Тогда Мэн-цзы сказал: «Теперь ваше милосердие может достигать до животных, но только отчего же действие его не распространяется на народ? Суть дела-то в том, что неподнятие одного волоса произошло оттого,

что не было употреблено усилие, и воз с дровами не был замечен, потому что не было употреблено в дело зрение. И народ не пользуется любовью и защитой, потому что милосердие не прилагается к нему. Поэтому Ваше (или: поэтому Ваше нецарствование...) необладание истинным царским достоинством происходит от неделания, а не от неспособности».

Князь спросил: «Каким образом отличить проявление неделания чего-либо от неспособности сделать?»

Мэн-цзы ответил: «Если Вам предложит взять под мышку гору Тай и перескочить через северное море и Вы ответите: «Я не могу», — это будет, что в самом деле не можете. Но если Вам предложат сломить ветку для старшего и Вы ответите: «Я не могу», — то это в действительности будет значить, что Вы не хотите сделать, а не не можете. Поэтому не проявление Вами царственной власти не относится к категории перескакивания северного моря с горой Тай под мышкой, а действительно к категории случаев ломания ветки».

Почитая своих стариков (родителей и старших братьев), распространяйте это почтение и на чужих; лелея своих птенцов, распространяйте эту любовь и на чужих, и тогда вселенною будет легко управлять. В «Шицзине» сказано: «Он (Вэн-ван) служил примером для своей супруги и для братьев и этим путем устроил родовое владение». Это значит, что он распространял на них свою любовь, и только. Поэтому распространения милосердия достаточно для того, чтобы любить и охранять всех в пределах четырех морей. Без этого нет средства любить и защищать жену и детей. И то, чем древние люди особенно превосходили (современных) людей, заключалось ни в чем другом, как в том, что они умели распространять свою деятельность на других. Теперь Ваше милосердие настолько полно, что достигло даже до животных, но действие его не распространилось только на народ. Как же это?»

«Только после взвешивания мы узнаем вес предмета и после измерения — протяжение его. Если это так по отношению ко всем предметам, то тем более по отношению к сердцу. Князь, прошу вас взвесить это.

Или, может быть, Вы почувствуете в душе удовольствие после того, как поднимете войну, поставите в опасность Ваших воинов и офицеров и возбудите неудовольствие во владетельных князьях?»

«Нет, — отвечал князь. — Какое для меня в этом удовольствие? Я только хочу добиться исполнения моего великого желания».

«А можно ли узнать, в чем состоит Ваше великое желание?» Князь усмехнулся и не отвечал. «Быть может, — продолжал Мэн-цзы, — Вы хотите начать войну ради того, что для Вашего вкуса недостаточно жирных и сладких яств, для тела — легкого и теплого платья,

или для зрения — красивых предметов, для слуха — музыки, или фавориток, чтобы служить Вам. Но все это Ваши чины в состоянии доставить Вам. Князь, неужели все ради этого?» — «Нет, — отвечал князь, — не ради этого». — «А если так, — сказал Мэн-цзы, — Ваше великое желание известно. Вы желаете расширить владение, заставить Цинь и Чу являться на поклон к Вашему двору, управлять всем Китаем и умиротворить всех варваров. Но таким путем добиваться исполнения такого желания — это как бы влезать на дерево для ловли рыбы».

Князь сказал: «Неужели это так худо?» Мэн-цзы ответил: «Почти хуже этого. Взобравшись на дерево за рыбою, хотя и не получишь рыбы, но и не будет вредных последствий. Но если при помощи таких действий (как Ваши) стремиться к осуществлению подобных желаний и напрягать к этому все свои душевные силы, то от этого непременно произойдет бедствие». — «Можно узнать, какое?» — спросил князь. Мэн-цзы отвечал: «В войне Цзоусцев с Чусцами, по Вашему мнению, князь, кто победит?» — «Чусцы победят» — ответил князь. «В таком случае, — сказал Мэн-цзы, — малое владение не может противостоять большему, одинокие, без сомнения, не в состоянии противостоять массе, слабые — сильным. В Китае участков, имеющих по 1000 квадр. ли 9; из них Ци в общей сложности имеет один. Одному идти против 9 — не то же ли, что владению Цзоу идти против царства Чу? Отчего бы Вам не обратиться к основному принципу (т. е. к гуманности)?

Теперь, если Вы, князь, введете гуманное управление, то это приведет к тому, что во всем Китае служащие люди все пожелают стоять в Вашем дворе; земледельцы — все пахать на Ваших полях; купцы — все складывать товары на Ваших рынках; путешественники — все ходить по Вашим дорогам; недовольные на своих князей в Китае все пожелают отправляться к Вам жаловаться. При таком положении кто будет в состоянии противиться Вам?»

Князь сказал: «Я глуп и не в состоянии достигнуть этого. Желая, чтобы Вы помогли осуществлению моих намерений и просветили меня. Хотя я и не отличаюсь понятливостью, но прошу Вас сделать опыт». Тогда Мэн-цзы сказал: «Только ученые могут быть постоянными, не имея постоянного (недвижимого) имущества и занятия. Что же касается простолюдина, то, если у него нет постоянного имущества и занятия, у него нет и постоянства и он делается распушенным, безнравственным, расточительным и способным на всякое дурное дело; а когда он попадает в преступлении, то вслед за этим наказывать его — это будет ловить народ в сети (закона). Каким же образом при гуманном правителе может практиковаться уловление людей в сети закона?»

«Поэтому, — продолжал Мэн-цзы, — умный государь создает для народа собственность (имущество) так, чтобы у него непременно доставало средств как для пропитания родителей, так и для прокормления жены и детей, чтобы в урожайный год они были постоянно сыты, а в злополучный — избегали смерти. Если после этого он будет побуждать народ стремиться к добру, то он легко пойдет по пути добра.

Теперь же народная собственность устроена таким образом, что у народа недостает средств как для пропитания родителей, так и для прокормления жены и детей; в урожайный год он терпит лишения и в неурожайный не избегает гибели. При таких условиях народу приходится заботиться только о спасении от смерти под опасением, что и этого он не успеет сделать. Где же тут заниматься еще церемониями и исполнением долга?

Князь, если Вы желаете осуществить это (обеспечение пропитания народа), то почему бы Вам не обратиться к коренному принципу?

Примечание. В этом параграфе говорится о том, что государь должен искоренять тираническое правление и следовать гуманным принципам. Суть этого заключается ни в чем другом, как в распространении на других своих гуманных чувств, для того чтобы осуществить в полной мере гуманное правление. Чжу-си не отрицает этих чувств и у Циньского князя, но они были у него заглушены жаждою подвигов и выгод.

ГЛАВА II

1

Гун-сунь Чоу спросил: «Если бы Вас назначили Циньским савновником и Вы получили бы возможность проводить Ваши принципы, то хотя бы вследствие этого Циньский владетель стал во главе других князей или сделался суверенным государем, это было бы неувидительно. Пред такой великой задачей смутились бы Вы или нет?» Мэн-цзы отвечал: «Я в 40 лет перестал смущаться».

Гун-сунь Чоу сказал: «В таком случае Вы далеко превосходите Мэн-бэня». — «Это дело нетрудное, — отвечал Мэн-цзы. — Гао-цзы ранее меня перестал волноваться».

Примечание. Мэн-бэнь, по преданию, — известный Чжоуский богатырь, который мог вырывать рога у быков. Гао-цзы — философ, современник Мэн-цзы (см. ниже).

Гун-сунь Чоу спросил: «Есть ли средство для достижения невозмутимости?»

«Есть, — отвечал Мэн-цзы. — Бэй-гун Ю до такой степени воспитан в себе дух мужества, что не уклонялся от удара, не моргал перед ударом; малейшее унижение от других он признавал за публичное наказание; чего не терпел от простолюдина, того не выносил и от владетеля десяти тысяч колесниц, на убийство которого он смотрел так же, как и на убийство простолюдина; не боялся князей и на брань отвечал тем же».

Мэн Ши-шэ о воспитанном в себе духе храбрости отзывался так: «Я смотрел на поражение так же, как на победу. Двигаться вперед, взвесив силы неприятеля и вступать в бой, обсудив шансы победы, — это значит бояться неприятеля. Как же я могу быть уверенным в победе? Я могу только не бояться».

Мэн Ши-шэ подобен Цзэн-цзы, а Бэй-гун Ю похож на Цзы-ся. Я не знаю, кто из них храбрее, но Мэн Ши-шэ держался более существенно».

В прежнее время Цзэн-цзы сказал Цзы-сяню:

— Вы любите мужество? Я слышал от Учителя о великом мужестве следующее: «Если, обратившись к самому себе, я найду, что я не прав, разве я не буду бояться последнего сермяжника? Если, обратившись к самому себе, я найду, что я прав, то я пойду против массы».

«Осмелюсь спросить, — сказал Гун-сунь Чоу, — могу ли я получить объяснение о Вашей невозмутимости духа и о невозмутимости духа Гао-цзы?»

Мэн-цзы отвечал:

— Гао-цзы говорит: «Чего не понимаешь в слове, того не доискивайся в уме; в случае беспокойства в душе не обращай (за помощью) к духу (ци)».

Чтобы в случае беспокойства в душе не обращаться за помощью к духу — это еще возможно; но не доискиваться в уме того, чего не понимаешь в слове, — это недопустимо. Воля есть командир духа, а дух есть то, что наполняет телесную природу. Воля есть главнейшее, а дух второстепенное. Поэтому и сказано: «Поддерживай волю и не насилуй духа».

Гун-сунь Чоу заметил:

— Коль скоро Вы заявляете, что воля есть главное, а дух второстепенное, то почему же Вы еще говорите: «Поддерживай волю и не насилуй духа?»

Мэн-цзы отвечал: «Когда исключительно действует одна воля, тогда она двигает дух, а когда исключительно действует один дух, то он двигает волю. Теперь представим себе человека спотыкающегося или быстро бегущего — это действие духа, а между тем он приводит в движение волю».

«Осмелюсь спросить, — сказал Гун-сунь Чоу, — в чем заключается превосходство Ваше над Гао-цзы?»

Мэн-цзы отвечал: «Я понимаю слово, я умею воспитывать мой необъятный дух».

«Смею спросить, — продолжал Чоу, — что разумеется под беспредельным духом?»

«Трудно определить его, — отвечал Мэн-цзы. — Этот дух чрезвычайно велик и чрезвычайно тверд. Если его воспитывать при помощи прямоты и не портить, то он наполняет все между небом и землею.

Этот дух сочетается со справедливостью и законом и помогает им, без них он слабеет.

Этот дух рождается от постоянного накопления деяний согласных со справедливостью, а не приобретается посредством единичных порывов. Если какой-либо поступок (вследствие его несправедливости) будет неприятен душе, то дух ослабевает. Поэтому я и говорю, что Гао-цзы никогда не понимал справедливости, потому что он считал ее явлением внешним.

Необходимо постоянно заниматься делами справедливости, не рассчитывая на результаты; не забывать этой работы, но не помогать насильственно росту этого духа (ци). Не будем походить на Сун ца, который, горюя, что его хлебные всходы не вытягиваются, вытянул их. Поспешно возвратившись домой, он сказал своим домашним: «Сегодня устал, я помогал хлебным всходам расти!» Сын его побежал посмотреть на это и увидел, что всходы завяли. Мало людей в мире, которые не помогали бы всходам вытягиваться. Те, которые считают их бесполезными и бросают их, не пропалывают своих всходов. Те, которые помогают им вытягиваться, вырывают их. Они не только не приносят пользы, но еще вредят им».

Гун-сунь Чоу снова спросил: «Что значит понимать слова?»

Мэн-цзы ответил: «Если слова односторонни, то я знаю, что ум омрачен; если они разнуданны, то я знаю, что ум отклонен от истины; если они уклончивы, то я знаю, что ум доведен до крайности. Эти четыре недостатка, рождаясь в уме, вредят правлению, а проявляясь в правлении, вредят делам. Если снова явится мудрец, то он без сомнения присоединится к моим словам».

Мэн-цзы сказал: «Все люди обладают чувством сострадания.

Древние государи обладали сострадательным сердцем, так и правление их было сострадательное. Когда при помощи чувства сострадания они осуществляли сострадательное правление, то могли управлять вселенною так же легко, как перевертывать что-нибудь на ладони.

Говорят, что все люди обладают чувством сострадания, это можно видеть из следующего: люди, вдруг увидав, что ребенок готов упасть в колодезь, испытывают чувство испуга и сострадания, и это не потому, что хотят завязать дружбу с его родителями, не потому, что домогаются похвал от своих соседей и друзей и не потому, наконец, что для них неприятна дурная репутация.

Из этого видно, что не имеющий чувства сострадания — не человек; что не имеющий чувства стыда и отвращения ко злу — не человек; что не имеющий чувства самоотречения и уступчивости — не человек; не человек и тот, кто лишен способности одобрять и порицать.

Чувство сострадания есть начало человечности. Чувство стыда и отвращения ко злу есть начало справедливости. Чувство самоотречения и уступчивости есть начало житейских правил. Способность одобрения и порицания есть начало мудрости.

Эти четыре начала у человека то же, что четыре конечности тела. Когда люди, имея эти четыре начала, сами говорят, что они не могут развить их, то они самогубители, а кто говорит, что князь его не может развить их, тот губит своего князя.

Имеющиеся в нас четыре начала мы должны уметь развить и довести до полноты. Они подобны только что воспламеняющемуся огню, только что пробивающемуся роднику. Если мы доведем их до полноты, то их достаточно будет для защиты всей вселенной; если же не доведем их до полноты, то их не хватит для служения родителям».

Мэн-цзы сказал: «Почему делающий стрелы не человечнее выделывающего латы? Первый боится только того, что не поранят человека, а второй боится только того, что поранят его. То же самое следует сказать о волхвах и гробовщиках. Поэтому в выборе ремесла нельзя не быть осторожным».

Конфуций сказал: «Человечность соседей составляет прелесть соседства, и потому как может быть мудрым тот, кто, выбирая место жительства, не поселяется между людьми человеческими? Человечность есть самое почетное достоинство, дарованное Небом, и

есть спокойное убежище человека. Никто нам не препятствует (быть человеческими), и если, несмотря на это, мы нечеловечны, то это значит, что мы немудры.

Нечеловечный и немудрый, а следовательно, человек без правил и без справедливости, есть слуга людей, а быть слугой других и стыдиться служить им — это значит походить на мастера луков, который стыдился бы выделять их, или на мастера стрел, который стыдился бы выделять стрелы.

Если стыдишься быть рабом, так лучше будь человеческим.

Человечный подобен стрелку. Стрелок сначала выпрямляется, а потом уже пускает стрелу; выпустив и не попав в цель, он не ропщет на победившего его, а только старается отыскать причину неудачи в самом себе».

4

Мэн-цзы сказал: «Когда говорили Цзы-лу, что он ошибся, он был рад, Юй, когда слышал от кого добрые речи, кланялся тому.

Великий Шунь шел далее Юя и Цзы-лу. Он считал добро общим достоянием людей; оставлял свои убеждения и следовал убеждениям других и с радостью заимствовал у других то, что считал хорошим.

Начиная с того времени, как он занимался хлебопашеством, гончарным делом, рыболовством, и до того времени, когда сделался императором, Шунь только заимствовал от других.

Учиться у других делать добро — значит помогать другим делать его».

ГЛАВА IV

1

Мэн-цзы, обратившись к Циньскому князю Сюаню, сказал: «Если государь смотрит на своих министров как на руки и ноги, то министры будут смотреть на него как на сердце и желудок; если он смотрит на них как на собак и лошадей, то министры будут смотреть на него как на человека безразличного. Если князь смотрит на своих министров как на землю и траву, то министры будут смотреть на него как на разбойника и врага».

Князь сказал: «По обычным правилам, министр носит траур по своему прежнему государю. Что же требуется для ношения такого траура министрами?»

Мэн-цзы ответил: «Когда увещевания министра действуют, советы его принимаются и (благодаря этому) обильные милости изливаются на народ, то, если министр по какой-либо причине уходит из своей страны, государь посылает людей проводить его за пределы государства. Далее он посылает предварительную рекомендацию туда, куда министр отправляется, забирает его поля и дома только после трехлетнего отсутствия его. Эти три действия называются *тройким выражением внимания*. При этих условиях будет носиться траур по прежнему государю.

В настоящее время, когда министр обращается с увещеваниями, они не исполняются, говорит он, его не слушают; когда по какой-либо причине он оставляет страну, то государь арестует его. Мало того, преследует его в той стране, куда он ушел, и забирает его поля и дома в самый день его ухода. Это значит, что государь его — разбойник и враг. А по разбойнику и врагу какой должен быть траур?»

2

Мэн-цзы сказал: «Когда без вины убивают ученых, вельможа может оставить свое государство. Когда без вины избивают народ, то ученые могут переселяться».

Мэн-цзы сказал: «Если государь человечен, то и все будут человечны, если государь справедлив, то и все будут справедливы».

Мэн-цзы сказал: «Церемоний, не соответствующих в точности требованиям церемоний, и долга, не соответствующего в точности требованиям долга, великий муж не исполняет».

3

Мэн-цзы сказал: «Нравственные воспитывают безнравственных, способные воспитывают неспособных. Поэтому люди радуются иметь талантливых и нравственных отцов и старших братьев; но, если нравственные будут бросать безнравственных, а способные — неспособных, в таком случае между талантливыми и нравственными и между неспособными и безнравственными почти не будет никакой разницы».

Мэн-цзы сказал: «После того как человек определит, чего ему не следует делать, он будет в состоянии делать то, что следует».

Мэн-цзы сказал: «Какие печальные последствия должны нести те, которые говорят о чужих недостатках!»

Мэн-цзы сказал: «Конфуций не делал ничего экстравагантного».

Мэн-цзы сказал: «Великий муж не питает неперменного убеждения в том, что его слово верно и что его действия непременно осуществимы, а в том и в другом случае только обращает внимание на то, где справедливость».

Мэн-цзы сказал: «Великий муж есть тот, кто не теряет своего детского сердца».

Мэн-цзы сказал: «Ухаживание за родителями, когда они живы, не стоит того, чтобы считаться великим делом, и только отдание им посмертного долга может считаться таковым».

Мэн-цзы сказал: «Благородный муж, следуя истинным путем, углубляется в него, желая овладеть им. Овладев им, он спокойно пребывает в нем. Спокойно пребывая в нем, он твердо опирается на него. Твердо опираясь на него, он берет его справа и слева как из неиссякаемого источника. Поэтому-то он и желает овладеть им».

Мэн-цзы сказал: «Обширная эрудиция и тщательное уяснение законов имеет целью, при их посредстве, обратиться к уяснению связующих начал».

Мэн-цзы сказал: «Не было случая, чтобы тот, кто пользуется своими преимуществами для покорения человека, мог покорить его. Вселенную же можно покорить только тогда, когда пользуются своими преимуществами для питания и воспитания народа. Без сердечной покорности вселенной невозможно сделаться ее правителем».

Мэн-цзы сказал: «Всякая ложь зловредна, но действительно зловредна та ложь, которая скрывает от правителей людей достойных по своим нравственным качествам и талантам».

Сюй-цзы сказал:

— Конфуций часто обращался с восхвалением к воде, говоря: «Ах, вода! Ах, вода!» Что он нашел в ней заслуживающего похвалы?

Мэн-цзы отвечал: «Из родника бьет вода, не останавливаясь ни днем, ни ночью. Наполнив все углубления, она устремляется далее и изливается в море. Таково свойство всего имеющего источник начало. Вот что нашёл в ней заслуживающего похвалы.

Но возьмем воду, не имеющую истока. В седьмой и восьмой лунах, когда накопится дождь, она наполняет каналы и арыки, но ее высыхания можно ожидать немедленно. Поэтому благородный муж стыдится незаслуженной славы».

Мэн-цзы сказал: «То, чем люди отличаются от животных, есть самая малость; простой люд бросает ее, между тем как благородные люди сохраняют ее».

ГЛАВА VI

Гао-цзы сказал: «Природа человеческая подобна иве, а справедливость — чашке. Оборудование из человеческой природы человечности и справедливости подобно выделке чашек из ивы».

Мэн-цзы сказал: «Можете ли Вы, не насилуя природы ивы, сделать из нее чашку? Нет, Вы должны изувечить ее, прежде чем обратить ее в чашку. А если Вы должны искалечить иву, чтобы потом обратить ее в чашку, то Вы также должны искалечить человеческую природу, чтобы образовать из нее человечность и справедливость. Ваше учение будет виною того, что все люди станут смотреть на гуманность и справедливость как на бедствие».

Гао-цзы сказал: «Природа человеческая подобна стремительному потоку, который, прорываясь на востоке, течет на восток, прорываясь на западе, течет на запад. Человеческая природа не делает разницы между добром и недобром, подобно тому, как вода в своем течении не делает разницы между востоком и западом».

Мэн-цзы отвечал: «Вода действительно не делает разницы между востоком и западом, но течет ли она безразлично вверх и вниз? Наклонность человеческой природы к добру подобна стремлению

воды вниз. Между людьми нет таких, у которых бы не было стремления к добру, как нет воды, которая не имела бы стремления вниз.

Представьте себе, вот вода. Насильственным образом ее можно заставить подняться выше горла, напором ее можно заставить подняться на гору. Но разве это поднятие будет обусловлено природою воды? Это будет сила, которая довела ее до этого. И человека можно заставить сделать недоброе, обращаясь подобным же образом с его природою».

2

Гао-цзы сказал: «Жизнь — это природа».

Мэн-цзы спросил: «Называете ли Вы жизнь природою, подобно тому, как всякий белый предмет Вы называете белым?»

«Конечно», — отвечал Гао-цзы.

Мэн-цзы продолжал: «Белизна перьев похожа ли на белизну снега, а белизна снега похожа ли на белизну яшмы?»

«Конечно», — отвечал Гао-цзы.

«В таком случае, — продолжал Мэн-цзы, — и природа собаки подобна природе быка, а его природа подобна природе человека».

Гао-цзы сказал: «Наслаждаться едою и любоваться красотою — это и есть природа. Человечность есть явление внутреннее, а не внешнее, а справедливость — явление внешнее, а не внутреннее».

Тогда Мэн-цзы спросил: «Почему человечность Вы называете внутренним явлением, а справедливость внешним?»

Гао-цзы отвечал: «Тот человек старше меня, и я почитаю его, как такового, не потому, что во мне есть чувство почтения к старости; подобно тому, как белого человека я признаю белым, сообразуясь с его белизною вовне. Поэтому я называю справедливость явлением внешним».

Мэн-цзы сказал: «Белизна белой лошади не отличается от белизны белого человека, но я не знаю — неужели нет различия между почтением, оказываемым возрасту старого человека, и почтением к возрасту старой лошади? Кроме того, что называется долгом справедливости — самая ли старость или же почтение, оказываемое ей?»

Гао-цзы сказал: «Моего младшего брата я люблю, а младшего брата чужого человека не люблю. В этом случае чувство любви определяется мною и потому я называю его *внутренним*. Отдавая почтение чужому старцу, я также отдаю почтение и своему. В этом случае чувство почтения определяется старостью и потому я называю его *внешним*».

На это Мэн-цзы отвечал: «Наслаждение мясом, изжаренным чужим человеком, не отличается от наслаждения тем, которое изжарено нами самими. Таким образом, по отношению к таким предметам это верно, а если так, то наслаждение жареным мясом, по Вашему, также явление внешнее?»

3

Мэн Цзи-цзы спросил Гун Ду-цзы:

— На каком основании говорят, что долг справедливости есть внутреннее явление?

Гун Ду отвечал:

— Этим мы осуществляем наше чувство уважения, потому он и считается явлением внутренним.

— Но представьте поселянина, который годом старше Вашего старшего брата, — кому Вы окажете почтение?

— Старшему брату, — был ответ.

— А кому из них, — спросил Мэн Цзи-цзы, — Вы прежде всего нальете вина?

— Поселянину, — отвечал Гун Ду-цзы.

— То чувство Вашего почтения относится к одному, то чувство уважения к старости покоится на другом — в таком случае чувство почтения к возрасту действительно находится вовне, а не исходит изнутри.

Гун Ду-цзы не смог отвечать и передал свой разговор Мэн-цзы, который сказал ему: «Спросите его, кого Вы больше почитаете: дядю или Вашего брата?» Он ответит: «Конечно, дядю». Скажите ему: «А если Ваш младший брат будет изображать Вашего предка, то кому Вы окажете почтение?» Он ответит: «Младшему брату». Тогда и Вы скажите ему, что и поселянину оказывается почтение вследствие его положения как гостя. Обыкновенно мое почтение принадлежит старшему брату, но временное почтение относится к поселянину».

Выслушав это, Мэн Цзи-цзы сказал: «Когда требуется оказывать почтение дяде, то я оказываю его дяде, а когда брату, то — брату; но в действительности оно находится вне меня, а не исходит изнутри».

На это Гун Ду-цзы заметил: «В зимнее время мы пьем теплое питье, а в летнее время — холодную воду; в таком случае, по-Вашему, питье и еда также находятся вне нас».

Гун Ду-цзы сказал: «Гао-цзы говорит, что человеческая природа ни добра, ни недобра.

Другие утверждают, что природа человека может быть и доброй, может быть и недоброй. По этой причине в эпоху князей Вэнь и У народ любил добро, а в царствование князей Ю и Ли он любил жестокость.

Некоторые утверждают, что есть люди с доброй природою и есть с недоброй. Этим объясняется, что при таком государе, как Яо, был такой негодяй, как Сян; у такого отца, как Гу-Соу, был такой сын, как Шунь; у такого племянника, как Чжоу (злодей), бывшего притом государем, были такие люди (дядя), как Вэйский владетель Ци и князь Бигань.

А Вы утверждаете, что природа человека добра. В таком случае все те неправы?»

Мэн-цзы отвечал: «Да, если природа повинуетя естественному чувству, то она может сделаться доброй. Вот что я разумею, говоря, что природа человека добра. И если люди не делаются добрыми, то это не по вине их способностей к добру.

У всех людей есть чувство сострадания, есть чувство стыда и негодования, есть чувство почтения и благоговения, есть чувство правды и неправды. Чувство сострадания — это человечность; чувство стыда и негодования — это справедливость; чувство почтения и благоговения — это правила приличия; чувство правды и неправды — это способность познания. Человечность и справедливость, правила приличия и способность познания — они не извне вливаются в нас, а мы их действительно имеем в себе, но только не думаем о них. Поэтому и сказано: «Если будете искать их, то найдете, а если оставите в стороне, то потеряете их». С утратой их одни удаляются от добра на расстояние вдвое большее, другие — впятеро большее, а некоторые — на бесконечное расстояние и вследствие этого не в состоянии использовать в полной мере свою способность к добру.

То же самое в отношении глаз. Относительно Цзыду не было человека, который не сознавал бы его красоты; не признававший его красоты был бы безглазый.

Из этого следует, что рты людей сходятся в получении тех же самых вкусовых наслаждений; их уши — в наслаждении теми же самыми звуками; их глаза — в признании той же самой красоты. Неужели только их сердца не имеют ничего общего? Что же общего имеют они? Это присущие им законы и долг справедливости. Мудрецы прежде меня уразумели то, что обще нашим сердцам. Поэтому законы природы и долг справедливости так же приятны моему

сердцу, как мясо травоядных и хлебоядных животных приятно моему рту.

Покрытая лесом, гора Нью когда-то была прекрасна, а теперь, когда благодаря тому, что она сделалась предместьем столицы большого государства, деревья порубили топорами и секирами, — можно ли считать ее прекрасною? Но под влиянием постоянного действия животворного воздуха, дождя и росы от деревьев пошли отпрыски, а тут опять выпустили туда коров и овец. Благодаря этому гора имеет обнаженный вид. Люди, видя ее обнаженной, думают, что на ней никогда не было лесу. Это разве природа горы?

Так и с человеком. Хотя бы у него оставалось только то, что составляет человека, — разве возможно допустить, чтобы у него не было чувств человеколюбия и справедливости? То, посредством чего он теряет свое коренное доброе чувство, — это как бы топоры и секиры по отношению к деревьям. Подвергаясь изо дня в день их ударам, разве возможно допустить, чтобы они сохранили свою красоту? Подрастая в течение дня и ночи, при чистом воздухе спокойного утра, это чувство бывает близко к человеку, но в слабой степени, и сковывается, и губится потом недобрыми деяниями; а так как оно сковывается ими повторно, то живительного влияния ночного воздуха бывает уже недостаточно для сохранения этого коренного доброго чувства, а когда для сохранения его оказывается недостаточно живительного ночного воздуха, тогда природа человека недалеко уходит от природы животных. А люди, видя только эту оскотинившуюся природу, думают, что она никогда не обладала этой силой. А разве это человеческое чувство?

Потому нет ни одного предмета, который бы не развивался, если только он будет пользоваться надлежащим уходом, и нет ни одного предмета, который бы не погиб, если не будет пользоваться надлежащим уходом.

Конфуций сказал: «Если держать крепко, то сохранится; если оставить, то погибнет. Для удаления и прихода его нет определенного времени и никто не знает его направления». Не о сердце ли сказано это?»

6

Мэн-цзы сказал: «Не удивляйтесь тому, что князь не умен. Дело в том, что самое легко растущее растение не будет в состоянии расти, если оно один день будет подвергаться действию солнца, а десять дней — действию холода. Я редко представлялся князю, и когда удалялся от него, то являлись охладительщики. Если мне и удалось вызвать в нем зародыши добра, то что в этом пользы?

Теперь хоть игра в шашки. Как искусство это небольшое искусство, а между тем и в нем без полного сосредоточения ума и крайнего напряжения воли не добьешься успеха. Шахматист Цю — искуснейший игрок в шашки во всем государстве. Положим, что он обучает этому искусству двух человек. Один из них отдает игре всю свою душу, напрягает всю свою волю и слушает только Цю, другой же хотя тоже слушается его, но все его помыслы заняты только тем, что вот прилетит лебедь, и он думает, как он привяжет стрелу и застрелит его. Хотя он учится вместе с другим, но не сравняется с ним. Значит ли это, что он неравен ему по уму? Нет».

7

Мэн-цзы сказал: «Я люблю рыбу, но люблю так же и медвежью лапу. Если я не могу иметь и то и другое, то я оставляю рыбу и возьму медвежью лапу. Я люблю жизнь, но люблю так же и справедливость. Если я не могу иметь и то и другое, то я предпочту справедливость.

Я также люблю жизнь, но есть то, что ценю более жизни и потому не сделаю ничего зазорного, чтобы сохранить ее. Я питаю отвращение к смерти, но есть то, что я ненавижу более смерти, и потому не уклоняюсь от опасности.

Но если для человека нет ничего желаннее жизни, то в таком случае почему бы не прибегнуть ко всякому средству, которое может сохранить ее? Если для человека нет ничего ненавистнее смерти, то почему бы не делать всего того, что может избавить от опасности?

Если поступить таким-то способом, то можно бы сохранить жизнь, но есть люди, которые не пользуются им. Если поступить таким-то способом, то можно бы избавиться от опасности, но есть люди, которые не делают этого.

Следовательно, у людей есть что-то, что они любят более жизни, и есть что-то, что они ненавидят более смерти. Это чувство имеют не одни только люди добродетели и таланта, но его имеют все люди; разница только в том, что первые могут не потерять его.

Вот одна корзинка рису и одна чашка супу; получит их человек, будет жив, не получит — умрет, но если им дают с криком, то даже прохожий не примет их; или если подают их, попирая их ногами, то даже нищий не удостоит их внимания.

А между тем я принимаю десять тысяч мер хлеба, не разбирая ни приличия, ни справедливости. Что прибавит мне богатство? Не послужит ли оно для возведения красивых палат, для удовлетворения потребностей жен и наложниц и для снискания благодарности и почтения от бедных и нуждающихся знакомых?

Прежде, для спасения от смерти, подаяние не было принято, а теперь оно принимается для прекрасных палат; прежде оно не принималось для спасения от смерти, а теперь принимается для содержания жен и наложниц; прежде оно не принималось для сохранения жизни, а теперь принимается для того, чтобы меня принимали за благодетеля бедные и нуждающиеся знакомые. Разве от этого нельзя было также отказаться? Это называется *потерять свой стыд*».

8

Мэн-цзы сказал: «Человечность — это сердце человека, а справедливость — это путь человека.

Как жаль, что люди пренебрегают этим путем и не идут по нему: теряют сердце и не умеют отыскать его.

Когда у человека пропадает собака или курица, он знает, как отыскать их, а утратив сердце, он не знает, как отыскать его.

Учение не имеет другого назначения, как только стремиться к отысканию утраченного сердца.

Вот у человека согнут безымянный палец и не разгибается, он не причиняет ему ни боли, ни неудобства. Но если бы нашелся человек, который мог бы разогнуть его, то тот не счел бы далеким путь из Цинь в Чу только ради того, что у него безымянный палец не такой, как у других.

Когда у человека палец не такой, как у людей, так он умеет чувствовать недовольство, а когда у него сердце не такое, как у других, так он не умеет чувствовать его. Это называется *не иметь понятия об относительной степени важности предметов*.

Если кто-либо захочет взрастить дерево в два обхвата, то он сумеет, как выходить его. Что же касается собственной личности, то мы не знаем, каким образом воспитать ее».

9

Мэн-цзы сказал: «Обыкновенные люди могут исправляться только после постоянных ошибок. У них поднимается энергия после того, как они с неимоверными умственными усилиями поймут в душе свои ошибки. Они познают их после того, как они проявятся в лице или голосе человека».

Мэн-цзы сказал: «Когда внутри государства, при государе, нет закономерных, наследственных вельмож и достойных помощников,

а вне нет враждебных владений и внешних напастей, то такое государство обыкновенно гибнет.

Из этого мы познаем, что жизнь происходит от скорбей и напастей, а смерть — от спокойствия и удовольствий».

Мэн-цзы сказал: «Существует много способов обучения. Я, например, отказываю в наставлении человеку недостойному, но этим самым я только наставляю его».

ГЛАВА VII

1

Мэн-цзы сказал: «Кто постиг свою душу в целом ее объеме, тот знает свою природу. Кто знает свою природу, тот знает Небо.

Сохранять свою душу и воспитывать свою природу, — это есть то, чем мы служим Небу.

Когда ни преждевременная смерть, ни долголетие не порождают в человеке колебания относительно его деятельности и он, занимаясь самоусовершенствованием, ожидает своего конца, то этим он поддерживает дарованную ему Небом жизнь».

2

Мэн-цзы сказал: «Все зависит от предопределения, но человек должен покорно принимать только то, что действительно относится к нему.

Поэтому тот, кто понимает предопределение, не будет стоять под стеною, готовой упасть.

Смерть человека при исполнении своего долга есть действительное предопределение.

Смерть же в оковах не есть действительное предопределение».

3

Мэн-цзы сказал: «Когда мы, ища, приобретаем, а бросая, теряем, то в этом случае искание полезно для приобретения, потому что искомый предмет в нас самих.

Когда мы ищем то, что законно, но приобретаем только то, что нам предопределено, то в таком случае искание бесполезно для приобретения, потому что искомое вне нас».

Мэн-цзы сказал: «В нас есть все. Нет большего удовольствия, когда, обращаясь к себе, мы находим, что мы искренни.

Ближайший способ к отысканию человечности заключается в том, что в деятельности быть усердным и снисходительным к другим».

Мэн-цзы сказал: «Много таких людей, которые действуют без ясного понимания, упражняются без тщательного вникания и потому, хотя всю жизнь следуют по истинному Пути, но самого Пути не разумеют».

Мэн-цзы сказал: «Человек не может быть без стыда. Но кто устыдится своего бесстыдства, тот не будет бесстыдным».

Мэн-цзы сказал: «Стыд имеет для человека громадное значение. Для тех, которые искусились в устройстве махинаций и хитрости, нет надобности в стыде.

Если человек не стыдится того, что он не походит на других людей, то как же он может совершить деяния, подобные совершенным ими?»

Древние достойные государи любили добро и забывали власть. Неужели только древние достойные ученые были не таковы? Они находили удовольствие в своем учении и забывали о человеческом могуществе. Вследствие этого древние удельные князья если не выражали к ним крайнего почтения и не соблюдали всех церемоний, то не могли часто видеть их, а если даже видеть их они не могли часто, то тем менее они могли иметь их в качестве министров?

Мэн-цзы сказал: «Ученый, если и беден, не утрачивает справедливости, если славен, не удаляется от истинного Пути.

Благодаря тому что, будучи беден, не утрачивает справедливости, ученый сохраняет свое достоинство. Благодаря тому что, будучи славен, он не удаляется от истинного Пути, народ не теряет веры в него.

Древние люди, когда их намерения осуществлялись, благодетельствовали народу, а когда не осуществлялись, то занимались самосовершенствованием и прославлялись в мире. Если они были бед-

ны, то только усовершенствовали себя, а если были в славе, то усовершенствовали всю вселенную».

8

Мэн-цзы сказал: «Если человек, которому дадут богатства Вэй Ханя, будет смотреть на себя без гордого самодовольства, то значит он далеко превосходит обыкновенных людей».

9

Мэн-цзы сказал: «Если народ употребляем на работы с целью доставления ему спокойствия, то он не будет роптать, хотя бы его изнуляли работой. Если будут казнить народ, имея в виду сохранение его жизни, то он, умирая, не будет роптать на того, кто казнит его.

Народ, находящийся под управлением могущественного тирана, имеет веселый и радостный вид. Народ, стоящий под управлением истинного государя, имеет свободный и довольный вид.

Если добрый государь казнит — не ропщут; доставляет пользу — не ставят ему в заслугу. Народ с каждым днем изменяется к лучшему, не зная того, кто это производит.

Мудрец везде, где появляется, оставляет свое просветительное влияние; все, на чем останавливается его внимание, приобретает чудесную силу и наравне с Небом и землею он повсюду разливает свое претворяющее влияние. Разве это малая польза?»

10

Мэн-цзы сказал: «Доброе слово не так глубоко входит в душу человека, как слава о человеколюбивых занятиях.

Доброе правление не так привлекает народ, как доброе обучение.

Доброго правления народ боится, а доброе обучение он любит. Доброе правление приобретает богатство народа, а доброе обучение приобретает его сердца».

11

Мэн-цзы сказал: «Человеческое умение без обучения — это врожденный талант. Знание чего-либо без размышления — это врожденное знание.

Любить родителей — это выражение человечности; почитать старших — это долг справедливости. Для человека, желающего быть добрым, не нужно ничего другого, как только распространять эти чувства на всех.

Шунь, обитая в глубоких горах, живя с деревьями и камнями и блуждая с оленями и свиньями, мало чем отличался от горного дикаря. Но когда он слышал доброе слово или видел добрый поступок, то уподоблялся (по стремительности к добру) неудержимому течению воды при порыве реки».

12

Мэн-цзы сказал: «Не делай того, что не следует, и не желай того, что не должно, — вот и все».

ГЛАВА VII

ЦЗИНЬ-СИНЬ

1

Мэн-цзы сказал: «Как не человеколюбив был Лянский князь Хуэй! Кто человеколюбив, тот свою любовь к присным распространяет на других. Кто не человеколюбив, тот свою жестокость к другим распространяет на своих присных».

Примечание. Князь этот для удовлетворения своему ненасытному честолюбию в войнах, предпринятых им для расширения своих владений, не только разорил и погубил свой народ, но в одном из сражений потерял своего сына и наследника Шэня.

Гун-сунь Чоу сказал: «Что это значит?»

Мэн-цзы отвечал: «Лянский князь Хуэй из-за земли разорил свой народ. Потерпев большое поражение, он хотел вступить в новое сражение, но, опасаясь, что не в силах будет одержать победы, он послал на войну своего любимого сына и благодаря этому принес его в жертву. Вот что значит свою жестокость к другим распространить на своих присных (на тех, которых любишь)».

Мэн-цзы сказал: «По летописи Чунь-цю, не было справедливых войн. Но были случаи, что одна война была лучше другой».

Идти войною — это когда сюзерен открыто отправляет войско для наказания своего вассала. Равные же государства не могут предпринимать карательных войн друг против друга.

Примечание. Толкователи укоряют Мэн-цзы в том, что он неточно привел текст «Шуцзина», и поэтому выходит, что будто бы гуманнейший (?) У-ван произвел такую резню, тогда как на самом деле, согласно новому тексту «Шуцзина», такая кровавая резня была будто бы произведена Шанскими войсками тирана Чжоу, передние ряды которых обратили оружие против своих родных, и, значит, У-ван был тут ни при чем.

Мэн-цзы сказал: «Есть люди, которые говорят: я искусен в расположении войск, я искусен в ведении сражения. Такие люди великие преступники.

Если государь любит человеколюбие, то у него нет врагов в поднебесной.

Когда Чэн-тан обратился войною на юг, то северные варвары начинали роптать; когда он обратился войною на восток, то западные варвары начинали роптать, говоря: «Зачем он делает нас последними?»

Мэн-цзы сказал: «Столяр и колесник могут передать человеку правила (своего ремесла), но они не могут сделать его искусным мастером».

Мэн-цзы сказал: «Шунь питался поджаренным рисом и овощами так, как будто бы он намерен был делать это всю свою жизнь. Но когда он сделался императором, одевался в узорчатое платье, играл на гуслях и две дочери Яо были к его услугам, то он относился к этому так, как будто бы все это всегда было у него».

Мэн-цзы сказал: «Отныне я знаю тяжелые последствия убийства чьих-либо близких родных. Убьет кто-нибудь чужого отца, тот также убьет и его отца; убьет чужого брата, тот также убьет и его брата. Конечно, он не сам убил (своего родного) — здесь было бы одно посредствующее лицо.

Чувство мести до такой степени освящено в Китае обычаем, что сын не должен жить под одним небом с убийцею отца и брат — в одном государстве с убийцею своего брата. Против этого-то жестокого обычая искусно направляет свою речь Мэн-цзы, как бы говоря, что убийство родного третьим лицом, в сущности, то же, что ты сам убил его. Памятуя это, всякий поймет необходимость почтения к чужим родным, потому что, оказывая почтение им, он этим самым оказывает его своим родным».

Мэн-цзы сказал: «В древности заставы устраивались для защиты от насилия.

А ныне они устраиваются для произведения насилия».

Примечание. Главное назначение застав в Древнем Китае состояло в наблюдении за людьми, одетыми в иностранное платье и говорящими на чужом языке, тогда как теперь главная цель их — взимание пошлин с народа — притеснение его.

6

Если кто сам не поступает по закону, то закон не будет исполняемым его женою и детьми. Если кто отдает человеку приказ незаконный, то он не может ожидать исполнения его даже женою и детьми.

Кто вполне обеспечил себя материальными выгодами, тот и в злополучный год не погибнет. Кто вполне обеспечил себя нравственным богатством (добродетелями), того и испорченный век не смутит.

Мэн-цзы сказал: «Человек, который любит славу, в состоянии отказаться от большого государства, но если он не такой человек, то отказ от одной чашки риса и горшка супа сказывается в его лице».

7

Мэн-цзы сказал: «Если в государстве нет доверия к людям гуманным и достойным, то оно запустевает.

Если в нем нет правил приличия и долга справедливости, то порядок отношения между высшими и низшими спутывается.

А если не будет истинного (гуманного) управления делами, то средств не будет достаточно для покрытия расходов».

Примечание. Чжу-си указывает три причины недостаточности государственных ресурсов, а именно: незаконные источники образования богатств, чрезмерное взимание и отсутствие бережливости в расходовании.

Бывали случаи, что человек негуманный получал в обладание княжество, но чтобы негуманный человек получал в обладание вселенную — этого не бывало.

Примечание. Мэн-цзы хочет сказать, что хотя некоторым, лишенным чувства гуманности, благодаря их хитростям и уму и удавалось похитить княжество, но они не могли приобрести сердце народа.

8

Мэн-цзы сказал: «Народ составляет главный элемент (в государстве), духи земли и хлеб — второстепенный, а государь — последний (легкий)».

Примечание. Духи земли пяти цветов и хлеб пяти сортов, как бы заведующие средствами народного продовольствия, считаются олицетворе-

нием государства и династии, и знаки, изображающие их, постоянно употребляются в значении этих последних. Духам этим устраиваются храмы в дворцовой ограде с восточной и западной сторон и обычные жертвы в них приносятся лично императором весною, осенью и зимою.

Поэтому, кто приобретает расположение простого народа, тот становится императором; кто приобретает расположение императора, делается удельным князем, а кто приобретает расположение сего последнего, тот делается сановником.

Если удельный князь ставит в опасное положение духов земли и хлебов, то его сменяют и ставят другого.

Когда жертвенные животные совершенны, приносимый в жертву хлеб чист и жертвы приносятся вовремя, а между тем появляются засухи и наводнения, то в таком случае духи перемещались.

9

Мэн-цзы сказал: «Человеколюбие — это человек. А когда мы будем рассматривать их в соединении, то это будет закон (Путь)».

10

Мэн-цзы сказал Гао-цзы: «Если по следам горной тропинки вдруг начинают ходить, то она обращается в дорогу. Но если на некоторое время ее забросить, то она зарастает пыреем. Ныне пыреем поросла наша душа».

Когда в Ци был голод, Чэн Чжен сказал Мэн-цзы: «Весь народ надеется, что Вы снова посоветуете князю открыть житницы города там, но я опасюсь, что Вы не можете снова сделать этого». Мэн-цзы сказал: «Повторить — это значит поступить, как Фын-фу. Между Цзыньцами был некто Фын-фу, отличавшийся искусством ловить тигров. Потом он сделался отличным ученым и, отправившись в поле, встретил толпу, которая преследовала тигра. Тигр притаился в горном уголке, и никто не осмеливался тронуть его. Увидав издали Фын-фу, народ побежал ему навстречу. Тогда Фын-фу, обнажив руки, вышел из телеги. Все обрадовались, но ученые насмехались над ним».

11

Мэн-цзы сказал: «Стремление рта ко вкусу, глаза к красоте, уха к музыке, носа к обонянию и рук и ног к покою — это стремления, свойственные природе, но удовлетворение их зависит от предопределения. Поэтому благородный муж не говорит о них как о врожденных его природе».

Примечание. Чжу-си в своих толкованиях на классиков замечает, что вышеуказанные стремления, бесспорно, присущи человеческой природе, но так как удовлетворение их в большей или меньшей мере поставлено в зависимость от предопределения, то мы и не можем говорить о них, что мы имеем их, и добиваться удовлетворения их в желательных нами размерах.

Проявление человеколюбия в отношениях между отцом и сыном, долга справедливости в отношениях между государем и подданным, правил вежливости между хозяином и гостем, ума в познании людей достойных и деятельность мудреца в исполнении Небесного Пути, — все это дело предопределения, но в них сказывается человеческая природа. Поэтому благородный муж в отношении к ним не говорит, что это предопределение Неба.

Примечание. По этому поводу Чэн Цзы замечает, что человеколюбие, справедливость, правила приличия и ум, будучи небесными законами, хотя и не в одинаковой степени определены людям, но добрая природа при помощи упражнения может довести их до конечного их развития и потому благородный муж не говорит, что они определены Небом.

12

Мэн-цзы сказал: «У всех людей есть что-либо, чего они не выносят; пусть они перенесут это чувство на то, что они выносят, и получится человеколюбие. У всех людей есть что-нибудь, чего они не делают; пусть они перенесут на то, что они делают, и получится сознание долга справедливости.

Если человек будет в состоянии довести до полного развития чувство нежелания вредить другим, то у него будет человеколюбия более чем нужно. Если человек будет в состоянии развить до полноты чувство непохищения чужой собственности, то у него справедливости будет более чем нужно.

Если человек разовьет в себе до полноты сущность непринятия от других презрительного величия «ты», то он повсюду будет действовать в духе справедливости».

Примечание. Здесь, очевидно, разумеется полное развитие в себе чувства стыда и отвращения ко всему тому, что противно чувству долга и справедливости.

Если ученый разговаривает с кем не годится разговаривать, значит, он имеет в виду посредством слова привлечь к себе человека, и наоборот, если он не вступает в разговор с кем пригодно говорить, значит, он имеет в виду привлечь к себе человека посредством молчания. Оба эти случая относятся к категории воровства.

Примечание. В нашем переводе мы держались толкования Чжао, который понимает этот параграф не в смысле разговора о чем-либо, как это делает Легге, а в смысле разговора с кем-либо, разумея в первом случае разговор с людьми знатными, а во втором — молчание с людьми достойными.

13

Мэн-цзы сказал: «Те слова, которые, будучи простыми, в то же время имеют далеко достигающее значение, — добрые слова; принципы, которые, отличаясь краткостью, имеют обширное приложение, — добрые принципы. Слова благородного мужа не идут ниже пояса и истинные принципы в них остаются».

14

Мэн-цзы сказал: «Давая советы знатым людям, следует относиться к ним с пренебрежением и не смотреть на их знатность и важность.

Если бы я достиг осуществления своих намерений, то я не сделал бы, как у этих бар, того, чтобы палаты были вышиною в несколько сажений с подрешетинами, выдающимися на несколько футов, чтобы кушанья расставлялись передо мною на протяжении целой квадратной сажени, чтобы прислуживали сотни наложниц, чтобы прохладяться и веселиться и скакать на охоту в сопровождении тысячи колесниц. Всего этого, что занимает их, я не сделаю, а все, что занимает меня, — это правила древних мудрецов. Чего мне бояться их?»

15

Мэн-цзы сказал: «Самое лучшее средство для воспитания сердца — это иметь мало похоти. Человек, у которого мало похоти, хотя теряет некоторые добрые качества, но мало. Человек, у которого много желаний, хотя и сохраняет некоторые добрые качества, но мало».

16

Мэн-цзы сказал: «Конфуций, не находя человека, идущего средним путем, которому бы он мог сообщить свои наставления, решил остановиться на высокоумно-ретивых и осмотрительно-сдержанных. Первые будут двигаться вперед и схватывать, что им нужно, а вторые — не сделают ничего дурного. Разве Конфуцию не хотелось бы иметь человека, идущего средним путем? Но так как

он не мог быть уверенным в том, что найдет такого, потому и подумал о второстепенных».

Примечание. Под именем человека среднего Пути разумеется тот, который в равной мере обладает высоким умом и нравственными достоинствами и благодаря этому не может уклониться в сторону от истинного Пути, — это мудрец.

Когда же он увидел, что и высокоумно-ретивых ему не сыскать, то он хотел найти ученых, стыдящихся всего нечистого, и сообщить им свои наставления. Это были осмотнительно-сдержанные третьестепенные люди.

Конфуций сказал: «Я ненавижу то, что имеет подобие истинного, но не есть истинное. Я ненавижу плевелы из опасения, что их смешают с хлебом (всходами). Я ненавижу лесть из опасения, что ее смешают с правдою. Я ненавижу краснобайство из опасения, что его смешают с искренностью. Я ненавижу Чженскую (развратную) музыку из опасения, что ее смешают с истинною музыкой. Я ненавижу фиолетовый цвет из опасения, что его смешают с красным. Я ненавижу деревенских добряков из опасения, что их смешают с истинно добродетельными.

Благородный муж старается возвратить обычные, неизменные правила. Когда они приведены в порядок, то народ устремляется к добродетели, а когда он устремляется к добродетели, то не будет места беззаконию и пороку».

Мэн-цзы сказал. «От Яо и Шуня до Чэн Тана более 500 лет. Такие лица, как Юй и Гао-яо видели их и знали их учение. Что касается Чэн Тана, то он знает учение Яо и Шуня понаслышке.

От Чэн Тана до Вэн-вана тоже более 500 лет. Такие лица, как И Инь и Лай Чжу, видели Чэн Тана и знали его учение, Вэн-ван же знал его понаслышке.

От Вэн-вана до Конфуция тоже более 500 лет. Такие люди, как Тай-гун Ван и Сань И-шен, видели Ван-вана и, таким образом, знали его учение; Конфуций же знал его понаслышке».

Примечание. Сань И-шен — достойный министр Вэн-вана.

От Конфуция до настоящего времени 100 с лишком лет. Расстояние по времени от века мудреца столь недалекое, и так близко лежала резиденция его. Неужели при таких обстоятельствах нет никого, кто бы передал его учение? Неужели так и нет никого?

ХУН ЦЗЫЧЭН

АФОРИЗМЫ ОБ УЧЕНИИ И ДОБРОДЕТЕЛИ

СОБРАНИЕ ПЕРВОЕ

Для того, кто в себе хранит правду, жизнь сжимается в мгновение. Для того, кто жаждет власти над другими, жизнь тянется вечно. Постигший истину человек взыскует вещи, коих нет в мире вещей, и думает о том, кем он будет, когда его не будет. Он примет бег мгновения и отвергнет оцепенение вечности.

Помыслы благородного мужа — как голубизна небес и блеск солнца: не заметить их невозможно. Талант благородного мужа — как яшма в скале и жемчужина в морской пучине: разглядеть его непросто.

Власть и выгода, блеск и слава: кто не касается их, тот воистину чист. Но тот, кто касается, а не имеет на себе грязи, тот чист вдвойне. Многознайство и хитроумие, сметливость и проницательность: кто лишен их, тот воистину возвышен. Но тот, кто ими наделен, а не пользуется, тот возвышен вдвойне.

В жизни часто приходится слышать неугодные нам речи и заниматься делами, которые доставляют неудовольствие. Но только так мы найдем оселок, на котором отточится наша добродетель. Если слушать лишь то, что угодно слышать, и думать лишь о том, о чем приятно думать, то всю жизнь проживешь, словно одурманенный ядовитым зельем.

Ни в кислом, ни в соленом, ни в горьком, ни в сладком нет настоящего вкуса. Настоящий же вкус неосятним. Ни незаурядный ум, ни поразительный талант не есть достоинства настоящего человека. Достоинства настоящего человека неприметны.

Добротой часто можно причинить вред, поэтому, когда хочешь сделать добро, тщательно все обдумай. Из неудачи нередко можно извлечь полезный урок, поэтому промахи — лучшее подспорье делу.

На узкой тропе придержи шаг и дай пройти путнику, идущему навстречу. За едой возьми себе третью часть, а остальное отдай ближнему. Вот секрет того, как всегда быть счастливым в этом мире.

Каким бы великим делом ты ни был занят, если ты прогнал суетные мысли, — значит, ты достиг совершенства. Как бы ни преуспевал ты в учении, если ты освободился от власти вещей, — значит, ты познал, что такое мудрость.

В получении наград не будь впереди других. В совершении добрых дел не будь позади других. Получая от других, не бери больше положенного тебе. В добрых делах не делай меньше доступного тебе.

Если уметь в каждом деле прозревать нечто вовсе неосуществимое, то сам творец всего сущего не сможет меня покарать и даже боги и духи не смогут ничего отнять у меня. Если же стараться каждое дело непременно доводить до совершенства и во всем добиваться полного удовлетворения, тогда душа зачерствеет, а вокруг все будет нагонять тоску.

Не следует слишком горячо укорять других за их недостатки. Думай о том, чему хорошему эти люди могут научиться. Воспитывая других своими добрыми делами, не следует непременно проявлять чудеса добродетели. Делай лишь то, чему и другие могут следовать.

Не жажди успеха в мире. Не впасть в заблуждение — это уже успех. Не ищи милости людей. Не заслужить их ненависти — это уже милость.

Трудиться, не страшась лишений, — вот великая доблесть. Но если чересчур истязать себя, не будешь знать ни настоящего отдохновения, ни настоящей радости. Хранить целомудрие — вот великая добродетель. Но если чересчур заботиться о своей репутации, не сможешь помогать людям.

Лишь пожив внизу, узнаешь, как опасно карабкаться наверх. Лишь побывав в темноте, узнаешь, как ярок солнечный свет. Лишь

храня покой, узнаешь, как много сил тратят те, кто находятся в движении. Лишь пестуя молчание, понимаешь, как суетно много-словие.

При встрече с низким человеком нетрудно быть резким, а трудно не питать отвращения. При встрече с благородным мужем нетрудно быть почтительным, а трудно быть безупречно вежливым.

Тот, кто покоряется демонам, прежде пасует перед своим сердцем. Обуздай свое сердце, и все демоны твоей души рассеются. Тот, кто увлечен соблазнами мира, прежде дает увлечь себя своим страстям. Когда страсти подвластны человеку, соблазны мира не тронут его сердце.

Круг учеников должно отбирать с той же тщательностью, что и круг знакомств благонравных девиц. Один беспутный человек в нем подобен сорной траве, проросшей среди ухоженных всходов: с такого поля уж никогда не добудешь отборное зерно.

В учении главное — хранить постоянство помыслов и идти прямо, никуда не сворачивая. Если, взрачивая в себе добродетель, не отказываться от мыслей о заслугах и славе, никогда не достигнешь цели. Если, читая книги, думать о том, как лучше показать свою ученость, в душе не будет покоя.

Чтобы продвигаться по стезе добродетели и взрачивать в себе правду, нужно быть бесстрастным, как дерево или камень. Стоит лишь единожды что-либо возжелать, и ты окажешься в плену мира страстей. Чтобы приносить пользу миру и водворять порядок в государстве, нужно быть безучастным, как плывущее облако и водная гладь. Стоит лишь единожды увлечься чем-либо, и ты погрязнешь в мире суеты.

Когда, делая добро, не думаешь ни о себе, ни о других, горсть зерен одарит милостью за тысячу пудов хлеба. Когда, помогая другим, бахвалишься своей щедростью и требуешь от людей благодарности, то сотня золотых не принесет тебе пользы даже и на половину медяка.

Только когда сердце очищено от скверны, можно браться за чтение книг и изучение древности. Иначе, узнав про один добрый поступок, захочешь извлечь из него пользу для себя, а услышав одно умное слово, захочешь оправдать им свои пороки. Учиться с таки-

ми мыслями в голове — все равно что «дарить оружие врагу и посылать провиант разбойникам».

В учении не равняться на великих мудрецов — значит быть рабом грифеля и доски для письма. На государственной службе не любить народ — значит украсть платье и шапку чиновника. Вести ученые разговоры и не заботиться о своем поведении — значит предаваться пустословию. Ведать важным делом и не думать об укреплении добродетели — значит пускать пыль в глаза.

В сердце каждого человека хранится одно правдивое послание, но оно погребено под обрывками обветшалых книг. В сердце каждого человека звучит один правдивый напев, но его заглушают распутные песенки и буйные крики. Тот, кто предан учению, должен отмести все внешнее и в круговороте бытия узреть изначальное. Только тогда он поймет, что в жизни есть нечто подлинное.

Когда богатство, знатность и слава приобретаются добродетелью, они подобны лесным цветам, пышно цветущим на воле. Когда они приобретаются заслугами, они подобны цветам, выращенным на клумбе. Когда они приобретаются властью, они подобны цветам в вазе, отрезанным от корня и обреченным на увядание.

В учении важно быть сосредоточенным, но нужно уметь иной раз быть беспечным. Если вечно отказывать себе в радостях и утехах, то для окружающих ты будешь подобен мертвящему дыханию осени. Как же тогда помогать жизни вещей?

Подлинное бескорыстие не выставляется напоказ. Тот, кто хочет прослыть бескорыстным, делает это из жадности. Великое мастерство кажется безыскусным. Тот, кто щеголяет своим искусством, вызывает свое неумение.

Когда на сердце светло, в темном подземелье блещут Небеса. Когда в мыслях мрак, при свете солнца плодятся демоны.

Движущая сила Небес непостижима. Она сгибает и расправляет, расправляет и сгибает. Она играет героями и ломает богатырей. Благородный муж покорен даже невзгодам. Он живет в покое и готов к превратностям судьбы. И Небо ничего не может с ним поделать.

Счастья никакими ухищрениями не добьешься. Учись находить в жизни радость — вот лучший способ привлечь счастье. Беды никакими стараниями не избежешь. Гони от себя злобу — вот лучший способ держаться вдали от беды.

Сознание не может не быть пустым. Когда оно пусто, в нем поселяется истина. Сознание не может не быть наполненным. Когда оно полно, в нем нет места желанию обладать вещами.

Лучше оберегать уже достигнутое, чем мечтать о еще не свершенном. Лучше предотвратить будущую ошибку, чем сожалеть о прошлом прегрешении.

Поведение должно быть возвышенным, но не причудливым. Мысли должны быть тонкими, но не мелочными. Характер должен быть уравновешенным, но не безвольным. Манеры должны быть воспитанными, но не жеманными.

Будь сосредоточен в час досуга — это пригодится тебе, когда ты будешь спешить. Не расслабляйся в час покоя — это пригодится тебе, когда ты будешь действовать. Не обманывай в темноте — это пригодится тебе, когда ты будешь на виду.

Покой среди покоя — не истинный покой. Лишь когда обрешь покой в движении, воистину постигнешь небесную природу. Веселье среди веселья — не истинная радость. Лишь когда постигнешь радость в печали, поймешь, чем живет сердце.

Певичка из веселого дома на склоне лет обращается к добродетели. И то, что она целый век распутничала, тому не помеха. Женщина из хорошей семьи, посевев, забывает о приличиях. И то, что она всю жизнь жила в строгости, оказывается напрасным. В народе говорят: «Суди о человеке по тому, как он оканчивает свои дни». Вот поистине замечательные слова.

Когда кто-нибудь из домашних совершает проступок, не нужно набрасываться на него с попреками, но не следует и делать вид, будто ничего не произошло. Если об этом проступке неудобно говорить напрямую, скажите намеком, приведя подходящий к случаю пример. Если вас не поймут сразу, повторяйте свои наставления день за днем, и они возымеют действие подобно тому, как весенний ветер разгоняет холод и теплый воздух топит лед. Вот как нужно вести себя в семейной жизни.

Когда жизнь складывается наперекор нашим желаниям, мир вокруг нас подобен лечебным иглам и целебным снадобьям: он незаметно врачует нас. Когда мы не встречаем сопротивления, мир вокруг нас подобен наточенным топорам и острым пикам: он исподволь ранит и убивает нас.

Когда литературное произведение совершенно, оно красиво и без прикрас. Когда человек совершенен, он велик и без выдающихся достоинств.

Не пеняй другим за мелкие проступки. Не уличай других в злом умысле. Не припоминай другим старых обид. Если следовать этим трем правилам, можно взрастить в себе добродетель и избежать неприятностей.

Благородный муж не может поступать легкомысленно. Если я буду легкомыслен в поступках, мир опутает меня и во мне не будет ни стойкости, ни постоянства. В размышлениях нельзя быть мелочным. Если я буду мелочен в мыслях, вещи запачкают меня и во мне не будет ни мужества, ни свежести духа.

Лучше упорствовать в своих заблуждениях и заслужить неприязнь людей, чем изменить своим идеалам и завоевать людское восхищение. Лучше, не сделав зла, быть осужденным людьми, чем, не сделав добра, удостоиться их похвалы.

За тысячу золотых трудно купить даже минутную радость. За одно угощение можно снискать благодарность на всю жизнь. Когда любовь выставляют напоказ, она порождает в ответ ненависть. Когда любовь не выказывают, на душе легко.

Расцвет и изобилие предвещают упадок и гибель. Семена новой жизни таятся в увядании и смерти. Благородный муж, наслаждаясь покоем, должен готовиться к заботам и лишениям, а терпя невзгоды, должен хранить стойкость и твердо верить в то, что успех придет к нему.

Изумляться редкостному, восхищаться необычным — это не от большого ума. Изнурять себя благочестием, стараться превзойти всех в добродетели — это не от хорошего воспитания.

Если ты пользуешься доверием, не обманывай даже злодея. Если ты наделен силой, не кичись своим превосходством. Если у тебя

есть достоинства, не обнажай недостатков других. Если у тебя нет способностей, не завидуй умению других.

Чужие пороки нужно исправлять молча. Если выставлять их всем напоказ, ты будешь порок изгонять пороком. Человеческое упрямство нужно побеждать поучениями. Если же нападать на него в открытую, ты будешь упрямство понапрасну исправлять упрямством.

Благородство, подобное сверкающему небосводу и яркому солнцу, возвращается в темном углу дома. Могущество, движущее небесами и землей, доступно лишь тому, кто живет так, словно он вечно стоит над бездной и ступает по тонкому льду.

В зле страшна секретность. В добре страшно стремление быть на виду. Поэтому вред, причиненный видимым злом, поверхностен, а причиненный злом скрытым — глубок. Когда добро очевидно, польза от него мала, а когда оно скрыто — велика.

Добродетель — господин таланта. Талант — слуга добродетели. Если в доме нет хозяина и всем распоряжается слуга, то разве не воцарятся в нем бесовщина и помрачение?

Добродетельный муж может по бедности не быть в состоянии помочь другим, но, встретив заблудившегося человека, одним словом откроет ему глаза, а встретив человека в затруднительном положении, одним словом избавит его от трудностей. Вот высочайшая добродетель.

Добродетель зависит от широты кругозора, а кругозор растет благодаря знанию. Поэтому тот, кто хочет упрочить свою добродетель, не может не расширять свой кругозор. А чтобы расширять свой кругозор, нужно увеличивать свое знание.

Того, кто требователен к себе, всякое дело излечивает как целебное снадобье. Того, кто ищет недостатки в других, всякая мысль ранит как острие копья. Первый открывает всем путь к добру. Второй увлекает всех в пучину зла. Они далеки друг от друга, как облака в небе и грязь на земле.

Если у человека нет ни одной искренней мысли, он подобен нищему, который отовсюду уходит с пустыми руками. Если у чело-

века нет ни одного подлинного увлечения, он подобен деревянному идолу, который стоит там, где его поставили.

Если воду не мутить, она сама по себе отстоится. Если зеркало не пачкать, оно само по себе будет отражать свет. Человеческое сердце нельзя своей волей сделать чистым. Устраните то, что его загрязняет, и его чистота сама по себе проявится. Радость не нужно искать вовне себя. Устраните то, что доставляет вам беспокойство, и радость сама собой воцарится в вашей душе.

Уходя со службы, уходи в расцвете сил. Живя на покое, не ставь себя выше окружающих. Стремясь к добродетели, будь добродетелен в мелочах. Оказывая милость, оказывай ее тому, кто не сможет тебя отблагодарить.

Добродетель — фундамент всякого дела. Не бывает, чтобы фундамент был неустойчив, а здание простояло долго. Сердце — корень всего порожденного нами. Не бывает, чтобы корень был не прочен, а ветви выросли могучими.

Преодоление всего пошлого — вот в чем человеческое величие. Но нарочитое стремление к величию делает человека не великим, а вздорным. Не быть запачканным грязью пошлого света — вот в чем чистота души. Но тот, кто добивается чистоты, отворачиваясь от мира, станет не чистым, а суетным.

В часы безделья ум тупеет. Используй покой, дабы постичь светоч разума. В часы поглощенности делами ум теряется. Используй светоч разума, дабы достичь покоя.

Тот, кто являет образцы благопристойного поведения, из-за своей благопристойности непременно станет жертвой злословия. Тот, кто более других преуспел в учении, из-за своей учености неизбежно попадет в беду. Поэтому благородный муж сторонится дурных дел, но и не мечтает о славе. Без усилий всегда быть безмятежным — вот истинное сокровище в этой жизни.

Есть одно изречение, гласящее: «Поднимаясь в гору, имей мужество пройти по обрывистой тропе. Идя по снегу, имей мужество пройти по скользкому мосту». В слове «мужество» заключен глубочайший смысл. Если на опасных поворотах жизни и на ухабах мирских путей тебе не хватает мужества, ты непременно застрянешь в какой-нибудь заросшей бурьяном яме.

Те, кто гордятся своими заслугами и блистают ученостью, живут, ища опору вовне себя. Они не знают, что сердце само по себе сияет, словно драгоценная яшма. Тот, кто сохранил в себе первозданный свет сердца, воистину велик, даже если он не имеет ни одной заслуги и не прочтет ни одного иероглифа.

Не враждуй с низким человеком, ведь он имеет врагов лишь среди ему подобных. Не угождай благородному мужу, ведь он не оказывает услуг из корысти.

В лучах закатного солнца небосклон горит особенно ярко. На исходе года мандариновое дерево благоухает особенно сильно. В конце жизненного пути, на склоне лет дух благородного мужа во сто крат прекраснее.

Ястреб сидит так, словно он спит. Тигр ходит так, словно он болен. Но именно поэтому они могут схватить и растерзать человека. Благородный муж не должен раскрывать свою мудрость и показывать свой талант. Только так возымеет он силу свершить великое дело.

Уста — ворота ума. Если держать их открытыми, ум ускользнет наружу. Воображение — ноги ума. Если его не обуздать, оно уведет ум с правильного пути.

Благородный муж, попав в беду, не горюет, а оказавшись на пирушке, не сторонится веселья. Он не робеет перед сильными мира сего и сострадает убогим и сирым.

СОБРАНИЕ ВТОРОЕ

Люди умеют читать книги, состоящие из писмен, и не умеют читать книгу, не имеющую писмен. Им ведомы звуки лютни, имеющей струны, и неведомы звуки лютни без струн. Если жить мертвой видимостью вещей и не вникать в жизнь духа, поймешь ли, что такое книга без писмен и лютня без струн?

Решившись остановиться, остановись немедленно. Ведь если ждать благоприятного часа, то и женитьба не уменьшит забот, и уход в монахи не прибавит мудрости. Когда-то один человек сказал: «Хочешь уйти — уходи не мешкая. Если дожидаться до времени, оно никогда не настанет». Вот воистину замечательное суждение!

Тот, кто в минуту волнения не поддается суете, несомненно, взрастил чистоту духа в часы покоя. Тот, кто в свой смертный час не теряет самообладания, несомненно, постиг суть вещей при жизни.

Непреходящий вкус таится не в душистых винах, а в горохе и воде. Печальные думы рождаются не в мертвой тишине, а среди звуков свирелей и струн. Надобно знать: густой аромат не продержится долго. Благоухание того, что лишено аромата, — единственно подлинное.

Это тело всегда находит отдохновение в праздности. Кто может обременить нас почетом или позором, приобретениями или утратами? Это сердце всегда находит удовольствие в покое. Кто может смутить нас истиной или ложью, выгодой или ущербом?

Пусть тело будет подобным отпущенной с привязи лодке, которая то плывет по течению, то застревает в затонах. Пусть сердце будет подобным засохшему дереву, которому не грозит, что его будут резать ножом или покрывать лаком.

Когда в тишине до слуха доносятся шум сосен в лесу и журчание ручья среди камней, постигаешь безыскусную музыку Неба и Земли. Когда видишь луг, утопающий в тумане, и облака, плывущие в воде, словно развертываешь живописный свиток природы.

Птица, которая долго томилась на земле, непременно взлетит высоко. Цветок, который распустился первым, непременно рано отцветет. Поняв это, можно не переживать из-за неудач и не стараться всех опередить.

Когда от дерева остается только корень, видишь, что красота его кроны — брэнная слава. Когда человек лежит в гробу, понимаешь, что потомки и богатства — сущие пустяки.

В сердце человека есть мир подлинного. В нем не слышишь звуков свирелей и струн, но всегда царит радость. В нем не обоняешь ароматы курительных свеч и чая, но всегда разлито чистое благоухание. Очисти разум и отрешись от вещей, забудь о мыслях и предоставь телу свободу — тогда сможешь туда проникнуть.

Когда в душе нет твердости, отвернись от красок и звуков мира, дабы мирские соблазны не смущали сердце. Когда в душе появится

стойкость, окунись в скверну мира, дабы сердце знало мирские соблазны и не смущалось ими.

Веревка, которой тянут ведро из колодца, перетрет колодезный сруб. Вода по капле точит камень. Те, кто хотят познать истину, должны быть упорны. Вода сама находит себе дорогу. Созревший плод сам падает наземь. Те, кто обрели истину, следуют лишь зову естества.

Когда разум приходит к покою, начинаешь ценить свет луны и дуновение ветра и понимаешь, что в заботах мирской жизни нет необходимости. Когда в сердце своем ты далек от мирской суеты и ты не чувствуешь потребности красоваться перед людьми, зачем тосковать по безлюдным горам?

После дождя в горном пейзаже открываешь новую красоту. В ночной тишине звук колокола особенно чист.

Когда рождается ребенок, жизнь матери в опасности. Если ты скопил много денег, к тебе залезут воры. Нет радости, которая не сулила бы огорчений. Бедность научит воздержанию, болезнь — заботе о здоровье. Нет несчастья, которое не предвещало бы радости. Поэтому постигший истину человек не отделяет радость от огорчения, но забывает и о том, и о другом.

Непредназначенное тебе счастье, необоснованное приобретение, не уготовленная творцом всего сущего удача — это все западни, расставленные миром для людей. Если, натываясь на них, не задирать кверху нос, непременно их обойдешь.

Морозу и жаре в природе противостоять легко, а горячность и холодность в человеке искоренить трудно. Даже если искоренить горячность и холодность в человеке легко, трудно устранить лед и пламя в собственном сердце. Когда устранишь лед и пламя внутри себя, не будешь знать недовольства и весна станет твоей вечной спутницей.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДИАЛОГИ КОНФУЦИЯ ИЗ КНИГИ «ЧЖУАН-ЦЗЫ»

1

Янь Хой пришел к Конфуцию и попросил разрешения уехать.

— Куда же ты направляешься? — спросил Конфуций.

— Я еду в царство Вэй, — ответил Янь Хой.

— А что ты будешь там делать?

— Я слышал, что правитель Вэй молод летами и безрассуден в поступках. Он не заботится о благе государства и не замечает своих промахов. Столь низко ценит он человеческую жизнь, что в его владениях громоздятся горы трупов, а люди доведены до отчаяния. Я помню, Учитель, Ваши слова: «Не беспокойтесь о тех царствах, где есть порядок. Идите туда, где порядка нет. У ворот дома, где живет доктор, много больных». Я хочу как-нибудь применить на деле то, чему Вы меня учили, и навести порядок в том несчастном царстве.

— Ах, вот как! — отозвался Конфуций. — Боюсь, ты спешишь навстречу собственной гибели. Великий Путь не терпит смятения, ибо когда умы наши охвачены смятением, истина дробится, а когда истина раздроблена, люди охвачены тревогой, если же ты не можешь одолеть тревогу в своей душе, ты никогда не станешь свободным. Совершенные люди древности учили других лишь тому, в чем сами находили прочную опору.

И пока ты сам не нашел такую опору в себе, как можешь ты браться за воспитание надменного владыки? Да и понимаешь ли ты, что источник нашей власти над людьми есть также подлинный исток нашего знания? Власть над людьми находит выражение в славе, знание же рождается из соперничества. «Приобрести имя» — значит победить в борьбе, и знание есть орудие этой борьбы. И то, и другое — вредоносные орудия, никак не способствующие нашему совершенствованию. Еще нужно сказать тебе, что обладать выда-

ющимися способностями, безупречной честностью, но не видеть, что таится в душе другого, не стремиться к славе, не понимать человеческого сердца и проповедовать добро, справедливость и благородные деяния перед жестокосердным государем — значит показать свою красоту, обнажая уродство другого. Поистине, такого человека следовало бы назвать «ходячим несчастьем». А тому, кто доставляет неудовольствие другим, люди, конечно же, тоже будут стараться навредить. Боюсь, не избежать тебе гонений света! И еще: если уж правитель Вэй так любит умных и достойных мужей и ненавидит людей ничтожных, то какой смысл тебе доказывать, что ты человек незаурядный? Уж лучше тебе не вступать в спор с державным владыкой, ведь государь наверняка станет придираться к твоим недостаткам и расписывать собственные достоинства.

Твой взор он помутит.
Твою гордость он смирит.
Твои уста он замкнет.
Твою гордость убьет.
И даст тебе другое сердце.

Тогда придется тебе «огнем тушить огонь, водой заливать воду». Вот что называется «и было плохо, а стало хуже некуда». Если ты уступишь ему с самого начала, будешь угождать ему потом до конца своих дней. А тогда он едва ли будет прислушиваться к твоим восторженным речам, и, значит, рано или поздно не миновать тебе плахи.

Еще хочу тебе сказать вот что. В старину царь Цзе казнил Гуань Лунфэна, а царь Чжоу казнил Биганя. Оба казненных были людьми безупречного поведения, пекшимися о благе народа. А вышло так, что из-за их добронравного поведения их повелители решили избавиться от них. И кроме того, это были люди, мечтавшие о славе. Когда-то Яо пошел войной на владения Цзун, Чжи и Сюао, а Юй напал на удел Юху, и эти царства были обращены в пустыню, их правители сложили головы на плахе. Не было конца грабежам и казням, нет предела и жажде побед. А все потому, что люди эти искали славы. Не говори мне, что ты никогда не слышал о них! Даже мудрейший может соблазниться славой, что же говорить о таких, как ты? Однако же, думаю, тебе есть что сказать в ответ — так говори же!

Ян Хой сказал: «Хорошо ли быть внимательным и всеобъемлющим в устремлениях, прилежным и целеустремленным?»

Конфуций отвечал: «О нет, это никуда не годится! Правитель Вэй не умеет сдерживать свои страсти, и в душе у него нет равновесия. Обыкновенные люди, конечно, не смеют уклониться от встречи с ним и стараются спрятать свое беспокойство и страх под покровом спокойствия. В них не родится даже то, что называют «блага-

творным влиянием, растущим день ото дня», что же говорить о великой силе! А он будет стоять на своем и не захочет меняться. По-видимости, он может соглашаться с тобой, но в душе он с тобой не будет считаться. Что же тут хорошего?»

— Коли так, — сказал Янь Хой, — я буду прям внутри и податлив снаружи, я буду верен своим убеждениям, но уступать царской воле. Как человек «прямой внутри», я буду послушником Неба. Тот, кто становится послушником Неба, знает, что и Сын Неба, и он сам дети Неба и что он один умеет говорить от себя как бы без умысла — так что иной раз людям его речи нравятся, а иной раз не нравятся. В мире к таким людям относятся как к детям. Вот что я называю «быть послушником Неба». Тот же, кто «податлив снаружи», будет послушником человека. Держать в руках ритуальную табличку, падать на колени и простираться ниц — так ведет себя подданный. Все люди так поступают, отчего и мне не поступать так же? Если делать то, что и другие делают, я никому не дам повод быть недружелюбным ко мне. Вот что я называю «быть послушником человека». Будучи верным своим убеждениям и послушным царской воле, я буду послушником древних. Правдивые слова, будь то распоряжения или наизидания, восходят к древним, и сам я за них не в ответе. В таком случае я могу быть прям, не рискуя собой. Вот что я называю «быть послушником древних». Годится ли такое поведение?

— Никуда не годится! — отвечал Конфуций. — Планы хитроумные, да осуществить их трудно. Будь проще, и тогда, даже не выделяясь большим умом, ты избежишь беды. Однако же на этом следует остановиться. Своего повелителя тебе все равно не переделывать. Ты со своими планами слишком полагаешься на свой ум.

— Мне больше нечего сказать, — промолвил Янь Хой. — Прощу Вас, Учитель, дать мне совет.

— Постись, и я скажу тебе, — отвечал Конфуций. — Действовать по собственному разумению — не слишком ли это легко? А тот, кто предпочитает легкие пути, не узреет Небесного сияния.

— Я из бедной семьи и вот уже несколько месяцев не пил вина и не ел мяса. Можно ли считать, что я постился?

— Так постятся перед торжественным жертвоприношением, я же говорю о посте сердца.

— Осмелюсь спросить, что такое пост сердца?

— Сделай единой свою волю: не слушай ушами, а слушай сердцем, не слушай сердцем, а слушай духовными токами. В слухе остановись на том, что слышишь, в сознании остановись на том, о чем думается. Пусть жизненный дух в тебе будет пустотен и непрочно откликается внешним вещам. Путь сходится в пустоте. Пустота и есть пост сердца.

— Пока я, Хой, еще не постиг своего истинного бытия, я и в самом деле буду Хоем, — сказал Янь Хой. — Когда же я постигну

свое истинное бытие, я еще не буду Хоем. Вот это и значит «сделать себя пустым?»

— Именно так! — отвечал Конфуций. — Вот что я тебе скажу: войди в его ограду и гуляй в ней свободно, но не забивай себе голову мыслями о славе. Когда тебя слушают, пой свою песню, когда тебя не слушают, умолкни. Для тебя не должно быть внутренних покоев и простора вовне. Остановись на неизбежном и в этом обрети свой *единый дом*. Тогда ты будешь близок к правде. Легко ходить, не оставляя следов. Трудно ходить, не касаясь земли. Деяниям людей легко подражать, свершения Неба подражать трудно. Ты знаешь, что такое летать с помощью крыльев. Ты еще не знаешь, что такое летать без крыльев. Ты знаешь, что такое знанием добывать знание, но еще не знаешь, что значит благодаря незнанию обретать знание. Вглядишься же в тот сокровенный чертог: из пустой залы исходит ослепительный свет. Удачу приносит *прекращение прекращения*. Пока же ты не придешь к этому концу, ты будешь мчаться галопом, даже восседая неподвижно. Если твои уши и глаза будут внимать внутреннему и ты отрешись от уместования, то к тебе стекутся божества и духи, не говоря уже о людях! Вот что такое превращение всей тьмы вещей!

2

Конфуций дружил с Люся Цзи, чей младший брат был известен всем под именем Разбойника Чжи. Этот Разбойник Чжи со своими девятью тысячами воинов скитался по всей Поднебесной, грабя знатных особ, врываясь в дома, отнимая у людей коней и буйволов, уводя в плен их дочерей и жен. В своей ненасытной жадности он забывал даже о родичах, не заботился ни об отце с матерью, ни о братьях и не приносил жертвы предкам. Поистине, он был сущим бедствием для всех людей.

Конфуций сказал Люся Цзи:

— Полагается, чтобы отец, какой бы он ни был, воспитывал сына, а старший брат учил младшего. Если отец не способен воспитывать сына, а старший брат обучать младшего, тогда родственные узы между ними теряют смысл. Вы — самый талантливый муж нашего времени, а Ваш младший брат Разбойник Чжи наводит страх на весь мир, и Вы не можете вразумить его. Я осмелюсь выразить Вам свое недоумение по этому поводу, и позвольте мне поговорить с Вашим братом.

— Вы говорите, уважаемый, что отец должен воспитывать своего сына, а старший брат должен поучать младшего. Но если сын не желает слушать наставлений отца или поучений брата, то что тут можно поделать даже с красноречием, подобным Вашему? К тому же у Разбойника Чжи сердце — словно кипящий ключ, а мысли — как могучий вихрь. У него достаточно воли, чтобы не уступить Ва-

шим упрекам, и достаточно красноречия, чтобы всякое зло представить благом. Если Вы будете соглашаться с ним, все будет хорошо, но если Вы заденете его, он впадет в ярость и непременно оскорбит и унизит Вас. Вам не следует идти к нему.

Но Конфуций не послушался этого совета. Посадив Янь Хоя на место кучера, а Цзы-гуна — рядом с собой в экипаже, он отправился к Разбойнику Чжи. В это время Разбойник Чжи, расположившись на отдых со своими людьми на солнечном склоне горы Тайшань, пожирал печень убитых им людей. Конфуций вышел из экипажа и доложил о себе слуге разбойника: «Явился человек из Лу Кун Цю, прослышавший о высокой честности военачальника». И он дважды вежливо поклонился слуге.

Тот сообщил о госте своему хозяину. Разбойник Чжи был вне себя от гнева: глаза его сверкали, как молнии, волосы вздыбились так, что шапка подскочила вверх.

— А, так это тот искусный лжец Конфуций из царства Лу? — заорал он. — Передай ему от меня: «Ты придумываешь умные слова и изречения, безрассудно восхваляешь царей Вэня и У. Нацепив на себя шапку, похожую на развесистое дерево, обмотавшись поясом из шкуры дохлого быка, ты зарабатываешь себе на жизнь красивыми речами и лживыми рассуждениями, а сам не пахнешь землю и не ткешь пряжу. Шлепая губами и молотя языком, ты судишь об истине и лжи как тебе заблагорассудится. Ты обманываешь правителей Поднебесной и отвлекаешь ученых мужей от главного. Ты придумал «сыновнюю почтительность» и «братскую любовь», чтобы удобнее было домогаться богатства и почестей. Ты повинен в тягчайшем преступлении! Убирайся отсюда поживее, а не то твоя печень тоже пойдет к моим поварам!»

Конфуций передал другое сообщение:

«Я имею честь прибыть сюда по рекомендации Цзи и надеюсь издалека увидеть Вашу ногу под занавесом».

Получив это послание, Разбойник Чжи сказал: «Пусть он войдет!»

Конфуций вошел нарочито торопливо, не стал садиться на сиденье, отступил назад и дважды поклонился. А Разбойник Чжи, разъяренный, широко расставив ноги, с горящими глазами, зарычал, словно кормящая тигрица:

— Подойди ко мне, приятель. Если твои слова мне понравятся, ты будешь жить, а если нет — умрешь.

— Я слышал, — сказал Конфуций, — что в мире есть три уровня достоинств. Вырасти стройным и красивым, как никто другой, чтобы все в мире, стар и млад, знатные и презренные, любовались тобой, — вот высшее достоинство. Иметь знание, охватывающее мелый мир, уметь на все лады судить о вещах — вот среднее достоинство. Быть смелым и решительным, собирать вокруг себя людей преданных и удалых — вот низшее достоинство. Всякий, кто обла-

дает хотя бы одним из этих достоинств, способен восседать на троне лицом к югу и носить титул Сына Неба. В Вас, уважаемый военачальник, сошлись все три достоинства. У Вас рост больше восьми локтей, лицо сияет, губы — чистая киноварь, зубы — перламутр, голос — настоящая музыка, но зовут вас «Разбойник Чжи». Пребывая в недоумении, уважаемый военачальник, я возьму на себя смелость не одобрить это прозвище. Если Вы соблаговолите выслушать меня, я покорнейше прошу послать меня в царства У и Юэ на юге, Ци и Лу на севере, Сун и Вэй на востоке, Цзинь и Чу на западе, чтобы убедить их построить для Вас большой город на несколько сот тысяч дворов и пожаловать Вам знатный титул. Вы начнете новую жизнь, отложите оружие, дадите отдых Вашим воинам, станете заботиться о своих братьях и приносить жертвы предкам. Вы бы вели себя как мудрец и достойный муж, вся Поднебесная только этого и ждет от Вас.

— Подойди-ка ближе, приятель, — гневно крикнул Разбойник Чжи. — Только глупые, низкие и заурядные людишки могут соблазниться посулами выгоды. То, что я строен и красив и люди любят меня, я получил от своих родителей. Неужели ты думаешь, что я сам не заметил бы в себе этих достоинств, если бы ты мне не сказал о них? А еще я слышал, что люди, которые льстят в лицо, любят клеветать за глаза. Когда ты ведешь тут речь о большом городе и толпах поклонников, ты хочешь обременить меня соблазном выгоды и приручить меня с помощью толпы заурядных людей. Надолго ли? Ни один город, как бы ни был он велик, не больше Поднебесного мира. Яо и Шунь владели целой Поднебесной, а их потомкам было некуда даже вонзить шило. Тан и У носили титул Сына Неба, но их роды пресеклись. Не оттого ли, что выгода, привалившая к ним, была слишком велика?

Еще я слышал, что в древние времена зверей и птиц было много, а людей мало. В ту пору люди, чтобы уберечься, жили в гнездах. Днем собирали желуди и каштаны, по ночам сидели на деревьях. Поэтому их называли «род гнездовый». Тогда люди не знали одежды. Летом они запасали хворост, а зимой грелись у костра. Поэтому их называли «люди, знающие жизнь».

Во времена Шэньнуна
Спали спокойно,
Просыпались без тревог.
Люди знали мать,
Но не знали отца
И были добрые соседи оленям.
Пахали — и кормились,
Ткали — и одевались,
И не старались навредить друг другу.
Таково было торжество высшей Силы.

А теперь ты упражняешься в Пути царей Вэня и У и обучаешь ему наших детей и внуков, используя все тонкости словесного искусства. Надев просторный халат и подпоясавшись узким ремнем, ты рассуждаешь вкривь и вкось, мороча голову царственным особам в надежде получить от них знатные титулы и щедрые награды. В мире нет большего разбойника, чем ты. И почему только люди не зовут тебя Разбойником Конфуцием, вместо того чтобы называть Разбойником меня?

Ты соблазнил своими слащавыми речами Цзы-лу и заставил его слушаться тебя, так что он снял свою высокую шапку воина, отбросил свой длинный меч и пошел к тебе в ученики. Все говорили: «Конфуций может пресечь разбой и искоренить зло». А потом Цзы-лу пытался убить правителя Вэй, да не смог этого сделать, и его засоленное тело валялось у Восточных ворот вэйской столицы. Вот к чему привело твое учительство! Ты называешь себя талантливым человеком и мудрецом? Но тебя дважды изгоняли из Лу, тебе пришлось бежать из Вэй, ты имел неприятности в Ци, попал в осаду на границе Чэнь и Цай — нигде в мире не находится тебе места. А Цзы-лу по твоей милости просто засолили! От твоего учения нет проку ни тебе самому, ни другим. Как же я могу с почтением отнестись к твоему Пути?

Среди тех, кого в мире зовут достойными мужами, первые — Бои и Шуци. Бои и Шуци отказались быть правителями в своем уделе Гучжи и уморили себя голодом на горе Шоуян, где их останки лежали непогребенными. Бао Цзяо из желания поразить мир умер, обнимая дерево и кляня свой век. Шэньгу Ти, когда его упреки не были услышаны государем, бросился в реку с камнем в руках, и его тело съели рыбы и черепахи. Цзе Цзытуй был таким преданным слугой, что кормил принца Вэй своим мясом, а когда принц Вэй отвернулся от него, разгневался и, обняв дерево, сгорел живо. Вэй Шэн назначил девице свидание под мостом. Девица не пришла, но, когда вода стала прибывать, он по-прежнему ждал возлюбленную, да так и захлебнулся под мостом. Эти шестеро не лучше дохлого пса, соломенной свиньи или нищего, просящего милостыню. Ради славы они не убоялись даже смерти и потому пренебрегли вскармливанием жизни для того, чтобы сполна прожить свой жизненный срок.

Среди тех, кого в мире зовут преданными подданными, первые — Бигань и У Цзысуй. Цзысуй утопился в реке, у Биганя вырвали сердце из груди. Хотя их зовут преданными подданными, они кончили тем, что стали посмешищем для всего света. Никто из этой породы, насколько я могу судить, недостоин уважения. Может быть, ты попробуешь меня переубедить. Если ты будешь рассказывать мне истории про духов, то тут я спорить не берусь. Но если ты будешь говорить о людях, то я назвал лучшие примеры — тут у меня сомнений нет.

А теперь я расскажу тебе, что такое человек. Его глаза любят смотреть на красивое, его уши любят слушать сладкозвучное, его рот любит приятный вкус, его воля и дух вечно ищут удовлетворения. Высшее долголетие для него — это сотня лет, среднее — восемьдесят, низшее — шестьдесят. За вычетом болезней и тягот, печалей и траура дней для веселья остается у него не более четырех-пяти на целый месяц. Небо и Земля не имеют предела, а смерть человека имеет свой срок. В бесконечности вселенной жизнь человеческая мимолетна, как прыжок скакуна через расщелину. Тот, кто не способен наслаждаться своими помыслами и желаниями, прожить до конца отведенный ему срок, не познал Путь.

Все, что ты говоришь, я отвергаю. Уходи же прочь, да побыстрее, не говори мне больше ни слова. Твой Путь — большая мечта сумасшедшего, сплошной обман и ложь. Он не поможет сохранить в целости подлинное в нас. О чем тут еще говорить?

Конфуций дважды поклонился и поспешно вышел. Взбираясь в экипаж, он два раза выронил вожжи, глаза его ничего не видели, лицо побледнело, как угасшая зола. Он перегнулся через передок экипажа, свесив лицо и тяжело дыша.

На обратном пути он встретил у Восточных ворот столицы Лю Сю Цзи.

— Я не видел тебя несколько дней, — сказал Лю Сю Цзи. — Глядя на твою лошадь и повозку, ты путешествовал. Неужели ты ездил к Чжи?

Конфуций посмотрел в Небо и сказал со вздохом: «Да, я ездил к нему».

— И он, наверное, стал спорить с тобой, как я предсказывал?

— О да, — ответил Конфуций. — Я, как говорится, сделал себе прижигание, не будучи больным. Я хотел погладить тигра и чуть было сам не попал к нему в пасть.

— Если не поступать согласно приличиям, — сказал Цзы-чжан, — то не будет разницы между родичами и чужаками, не будет желания исполнить долг и у знатных, и у презренных, не будет порядка в отношениях между старшими и младшими. Как же тогда поддерживать Пять устоев и Шесть Отношений?

— Когда Яо убил своего старшего сына, а Шунь обрек на изгнание своего младшего брата, соблюдалось ли различие в отношениях между родичами и чужаками? — возразил Вечно Алчущий. — Когда Тан отправил в ссылку Цзе, а У-ван пошел походом на Чжоу, исполняли ли свой долг знатные и презренные? Когда Ван Цзи

захватил власть, а Чжоу Гун убил своего старшего брата, соблюдался ли порядок в отношениях между старшими и младшими? Кто сможет разобраться в Пяти устоях и Шести Отношениях после приговорных речей конфуцианцев и рассуждений Мо Ди о всеобщей любви? И потом: вы действуете ради славы, а я действую ради выгоды, но ни слава, ни выгода не соотнобразуются с истиной, не обретаются в Пути. Так попросим рассудить нас Свободного от Условностей.

Свободный от Условностей сказал:

— Низкий человек жертвует собой ради богатства, благородный муж жертвует собой ради славы. То, что движет их чувствами, влияет на их нравы неодинаково, но если бы они оставили свое занятие и посвятили себя тому, чем они не занимаются, то в этом они были бы совершенно одинаковы. Поэтому говорят: «Не будь низким человеком, вернись к Небесному, не старайся быть благородным мужем, следуй Небесной истине». И в кривом, и в прямом есть нечто Небесного предела.

Смотри же на все четыре стороны,
Плыви вместе со временем,
В утверждении и в отрицании держись центра круга.
В одиночестве достигай совершенства,
Кружись согласно Великому Пути.
Не посвящай себя одному делу,
Не старайся жить в соответствии с долгом
И тогда потеряешь все тобой совершенное.
Так не гонись за богатством,
Не жертвуй собой ради совершенства,
Все оставь — и вернешься к Небесному.

У Биганя вырезали сердце, у Цзысюя вырвали глаза — их довела до этого преданность государю. Чжицзюй доносил на отца, Вэй Шэн утонул — виной тому была их преданность. Бао-цзы стоял, пока не высох, Шэнь-цзы не сумел защитить себя — так навредила им их честность. Конфуций не виделся с матерью, Куан Чжан не встречался с отцом — таков вред любви к долгу. И так происходило из века в век, так что муж, желающий говорить и вести себя благопристойно, непременно попадет в беду!

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
«БЕСЕДЫ И СУЖДЕНИЯ»	38
СЕМЕЙНЫЕ ПРЕДАНИЯ О КОНФУЦИИ	93
«СЕРЕДИНА И ПОСТОЯНСТВО»	108
«ЗАПИСКИ ОБ УЧЕНИИ»	119
ИЗ КНИГИ «МЭН-ЦЗЫ»	123
ХУН ЦЗЫЧЭН. АФОРИЗМЫ ОБ УЧЕНИИ И ДОБРОДЕТЕЛИ	155
ПРИЛОЖЕНИЕ	166

КОНФУЦИЙ И ЕГО ШКОЛА
АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

Составитель и автор предисловия

Владимир Вячеславович Малявин

Первый читатель

Евгений Александрович Ямбург

Редакционно-издательская подготовка,
оформление, макет и диапозитивы текста
Издательского Дома Шалвы Амонашвили

Подписано к печати 20.02.95. Формат 60х90 1/16.
Усл. печ. л. 11. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Тираж 20 000 экз. Заказ 5443.

Издательский Дом Шалвы Амонашвили.
103004, Москва, Козицкий пер., д. 1а,
строение 2.
Лицензия ЛР № 064218 от 18.08.95 г.

Отпечатано с готовых диапозитивов на
Смоленском полиграфическом комбинате
Комитета Российской Федерации по печати.
214020, Смоленск, ул. Смольянинова, 1.